

ДМИТРИЙ СИЛЛОВ

КРЕМЛЬ ZZZZZ

ЮГ • СЕВЕРО-ЗАПАД
СЕВЕР

Дмитрий Олегович Силлов
Кремль 2222: Юг.
Северо-Запад. Север
Серия «Кремль 2222 (сборники)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44602268
Кремль 2222. Юг. Северо-Запад. Север: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-113199-9

Аннотация

В настоящее издание вошли три романа Дмитрия Силлова, открывающие его знаменитый цикл «Кремль 2222».

Юг

Цивилизация погибла. Все, что осталось от России, – Поля Смерти и горстка людей, обороняющих Московский Кремль от биороботов, киборгов, безумных шаманов и прочей нечисти, порожденной Третей мировой войной.

Молодой кремлевский дружинник Данила, сбежавший из плена нелюдей, в руинах бывшей столицы России встречается человека, который не боится ни биороботов, ни телепатов. Человека, пришедшего из мира, где Последняя Война еще не проиграна. Этот мир называется Зоной. А человека зовут – Снайпер.

Северо-Запад

Снайпер стал легендой там, на отравленной земле Зоны. Теперь его поле битвы здесь – в таком же отравленном смертью мире Москвы, пережившей ядерную войну. В мире мутантов, киборгов и Полей Смерти. В мире, где жалкие кучки людей пытаются выжить и сохранить себя. Сохранить человечество.

Снайпер нужен здесь. Потому что он умеет убивать. Он готов спасать – друзей.

А еще он способен прощать. Врагов. Он – Снайпер, совершенный воин, которому не хватает лишь одного.

Любви.

Север

Он – Снайпер. Он выбирает цель и поражает ее. Но случилось так, что сила Снайпера превратилась в слабость. Враг отнял у него цель.

Если у обычного человека отнять самое дорогое, его жизнь теряет смысл. Но Снайпер – другое дело. У него теперь иная цель. Мечь.

Содержание

Юг

7

Конец ознакомительного фрагмента.

320

Дмитрий Силлов

Кремль 2222. Юг.

Северо-Запад. Север

© Д. Силлов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Хронология романов о Снайпере:

СТАЛКЕР. Закон проклятого

СТАЛКЕР. Закон Зоны

КРЕМЛЬ 2222. Юг

СТАЛКЕР. Закон стрелка

СТАЛКЕР. Закон шрама

КРЕМЛЬ 2222. Северо-запад

КРЕМЛЬ 2222. Север

КРЕМЛЬ 2222. МКАД

КРЕМЛЬ 2222. Сталкер

РОЗА МИРОВ. Закон дракона

СТАЛКЕР. Закон Шухарта

РОЗА МИРОВ. Побратим смерти

СТАЛКЕР. Закон Хармонта

КРЕМЛЬ 2222. Петербург

КРЕМЛЬ 2222. Шереметьево

СТАЛКЕР. Закон “дегтярева”

СТАЛКЕР. Закон Призрака

СТАЛКЕР. Закон клыка

СТАЛКЕР. Закон долга

СТАЛКЕР. Закон свободы

СТАЛКЕР. Закон монолита

ГАДЖЕТ. Чужая Москва

СТАЛКЕР. Закон сталкера

СТАЛКЕР. Закон торговца

СТАЛКЕР. Закон крови

СТАЛКЕР. Закон Охотника

СТАЛКЕР. Закон Припяти

СТАЛКЕР. Закон якудзы

СТАЛКЕР. Закон лесника

СТАЛКЕР. Закон выживших

СТАЛКЕР. Закон бандита

СТАЛКЕР. Закон черного сталкера

Юг

Их было не меньше сотни. Нечесанные космы грязной шерсти, под которой перекатывались бугры чудовищных мускулов, разъявленные клыкастые пасти, дубины в лапах, обработанные острыми камнями или арматурой, заточенной об камни... И глаза, горящие ненавистью и неутоленной жаждой крови. Вряд ли кто теперь скажет точно, откуда появились нео – люди это, под действием Полей Смерти ставшие полуживотными, или животные, благодаря этим Полям превратившиеся в полулюдей...

Впрочем, надо признать, что нео была свойственна вполне людская хитрость. Засаду для разведчиков они продумали грамотно. Правда, не учли, что кремлевские не пеших пластунов пошлют в рейд, а конное отделение верхом на фенакодусах. Разведка боем – так в древности называлась похожая тактика. Ударить с наскока, промчаться по территории противника, высмотреть все, что нужно, побросать трофеи в седельные сумы – и ходу обратно, в приоткрытую щель Спасских ворот, которые, пропустив конников, захлопнутся перед самым носом врага, разгоряченного погоней. Да еще с надвратной стрельницы шибко шустрые нео свинцовый го-стинец в пасти получают – если они, конечно, не опомнятся и раньше не прекратят погоню.

Так бывало уже не раз. Но сегодня наученные горь-

ким опытом нео как-то сумели просчитать маршрут ударной группы и блокировали выход меж разрушенной башней Форта и храмом Покрова, который не смогли разрушить ни вражеские боевые роботы в Последнюю Войну, ни неумолимое время. Почти два столетия прошло с той войны, а главное укрепление Форта, храм-крепость с кирпичными стенами трехметровой толщины и бойницами, позволяющими контролировать все сектора Красной площади, до сих пор стоит практически неповрежденным. На нейтральной территории. На которую и нео сунуться боятся, опасаясь пушек Кремля, и люди пока не могут удержать... И смогут ли в дальнейшем? Неизвестно...

– Давай, родимый, не подведи, – шепнул Данила своему Бурке на ухо. Почему Буркой названа лошадь, понятно. Большинство коней в Кремле так зовут, и Данилин – не исключение. Кожа боевой лошади-мутанта бурая, словно засохшая кровь, оттого и имя. Люди, которые до недавнего времени поколениями не вылезали из противорадиационных костюмов высшей защиты, мутациям не подверглись. А вот лошади изменились. И стали очень похожи на своих первобытных предков-фенакодусов, обретя пасть с устрашающими зубами, когтистые лапы и отменные боевые качества. Причем с людьми фенакодусы доброжелательны, особенно с детишками, которых любят, как своих жеребят. Но если нео увидят – все. Звереют моментом и тут же норовят откусить голову, разгрызть как орех и выжрать мозг. Причем все это

не сбавляя скорости бега...

Меч, повинаясь отработанному движению руки, рубанул наискось – и нео с занесенной дубиной развалился надвое от плеча до пояса. Дубина, звякнув воткнутыми в нее обрезками арматуры, удачно упала на брусчатку – прямо под ноги второму мутанту с деревянным шестом, заточенным под копье. Такими шестами с остриями, обожженными на огне для крепости, нео часто пытались в бою пробить грудь фенакодусов. Но все кони разведчиков имели нагрудники – где из досок выточенные, а где и стальные. К тому же с самодельным копьем в свалке не развернуться, потому мутант-копейщик явно погорячился, прихватив длинномер в засаду. А тут еще дубина бывшего товарища под лапу попалась. На которую он и наступил, навалившись всем весом и примяв пятой пару заточенных арматурин.

Заорать копейщик не успел, лишь глаза выпучил и пасть разинул. Туда, в эту пасть, и ткнул Данила острием меча, перерубив гортань вместе с шейными позвонками. И выдернул меч поскорее – были случаи, когда нео, ухватив клинок зубами, повисали на нем, словно крысособаки на горле врага, и лишали воина оружия. Хочешь не хочешь, а выпустишь меч, когда на нем болтается туша с силой сжатия челюстей, равной стальным тискам...

Данила рубился самозабвенно. Это было его! Жил он в такие минуты полной жизнью. Хотя осуждал отец Филарет такую тягу к рукопашной драке, но, с другой стороны, не лю-

ди же годами стоят под стенами Кремля, то откатываясь назад на километры, то вновь возвращаясь бесчисленной ордой под стены последнего оплота человечества. Не люди, нет.

Нелюди.

Раз за разом, год от года повторяется одно и то же: внезапно вдали возникает стена тумана, за которой скрываются многочисленные кланы нео. Известно – туман, скрывающий от защитников Кремля численность и маневры мутантов, нагоняют колдуны-шамы. Правда, своими глазами никто тех шамов не видел, лишь слухи да легенды одни. А от пленных нео добиться чего-то, кроме гордого: «Нас берегут шаманы!» – никакими экспресс-методами допроса пока что никому не удавалось.

И сейчас Данила чистил московскую землю от нечисти. И настолько самозабвенно, что забыл оглянуться и посмотреть – а как там товарищи, не отстали ли? И не специально ли создали нео шеренгу, поставив наиболее нерасторопных в середину, чтобы хотя бы один разведчик прорубил в ней дорогу и не заметил, как позади него смыкается кольцо из самых сильных мутантов, отсекая «языка» от основного отряда...

Двое нео неожиданно нырнули под брюхо Бурки. Данила видел, как разодранное когтистой лапой мохнатое тело тут же вылетело обратно и сжалось в комок, пытаясь запихать обратно в живот выпущенные кишки. Но второму нео повезло больше. Прежде чем мохнатый воин умер от удара задней лапы фенакодуса, он успел всадить в его брюхо трофейный

боевой нож и просто удержать рукоять на месте одно лишь мгновение, пока летящее вперед мощное тело коня-мутанта не распорет себя само о бритвенно заточенное лезвие.

Таких ножей у нео было немного, и берегли они их лишь для особых случаев. Таких, как этот. Видать, шибко был нужен мутантам «язык», если они пошли на такие жертвы. Фенакодус Данилы споткнулся и начал стремительно заваливаться вперед. Толпа мохнатых тел хлынула вперед, стремясь подхватить и скрутить падающего всадника... но разведчик, оттолкнувшись ногами от стремян, уже летел над их головами в двухоборотном сальто, существенно повышающем дальность полета тренированного тела...

Он приземлился на носки сапог, спружинив ногами, ушел в кувырок, вскочил, рубанул мечом по чьей-то протянутой к нему огромной кисти... Состриженные лезвием пальцы посыпались на землю, дикий рев резанул по ушам, пробив звуковой волной бармицу на кожаной подкладке. Покалеченный мутант, продолжая реветь, метнул дубину вслед смазанной тени, в которую превратился непойманный «язык», – но слегка обточенный корень шагай-дерева лишь сбил шлем с головы разведчика и ткнулся в брусчатку возле пяток беглеца, слишком быстрого даже для лучших бойцов передового клана нео...

Данила бежал в сторону развалин ГУМа, когда-то громадного здания, превратившегося в руины во время Последней Войны. Только и осталось от него, что непонятное короткое

название да куча бетонных обломков, поросших гигантской крапивой, плотоядной лебедой высотой мало не с Кремлевскую стену и вездесущим व्यюном, оплетающим своими гибкими стеблями практически любые развалины. Найти здесь Данилу не смогли бы и полтысячи мутантов.

Развороченные снарядами остатки стен ГУМа приближались – и вдруг оттуда, из разверстых дыр, наверно, бывших когда-то огромными окнами, с ревом хлынула волна серых тел. Разведчик явственно видел красные, налитые кровью глаза нео, хлопья пены, летящей из их пастей меж желтых, сточенных клыков, грязную шерсть с проплешинами огромных язв, вызванных лучевым поражением Полей Смерти...

Что ж, умирать приходится лишь однажды. И лучше так, с мечом в руке, чем старым и немощным, в постели, от неизлечимых болезней.

Данила поудобнее перехватил рукоять меча и, бросившись навстречу лавине вражьих тел, заревел в ответ...

– Чего орешь?! Эй, разведка, просыпайся!

Кулаки, стиснутые в камни из плоти и костей, медленно разжимались. Горящие глаза мутантов постепенно превращались в огненные языки факелов, воткнутых в стены, а скрежет их когтей о брусчатку Красной площади трансформировался в мерное шуршание точильного камня по изогнутому клинку.

– Все тот же сон? – осведомился Ратмир, не прерывая своего занятия.

Данила не ответил, лишь переместился на лавке из положения лежа в сидячее. Сердце продолжало колотиться в боевом режиме, тренированное тело жаждало боя, реванша, а не позорного бегства. Хотя тогда иного выхода не было. Нет чести в том, чтобы умереть бесполезно, не для того его годами готовили лучшие воины Кремля. Но все же пятно лежало на душе, возвращаясь почти каждую ночь в виде желанного продолжения, – уж лучше бы месяц назад и вправду отряд нео засел в развалинах и дал возможность умереть как подобает воину.

Но не было в то утро в ГУМе вражьего отряда. После своего бегства весь оставшийся день и половину ночи Данила скрывался в зарослях, стараясь держаться подальше от гибких побегов хищных сорняков. А когда вернулся в Кремль, то узнал, что хитрые нео пошли на переговоры с противником и показали при этом потерянный шлем разведчика – мол, в плену он у нас, выкупайте. И отдали кремлевские за Данилу серьезную цену – три больших мешка пороха. Вернее, за его шлем. Ночью же «пленный» вернулся сам тайными тропами, но было уже поздно. Бесценный черный порошок нео унесли с собой и, скорее всего, приберегли до того времени, когда понадобится заложить бомбу под зубчатую красную стену.

Даниле никто слова не сказал – война есть война, и на ней случается всякое. Как он рубился, видели многие, и вряд ли кто решился бы упрекнуть воина в чем-либо. Кроме него

самого.

– Лучше бы я в пахари пошел, – в сердцах бросил Данила. – Больше б толку было.

– Не согласен, – проворчал Ратмир, протирая кукри, и так вычищенный до блеска после заточки. – Не твое это. Ты же знаешь, мне тоже довелось раз побывать в плену, и это не значит, что я, боярский сын, лишился славы и чести. Сам знаешь, выкупили наши – и ничего. Кстати, вот тебе и не имеет цены золото. Еще как имеет. Меня, например, нео как раз за золото и отпустили – тогда у нас пленных мутантов для обмена не было и пороха в обрез, вот и пришлось нашим отвалить пару старинных кубков. А то уже хотели некоторые предметы, не связанные с памятью о прошлом, чуть ли не на пули переливать, мол, дальше свинцовых бить будут.

Ратмир ухмыльнулся.

– Так что, несмотря на прошлый плен, живу, воюю, вон даже десятником разведроты поставили. А тебе чего не хватает? Силы хоть отбавляй, статью тоже не обижен, вон девки заглядываются – только что не спотыкаются. Слава же придет, никуда не денется.

Это пахарь живет от пахоты до пахоты, а воин – от рейда до рейда. Так что жди рейда, и будет тебе слава.

Данила невесело усмехнулся. Давний спор в который раз грозил затянуться на всю ночь. Хотя что еще делать ночью, когда до рези в глазах палишься в бойницу, опасаясь и в то же время надеясь увидеть в тумане огни факелов нео. Или

и того хуже – налобных прожекторов био. Опасаясь потому, что огни – это штурм. И надеясь потому, что огни – это битва. Та, что разгоняет застоявшуюся кровь и наполняет сердце воина предвкушением победы.

– Воин живет от битвы до битвы, – сказал Данила. – А пахарь – надеждой на то, что когда-нибудь попадет в дружину.

– Ага, жди, – фыркнул Ратмир. – Пахарь, он и есть пахарь, его, кроме жратвы, сохи, жены да ребятишек, ничего не интересует.

Ратмир поднял кривой непальский меч до уровня глаз и прищурился, проверяя, не надо ли еще полирнуть клинок или подправить заточку. Почему кукри называют непальским, не знал никто, может, раньше «непал» означало что-то непалимое, несгораемо вечное? Кто ж его знает... Раньше много было того, о чем сейчас остались лишь сказки да былины. Или вот Ратмиров меч, например, что достался ему от отца, погибшего в легендарной битве при Мытищах. А тому – от деда, который сложил голову в рейде на конвой био, боевых биороботов, везущих – страшно подумать – целую цистерну бензина. Хотя, может, это была провокация – био горазды шевелить полусинтетическими мозгами, когда дело касается еды. Да и вправду, если подумать, то зачем им бензин, когда энергию для своих бронированных тел они получают, пожирая мертвечину?

– Тебя послушать, так пахари – люди низшего сорта, – покачал головой Данила. – А хлеб ты, между прочим, жрешь,

их руками выращенный.

– Много бы они вырастили, если б мы за их хлеб кровью не расплачивались.

Данила вздохнул и ничего не ответил. У приятеля на все был заготовлен стандартный ответ, слышанный уже не однажды долгими вечерами дежурств под конической крышей Никольской башни, обшитой толстыми броневыми листами. Как раз покойный дед Ратмира ту башню и усиливал – био в те времена еще могли по Кремлю и реактивным зарядом долбануть. Это сейчас у них, кроме дурной силы под броней, считай, ничего больше не осталось. Хотя и этого хватает – твари хоть и утратили огневую мощь, но выжили и, как следствие, стали намного хитрее и выносливее предков. Эволюция, ничего не попишешь.

А ведь если подумать хорошенько, то уже без малого двести лет прошло с Последней Великой Войны, а Поля Смерти все фонят, продолжая плодить новых чудовищ, все более жутких и кровожадных. Которых не всегда берет стрела, даже начиненная порохом, и шею которых далеко не всегда перерубает с одного удара кривой кукри Ратмира, хотя десятник, надо отдать ему должное, владеет своим оружием виртуозно.

Словно прочитав мысли Данилы, Ратмир, видимо раздумав воевать с приятелем словесно, сменил тему.

– Думается мне, у тварей эволюция в гору прет, – сказал он. – Недавно Горын видел, как здоровенный нео в Поле

Смерти по доброй воле вперся. Сел там прямо в центре и давай лучевые ванны принимать. Рожу у него корежит, с тела шкура клочьями отваливается, а он терпит, только землю когтями дерет и зубами клацает от боли, да так, что у него клыки обламываются и из пасти сыплются.

– И недохнет? – удивился Данила.

– Не-а. Видать, ему не впервой. Горын говорил, что тот нео был чуть не вдвое больше обычного. Думаю, он раньше случайно на край Поля забрел, ну его и разнесло как на дрожжах. А он то дело усек и пришел за добавкой.

– Погано, – сказал Данила. – Если у них помимо мяса еще и мозгов вдвое больше вырастет и они научатся, как био, доспехи себе из металла клепать и ремонтировать, туго нам придется. Нео-то в разы поболее числом будет, чем био и ша-мов, вместе взятых.

– Да кто ж их, нечисть поганую, считал? – буркнул Ратмир, с силой вгоняя кукри в ножны. – Хотя, наверно, ты прав. Отец покойный говорил, что людей в Последнюю Войну было намного больше, чем боевых роботов. Всю землю они населяли, прикинь? Пока Поля Смерти не превратили их в нео. А люди...

Ратмир осекся. Тема была не то чтоб запретной, но лишний раз о Последней Войне старались не говорить. И так все знали, что после того, как девять десятых планеты изъязвили разрывы атомных, термобарических, объемно-детонирующих, электромагнитных и еще невесть каких бомб, назва-

ния которых давно забыты, остаткам человечества пришлось срочно искать спасения на редких участках земли, свободных от Полей Излучений, за несколько поколений превращающих людей и животных в жутких мутантов.

Но и на тех участках спокойной жизни не получилось. Вышедшие из-под контроля боевые биороботы, способные без ущерба для себя переносить огромные дозы любых излучений, стали пожирать своих создателей. Военные хотели получить машины, способные существовать сами по себе, независимо от внешних источников энергии, и создали то, что люди называли «био» – биологических боевых роботов, питающихся мясом убитых. Машины, способные убивать даже тогда, когда кончались реактивные заряды во встроенных установках и патроны в крупнокалиберных пулеметах, – их манипуляторы были снабжены как разнообразными клинками, так и встроенным метательным холодным оружием.

Что ж, военные хотели войны и получили желаемое. Сейчас лишь немногие мастеровые точно знают, что такое электричество, – станции, его производящие, как и заводы, были уничтожены первыми же направленными залпами ракет, а био довершили программу ликвидации стратегически важных объектов противника.

Но силы воюющих государств были равны – и теперь вместо городов планету покрывают развалины, а единственной известной цитаделью человечества является Кремль – город-крепость, во время Последней Войны слишком хорошо

охраняемая ракетным щитом, для того чтобы быть стертой с лица земли. И вот уже две сотни лет о ее стены обламывают зубы одичавшие нео, био и другая нечисть, эволюционировавшая под воздействием Полей теперь уже никому не известных Излучений, которые много лет люди называют Полями Смерти.

И почему враги проявляют такое упорство в атаках на Кремль, тоже понятно. Заокеанские био, после ракетного удара заброшенные сюда для зачистки территории, изначально были запрограммированы на уничтожение людей. А нео то ли мстят тем, кто в отличие от них смог защититься от мутаций, то ли сами хотят занять практически неповрежденную крепость-базу вместе со всеми ее богатствами, то ли и то и другое вместе. И если раньше осады были непродолжительные, а кланы осаждающих нео малочисленные и разрозненные, то сейчас, судя по словам «языков», все кланы объединил какой-то Крагг, мутант из мутантов. И сейчас вот уже полтора месяца висит вдоль восточной стены Кремля полоса тумана, за которой, судя по опыту прошлых осад, собирают свои силы перед штурмом проклятые нео...

На Угловой башне восемь раз ударили в било, и Данила потряхнул головой, отгоняя невеселые мысли. Скоро совсем рассветет, придет смена караула. Надо будет перекусить, поспать немного, а после, как всегда, – тренировка до обеда, после обеда отдых час и снова тренировка до ночи. А на следующий день новый караул. Обычный режим воина развед-

роты, из года в год оттачивающего мастерство владения своим телом и оружием.

– После полудня в рейд идем, – неожиданно произнес Ратмир.

Данила резко обернулся:

– Откуда знаешь?

Ратмир самодовольно хмыкнул:

– Большой начальник разведки знает все. Если чего не знает, так ему это и не нужно.

– А если серьезно, господин большой начальник?

– А если серьезно, то случайно подслушал вчера, как князь с Лютом в гриднице план операции обсуждали.

– Ага, случайно...

– Ну, не совсем, – усмехнулся Ратмир. – Меня Лют послал в оружейку бронебойные стрелы пересчитать, а тут князь зашел.

– А ты давай уши греть, – кивнул Данила.

– А то б ты не грел!

Даниле ничего не оставалось, как пожать плечами. Когда князь с воеводой один на один без бояр чего-то решают, понятно дело, что разведчику удержаться и не подслушать ну никак невозможно. Хотя, если б не был уверен Лют, что дальше роты разведчиков информация не просочится, хрен бы Ратмир чего узнал, несмотря на то что он лучший пластун в разведроте. Воеводе хоть уже за четвертый десяток перевалило, но вряд ли кто с ним сравнится что в тактике, что в

стратегии, что в рукопашном, что в вооруженном бою.

– И чего?

– На прорыв пойдем, – сказал Ратмир. – Нео, похоже, с био о чем-то договорились и вдоль восточной стены лагерем встали. Из пушек, понятное дело, за развалинами их не достать, а узнать, что мутанты задумали, надо. Внаглую прорываемся через Варварку, потом налево по Никольскому, там вроде завалов сильных быть не должно, понятно дело, по пути цепляем трофеи, какие будут, и «языка» по возможности, потом опять налево...

– И дальше через Ильинку возвращаемся, – кивнул Данила. – Если кота за хвост тянуть не будем и все сделаем быстро, то есть шансы. Они дневного прорыва наверняка не ждут и пока сообразят, что к чему, мы уже дома будем. Только странно мне как-то, что био с нео что-то вместе затеяли. Как едок с едой договориться может?

Ратмир пожал плечами:

– Это все Поля Смерти, будь они неладны. Ученые из Академии говорят, что по логике вещей радиационные поля должны были со временем меньше становиться, а они, наоборот, мало того что не уменьшились, а превратились черт-те во что. Даже вроде как блуждать начали, и вишь, нео в них теперь специально ныряют, сил набираются в ущерб клыкам и красоте неопикуемой. Может, те Поля тоже мутировали, а потом и нео, и био на мозги повлияли, поумнели твари?

– И теперь нам пакости готовят совместно...

По лестнице загрохотали подкованные железом сапоги, и на площадку поднялся рослый детина, казалось, сразу заполнивший могучим телом все свободное пространство.

– Треплемся? – прогудел он так, что застонали перекрытия под потолком.

– Службу несем, Горын, – мягко парировал Ратмир со змеиной улыбкой на тонких губах. – Чего и вам с Таргатом желаем.

Из-за необъятной спины Горына возник невысокий толстый воин в кольчуге и с мечом при бедре, явно не соответствующим длиной клинка росту его владельца, – заостренный кончик только что не чертил за воином след по дощатому полу. Хотя тот, кто видел Таргата в бою на мечах, обычно не удивлялся подобному несоответствию.

– Так нам не привыкать, – сказал Таргат. – Не мы ли...

– Помним, помним, как вы с Горыном первыми увидели нео, которые перли в атаку год с чем-то назад, – сказал Данила, возведя глаза к потолку. – Что свидетельствует о вашем отношении к службе, которую мы с Ратмиром несем из рук вон плохо.

– И из-за нашего хренового отношения к ней нас как самых худших воинов Кремля сегодня посылают в рейд, – смиренно добавил Ратмир.

– К-как в рейд? – поперхнулся едким комментарием Таргат, а Горын выпучил глаза и стал медленно наливаться красным.

– Т-так, – передразнил Ратмир. – Горын, смотри не лопни, а то кто службу нести будет, с башни нам в спины глядеть?

И пока смена приходила в себя от новости, Данила с Ратмиром, придерживая мечи, чтоб не цеплять ножами стены, сбежали вниз по древней винтовой лестнице, еще принимавшей своими коваными ступенями удары каблуков дозорных Последней Войны.

– Может, зря ты ему о рейде сказал? – усомнился Данила, выходя из душных недр башни на волю.

– Какая разница? – хмыкнул Ратмир. – Все равно до рейда полдня осталось, через несколько часов каждая крысособака о нем знать будет. Да и кому сольют эти пентюхи из башни секретную информацию? Любишь ты, Данила, перестраховываться где надо и где не надо, – Ратмир рассмеялся. – Зато какая у Горына была рожа!

Данила улыбнулся. Рожа у Горына была действительно потешная, того и гляди лопнет от злости, что не его, первого силача дружины, в рейд посылают, а опять Ратмира с Данилой. Глядишь, ел бы парень поменьше каши, был бы маленько пошустрее – и сгодился б в разведроту. Бесспорно, мечники они с Таргатом знатные, особенно в паре. Однако в рейде порой не столько искусство боя требуется, сколько ловкость, быстрота и умение быстро принимать верные решения.

– Ну, я в казармы, – спрятав зевок в кулак, сказал Ратмир. – А ты?

– А я в Храм зайду – и потом вслед за тобой на боковую.

– Давай-давай, – сказал десятник с легкой иронией в голосе. Он принадлежал к числу воинов, молящихся Перуну, богу войны и оружия, часть силы которого живет в личном мече каждого настоящего воина. Но Говорящих с Мечами было немного, большинство все-таки исповедовали веру предков, благо пощадили храмы бомбы и ракеты Последней Войны. И хотя в первые годы после бомбардировки Кремль был перенаселен, ни у кого не возникло мысли снести храмы или переоборудовать их под жилье. Это сейчас места стало больше, а людей меньше. Хотя все равно тесно, каждый квадратный метр на счету...

При одном из храмов был Госпиталь. При другом – Дом Мудрых, в котором жили старики, оставшиеся без потомков, – молодые часто гибли в стычках с тварями, кишачими по ту сторону стены, и потому Дом Мудрых никогда не пустовал. При третьем, самом величественном, – Храм, где уже который век совершали церковные обряды Хранители Веры. При четвертом работала Семинария, где обучались будущие священники-воины. Пятый был закрыт для посторонних – в нем хранились Реликвии Предков, и лишь избранные имели право переступать его порог...

А при шестом храме была Школа для детишек, еще не вошедших в возраст, когда человек или общество решает, кем ему стать – Воином или Гражданским, работающим на благо Кремля. Конечно, мнение молодых людей учитывалось, но случалось, что Гражданскими становились против воли, –

слишком многие хотели быть Воинами, носить блестящие доспехи и посвятить свою жизнь уничтожению нечисти, кишашей по ту сторону стен. Но порой рабочие руки были важнее. К тому же далеко не каждый годился в Воины...

Весь комплекс из шести строений часто называли одним словом – Храм. И неважно, куда шел человек, в Госпиталь со своей бедой или в Дом Мудрых, провести отца погибшего друга. Для всех человек шел в Храм – остальное было неважно...

* * *

Данила подошел к окованной железом массивной двери и прислушался. Ага, отец Филарет читает детишкам лекцию по устройству мира. Что ж, мешать не хочется, но и стоять под дверью тоже не с руки.

Разведчик тихонько приоткрыл дверь и проскользнул в образовавшуюся щель, не звякнув ни единым кольцом брони. Порой и не замечаешь навыков, приобретенных за долгие годы тренировок. И недоумеваешь – чему это Гражданские удивляются, все ж так естественно. Какое здесь искусство, так, ерунда, каждый сможет при желании...

У старой, истертой мелом и тряпками доски стоял пацаненок лет десяти. Остальные мальцы сидели за партами, сколоченными из досок и крашенными камуфляжной зеленой армейской краской. За многие годы краска потерлась, облупилась...

пилась. Перекрасить бы – а нечем...

За партами тихонько сидела ребятня числом примерно с пару дюжин. Смирно сидели, такое только на экзамене бывает, что мальцы не возятся украдкой, чтоб учитель не видел. И учитель был строг как никогда, в новой черной рясе, перепоясанный широким поясом с подвешенным к нему боевым ножом. Был тот нож взят полвека назад в бою молодым послушником при неожиданной атаке стен Кремля сразу с трех сторон крупной армией нео. Как раз в ту битву и рванули разведчики коллектор Неглинки вдоль всей западной стены до самой реки, наполовину вернув Кремлю древний оборонительный ров, когда-то полностью окружавший крепость. И с востока пытались взорвать, но не вышло – со стороны Красной площади уж больно крепок оказался потолок коллектора. Но в тот раз и сделанного хватило, чтобы отбросить армию человекообразных мутантов. Одним из тех героев-разведчиков был монах-воин, который ныне преподавал детишкам как науку духовную, так и основы истории и военного дела:

– ...шамы же, говорят, едят мясо – как нео, так и человеческое. Любыми организмами умеют управлять мысленно на расстоянии, если не знать, как от них защититься. С давних времен воюют с био, так как и те и другие считают себя хозяевами мира. Правда, доподлинно никто не знает, как выглядят шамы, люди разное говорят.

Степенно огладив широкую бороду, изрядно выбеленную

сединой, Филарет кивнул:

– Неплохо, Илья, неплохо. А про кио что скажешь?

– То легенда, отец Филарет, – степенно ответил мальчик. – Киборги – это люди, живущие вечно, если им не разрушить мозг или сердце. Вроде как были они созданы из лучших бойцов человечества накануне Последней Войны, да только в Войне не участвовали. В Книге Памяти о них упоминается, да еще видел их кое-кто из выживших. Хотя, может, это и вовсе мутанты какие были, а не кио из сказок.

– Не думаю, что это сказки, Илья, – покачал головой Филарет. – А даже если и так, то пусть останутся они у вас в памяти. Обидно будет, если кто-то из дружины в рейде убьет того, кто, возможно, сможет стать другом для людей.

– Если до сих пор они друзьями не стали, значит, и не станут, – хмуро произнес мальчик.

Данила улыбнулся. Воин растет. С детства верит не в легенды, а в реальность.

– Кто знает, – спокойно произнес учитель. – А теперь скажи, почему мутантов, схожих с первобытными неандертальцами, мы зовем нео?

– От разведчиков то пошло, – ответил Илья. – В бою нужны слова короткие и звучные, чтоб ими врага обозначить. Нео – это вроде как новый неандерталец. У них, как у лошадей, эволюция вспять пошла. Хотя они и не совсем стали как предки человека, но похожие, только с клыками большими, здоровее и немножко умнее.

Класс захихикал, но под строгим взглядом отца Филарета быстро угомонился.

– То же и с шамами или био. Пока выговоришь «шаман» или «биоробот», твари уже в куклу превратят или раздавят. А так вон крикнул, как дядька Лют на тренировке: «Нео три!» – и сразу ясно, что на три часа мутант обозначился и всем туда стрелять нужно.

– Молодец, – кивнул Филарет, пряча улыбку в бороду. – Сдал экзамен. А теперь поздоровайтесь с тем, кто в свое время вышел отсюда, тоже сдав все экзамены на отлично, как и подобает будущему разведчику.

Данила вышел из глубокой тени колонны и поклонился учителю в пояс.

– Ух ты! Сам дядька Данила из разведроты к нам пожаловал! – прокатилось по классу. – При мече да в кольчуге...

В другое время, может, и разрешил бы Филарет ребятне повисеть на разведчике, потрогать броню да ножны меча, но, перехватив взгляд Данилы, учитель возвысил голос:

– Всем перерыв до девятого била. А после продолжим экзамен.

Ребятня, подавив вздохи сожаления, послушно покинула класс, а разведчик шагнул к учителю:

– Здрав будь, отец Филарет.

Внимательные глаза учителя, казалось, смотрели прямо в душу:

– И тебе здорову, сын мой. Рассказывай.

Данила снял побитую шлем-каску с откидным стальным забралом и склонил голову:

– Благослови, батюшка.

Жесткая сухая ладонь легла на затылок, и Данила почти сразу почувствовал, как кожу у корней волос стало покалывать, словно крошечные иглы осыпались на нее мелким дождем.

– Благословляю тебя, сын мой...

Игольчатый дождь прекратился, и Данила поднял голову.

– Что тебя тревожит, ученик?

Официальная часть кончилась. Сейчас с разведчиком говорил не священник, а воин:

– Порох, заплаченный за твой шлем, душу жжет?

Данила кивнул.

– Про то не печалься. Война есть война, и сейчас жизнь каждого воина Кремля дороже пороха. Но, чувствую, ты пришел не только поэтому. Новый рейд?

Данила кивнул снова.

– Раньше перед рейдами ты не приходил сюда.

Разведчик пожал плечами:

– Их и было-то всего три, отец Филарет. Да и то первый раз так, банду нео от стен отогнали, а во второй раз за металлом ночью сходили, арматуры в развалинах нарезали – и обратно. А третий...

– Про третий забудь! – возвысил голос Хранитель Веры. – Знаю я твой упертый характер, и про то, что в бою рубишь-

ся себя не помня, тоже знаю. Смотри, глупостей не наделай, воин, стараясь обелить свое имя. То не доблесть в тебе клочется, а гордыня, а это великий грех!

Зычный голос старика гудел под куполом храма, словно колокол. Правда, выговорившись, старик немного смягчился.

– Предчувствие нехорошее?

– Да, отче.

– Это бывает перед боем. Помни, за кого воюешь и за кем правда. Об ином не думай. Просто делай то, что должен. А я помолюсь за тебя.

– Спасибо, отец Филарет.

Данила хотел снова поклониться, но священник взял его за плечи и прямо взглянул в глаза.

– Мы выстоим, – сказал он. – Отсюда, от Кремля, возродится человечество. Миссия у нас такая, парень, у тех, кто по воле Божией в живых остался, – от всякой погани землю очистить, чтоб детям нашим и внукам на ней жилось вольготно, как в древности наши предки жили. Так что иди и помни, ради чего воюешь...

Данила шел к дружинным Казармам, а в голове все звучали слова Учителя: «Миссия у нас такая – от всякой погани землю очистить...» Не выжить любой ценой, запершись за стенами города-крепости, а победить, вернув людям планету, захваченную ордами порождений Последней Войны. Что ж, ради такой миссии стоит жить и рисковать жизнью.

Однако все равно земляной червь сомнения грыз жвалами душу. Если информация верна и нео объединились с биороботами, то удастся ли прорваться разведотряду дружины через формирующиеся осадные линии? Нео, может, не додумаются, но био-то уж точно выставят дозоры из своей пристяжи, которая успеет предупредить основные силы о приближении противника.

Конечно, дружинная разведка боем на отборных фенакодусах через любую толпу нео пройдет как игла через рубище, но био... Роботам чужды паника и удивление. Пустят веером пару десятков метательных дисков, сякенов или стальных бумерангов – и нет половины отряда, несмотря на шлем-каска пятого уровня защиты и кольчуги, усиленные нагрудными бронепластинами. Не проще ли просто послать пару способных пластунов, в совершенстве владеющих искусством маскировки и умеющих отводить взгляд? Хотя если командиры армии нео, кроме биороботов, додумались нанять хотя бы одного шамана, то и вправду скрытный погляд теряет смысл и разведка боем будет лучшим выходом...

Так вот, ломая голову, дошел Данила до дружинных Казарм, расположившихся в величественном трехэтажном здании. Дошел, остановился, почесал в затылке... и прошел мимо.

Решение назрело само собой, подкрепленное давним воспоминанием, вдруг неожиданно-негаданно всплывшим в памяти. Понятно, что одного его в разведку никогда не пошлют.

Молод больно, и участие в трех рейдах далеко не показатель боевого опыта – у многих воинов за плечами по несколько десятков походов за стены, но и те минимум парами ходят. Один наблюдает, другой следит, чтоб враги наблюдателя со спины не обошли. Но в то же время бросать конную разведроту в туман, где пара биороботов могла просто перегородить улицу, тоже не выход. А вот если получится задумка до рейда пробраться к лагерю нео, все вывести и вернуться обратно, то победителей не судят. А не получится – что ж, хоть будет возможность погибнуть как настоящему воину с мечом в руке, а не жить с грузом позора на плечах, что с каждым днем становится все тяжелее и каждую ночь порождает одинаковые сны...

В детстве еще, несмотря на запрет взрослых, играл Данила в Тайницком саду и нашел случайно недалеко от Набатной башни старый подземный ход. Куда тот ход ведет, пацан тогда разведать не решился – из темной дыры тянуло сыростью и мертвечиной. Потому и забыл о том немедленно – детский ум не хранит страшное и непонятное. А сейчас вдруг вспомнилось, через столько-то лет. Не ладонь ли отца Филарета пробудила те давние воспоминания, похороненные в недрах памяти?

На Ивановской площади была установлена батарея противовоздушной обороны, состоящая из четырех пневмопушек, нацеленных стволами в небо. Универсальная разработка для стрельбы по наземным и воздушным целям, переделанная

из старых музейных экспонатов еще Второй мировой войны. Тратить порох с некоторых пор было непозволительной роскошью, потому для защиты от атак летающих мутантов вполне хватало десятка батарей, расположенных в ключевых точках Кремля и стреляющих специальными тяжелыми копьями. Предосторожность не излишняя – рукокрылы, мутировавшие летучие мыши-вампиры, у которых размах крыльев отдельных особей достигал десяти метров, вполне могли, спикировав, утащить взрослого воина в полном доспехе. Другое дело, что встречались такие твари нечасто, больше шныряла в небе мелочь величиной с орла, воюя с воронами, но все-таки береженого Бог бережет.

Обслуживали пневмопушки обычно девчонки из батальона ПВО, и Данила, проходя мимо, непроизвольно расправил плечи.

Что не осталось незамеченным.

– Куда путь держишь, боярин?

Звонкий и насмешливый девичий голос, раздавшийся из-под полумаски шлема, был знаком. Как и русая коса в руку толщиной, из-под того шлема выбивающаяся. Радомира, конечно, девка видная, фенакодуса на скаку остановит и хвост ему оторвет. А не оторвет, так замучает издевками. И чего на нее Ратмир заглядывается? С лица, как известно, воду не пить, а характер у девки вредный на редкость. Боярином простого разведчика назвать, конечно, лестно, но не таким голосом и не на всю площадь. Потому лучше отвечать в тон.

– По делу, боярыня, – отозвался Данила.

– По большому аль по малому?

«Лучше было вообще не отвечать», – мелькнуло в голове.

– В Тайницкий сад по нужде ходить опасно, – продолжала Радомира с искренним сочувствием в голосе. – Того и гляди дерево почует живое мясо да и оторвет чего ненароком.

С четырех сторон от соседних пушек разнеслось разноголосое девичье хихиканье.

– Тебе ж, красавица, язычок пока дерево не оторвало, стало быть, думаю, и мне опасаться нечего, – раздосадованно бросил Данила, ускоряя шаг. Не препираться ж с девкой, у которой под шлемом не ум, а коса.

– Так я не про язычок говорила, боярин, – раздалось в спину. Вместе с новой волной хихиканья.

Ну что с девок возьмешь? Скучно им на посту, только и развлечений, что языками чесать да прохожих задирать. Пусть уж резвятся, лишь бы за трепом атаку рукокрылов не проглядели.

Миновав Ивановскую площадь, Данила вошел под сень громадных узловатых деревьев, тянущих свои корявые сучья к серому, хмурому небу. Это и был Тайницкий сад, о котором в старых книгах, оставшихся после войны и бережно хранимых стариками, говорилось, что некогда он «утопал в зелени». Представить такое у Данилы не хватало воображения. А вот что излишне гибкая ветвь, замаскировавшаяся среди серой травы, может схватить и утянуть беспечного че-

ловека в недра трехобхватного ствола дерева, где полуживой организм выпьет из тела все соки и отторгнет сухую мумию, помнил с детства.

Было и еще одно воспоминание, связанное с этим местом. Тогда Даниле семь лет минуло. Отец его, богатырь знатный, уходя в рейд, подарил сыну белого щенка ручной крысособаки. В то время еще пытались люди уживаться с мутировавшими псами, сильно похожими на помесь старинного буль-терьера с обычной крысой. Но, в отличие от фенакодусов, крысособаки с каждым годом дичали, становились неуправляемыми, бросались на людей, и в конце концов специальным указом князя территория Кремля была от них очищена, а сами крысособаки объявлены опасными мутантами, подлежащими уничтожению. Что, впрочем, было недалеко от истины – в настоящее время мохнатые и умные твари представляли реальную угрозу для разведчиков вне стен крепости.

Но щенок, которого мать назвала Няшкой, был добрым и ласковым, Данила это точно помнил. И, как все дети, на редкость любопытным. Это его и погубило.

Отец ушел в рейд – и не вернулся. Данила долго плакал, уткнувшись лицом в белую шерсть, хоть это и не подобает будущему воину. А через неделю пропал и Няшка. Люди последний раз видели белого щенка возле Тайницкого сада. Туда и рванул было Данила, знавший запретную чащобу как свои пять пальцев, но мать остановила. Не била, а встала на колени и слезами заставила сына дать клятву, что он не пой-

дет искать наверняка погибшего друга и вообще никогда не переступит границы смертельно опасной чаши, пока не станет взрослым. Пришлось поклясться памятью об отце. Уж слишком сильно просила мать, только что потерявшая мужа...

Что и говорить, жуткое место Тайницкий сад. Хотя для взрослого мужчины хищное дерево пусть и опасно, но недостаточно сноровисто, чтобы не успеть засапожным ножом отсечь ветвь или позвать кого на помощь. Зато мрачная чаша корявых стволов с лысыми ветвями уже два столетия служила людям неиссякаемым источником топлива — отсеченные ветви быстро высыхали и горели отменно, а на их месте в два-три дня вырастали новые. Деревья питались не только живой плотью, которую умудрялись ловить не только на земле, но и в воздухе. Их корни, объединенные под землей в единую систему, питали также подземные воды, после Последней Войны принесшие в корневую систему вещества, вызвавшие чудовищные мутации... Н-да, хорошо, что в те времена в Кремле был сосредоточен колоссальный запас пищи и боеприпасов, помимо независимых генераторов электроэнергии, подземных установок для очистки воды и теплиц для выращивания овощей и злаковых культур. А то б не люди, а мутанты-нео уже двести лет бродили бы по территории города-крепости...

Найти то самое место оказалось непросто, ведь сколько лет прошло... Корни полуживых деревьев, словно змеи, расползлись по земле, изменив местность до неузнаваемости. Но разведчик на то и разведчик, чтоб решать подобные задачи. Наметанный глаз определил – вот они, опоры разрушенной парковой скамейки, наполовину скрытые узловатыми корнями.

Данила вытащил меч и несколькими ударами освободил один из бетонных параллелепипедов, торчащий из остатков растрескавшегося асфальта. Отрубленные корни, медленно корчась, словно щупальца расчлененного сухопутного осьминога, тыкались в разные стороны, пытаясь найти места отсечений от основного ствола. И, найдя, с еле слышным чавканьем прирастали обратно. Да уж, не зря говорили ученые, что объединенная корневая система Тайницкого сада имеет зачатки примитивного разума.

Налюбовавшись на феномен, Данила присел, взялся за бетонный блок и повернул его вокруг невидимой оси.

Впереди, сразу за поворотным механизмом, замаскированным под опору скамьи, раздалось скрежетание. Стальной люк, заросший коричневым мхом и оттого невидимый, если не присматриваться особо, сдвинулся с места и пропал в боковом пазу бетонной трубы, уходящей под землю.

«Неплохо придумано, – отметил про себя Данила. – Молодцы предки. Просто и результативно. Так стоит себе скамейка, каких здесь небось было навалом, внимания не привлекает. Да и кто посторонний додумается ее опоры на прочность проверять? А кто знает секрет – оторвал сидушку одним движением, опору повернул – и поминай как звали».

В стену лаза были вмурованы скобы из нержавеющей стали с легкой накаткой, чтоб руки-ноги во время путешествия под землю ненароком не соскользнули. В очередной раз мысленно похвалив предусмотрительность предков, Данила начал спуск в темноту.

В трубе воняло, словно в старой могиле: сыростью и разложением. Застоявшийся воздух подземелья забивал легкие, на скобах обжилась какая-то осклизлая разновидность мха – того и гляди рухнешь вниз эдакой бронированной консервой с начинкой из разведчика, который решил в одиночку стать героем.

Данила был уже готов вернуться – посмотрел, ход от времени не обвалился, корни бетонные кольца не разрушили, пусть дальше старшие решают, что с ним делать, – как неожиданно скобы кончились и каблуки сапог уперлись в твердое.

Ага, похоже, дно колодца.

Разведчик снял с пояса multifunctionalную телескопическую дубинку и резким кистевым хлестом раскрыл ее. Сухой щелчок отразился от невидимых стен. Другой рукой

Данила извлек из пояса, снабженного множеством кармашков, круглую блямбу. Встряхнул ее, разложив в стальной стакан, после чего навернул тот стакан на конец дубинки. В получившийся факел разведчик сунул пучок сушеной го-рюн-травы и чиркнул огнивом.

Неверное пламя осветило мрачные стены подземного хода. Данила стоял в бетонной трубе диаметром в рост человека, которая не иначе как проходила под Кремлевской стеной и заканчивалась где-нибудь в районе Васильевского спуска. Разведчик представил карту Кремля, изученную до черточки еще в детстве. Получается, до выхода из тоннеля метров триста, не более.

«Что ж, будем надеяться, что не вывалюсь из-под стены на виду у противника», – подумал Данила. Мысль о том, что-бы вернуться, мелькнула – и пропала, уступив место другой, более разумной, чем изначальная, насчет героической гибели: «Дойду до конца тоннеля, проверю, цел ли он, – и вернусь с полным докладом».

Опасения разведчика были нелишними. Проломив бетон и погнув арматуру, сверху в тоннель уже давно проникли корни деревьев Тайницкого сада, и лишь отсутствие пищи мешало им доломать творение рук человеческих. Так и остались они гладкими контрольными щупальцами свешиваться с потолка до тех пор, пока не потревожит их покой теплая, живая и неосторожная плоть. Что будет потом, Данила старался не думать – корни мутировавших деревьев на такой

глубине быстрее и мощнее ветвей, и даже мечом справиться с ними будет непросто.

Разведчик переложил факел в левую руку, а правой потянул из ножен клинок. Хорошее оружие, единственная память, оставшаяся от отца: его запасной меч. Сталь замечательная, заточку держит отменно, единственная беда – коротковат. Во втором рейде, пока кузнецы арматуру нарежали, пришлось повоевать немного с шайкой нео голов с полдюжины числом. Для четверых разведчиков шестеро нео не проблема, но самый здоровый из мутантов все же ухитрился подставить утыканную железными штырями дубину под удар Данилы. В результате чего меч разведчика стал короче на два пальца. Хорошо что не у рукояти отломился, потеря была бы серьезная. А так переточили кузнецы клинок, и стал меч похож не на меч, а на большой кинжал. Данила виду не подал, всем объявил, что так даже удобнее в ближнем бою. А в душе все же осадок остался. Просили и рука, и ножны привычного полноразмерного оружия. Но не было в Кремле лишних мечей.

Много чего уже не было с той поры, как кончились запасные детали для генераторов электроэнергии, истощились казалось бы нескончаемые запасы патронов для автоматов и снарядов для пушек и опустели гигантские подземные склады продуктовых НЗ. Положа руку на сердце, уже несколько лет лишь чудом сдерживали люди атаки нелюдей. И если б те тоже не выдохлись за почти два столетия непрерывной

войны, кто знает, может, уже и не было бы людей на этой земле...

Данила легко лавировал меж корней, которые к тому же шугались огня, от света и избыточного тепла шустро загибаясь вверх, к потолку. Меч не понадобился – деревья любили мясо, но опасались пламени и запаха дыма. Оттого и распался шевелящийся впереди клубок древесных щупалец, высвободив гибкое мохнатое тело и метнувшись кверху от греха подальше.

На пол шмякнулась неслабых размеров крысособака. Таких Данила ранее не видел. Раскормленная тварь размером с жеребенка фенакодуса и абсолютно белая. Не иначе альбинос, всю жизнь проживший в подземелье. Высосать кровь из мутанта корни не успели, но дыру в боку просверлили изрядную. Из раны по белой шерсти стекала темная кровь. Крысособака с трудом поднялась на ноги, не отводя красных глаз от человека. Понятное дело, еще вопрос, кто для нее опаснее – деревья или двуногий с огнем и стальной смертью в руках.

Добить? Данила поднял меч – и опустил. Медленно и не на шею мутанта, как собирался вначале. Потом вообще спрятал оружие в ножны.

Ничем не напоминал мутант давным-давно погибшего в Тайницком саду щенка Няшку, разве только белой мастью. И в другое время Данила срубил бы голову твари не задумываясь. Но сейчас разведчик подивился сам себе. Убивать животное не хотелось. То ли потому, что взгляд у него был

слишком осмысленным. То ли все-таки всколыхнуло в памяти, как, горюя об отце, плакал, уткнувшись лицом в короткую белую шерсть. То ли потому, что крайне опасное животное вдруг заскулило и повернулось раненым боком, словно прося помощи у человека.

– Ну и чем я тебе помогу? – пробормотал Данила, приближаясь к мутанту, – Типа, раз спас, то спасай до конца, да?

Крысособака не ответила, разве что скульнула еще раз – и замолчала, мол, сам решай, что делать, я все сказала.

– Хорошо, что наши не видят, – буркнул разведчик, доставая из аптечки пластырь из бересты и черной березовой смолы. Подумал секунду – и положил на середину лоскута еще и шарик регенерона, дефицитного лекарства, добываемого из печени гигантского рукокрыла. После чего ловко прилепил пластырь на рану, про себя подивившись переразвитой мускулатуре мутанта – вблизи бугры мышц выглядели точно как переплетение корней плотоядных деревьев, из плена которых вывалилась странная крысособака.

– Ну, если после этого ты на меня бросишься на узкой дорожке, это с твоей стороны будет большое свинство, – сообщил Данила мутанту. – Выздоровливай... Няшка. Или как там тебя по имени-отчеству.

Береста плюс регенерон – лекарство отменное, при контакте с кровью действует почти мгновенно, локально восстанавливая поврежденные ткани на глубину чуть не до десяти сантиметров. Один из немногих подарков мутировавшей

природы выжившему человечеству. В остальном та природа преимущественно мстит людям по полной...

Кровь остановилась. Крысособака внимательно посмотрела на человека. В ее глазах плясали красные языки отраженного пламени факела. Не поймешь, чего хочет. Может и бросится, кстати. Кольчугу не прокусит, а если в незащищенное бедро цапнет – не обрадуешься, кожаные штаны не спасут от ядовитых зубов...

Неожиданно крысособака подалась вперед. Ее раздвоенный черный язык мелькнул словно черная молния – и Данила ощутил на тыльной стороне ладони влажное прикосновение.

О как! Поблагодарила, значит. С ума сойти, один из самых опасных мутантов знает, что такое благодарность. Хотя, может, это генетическое, от собачьего предка, неизвестно каким макаром умудрившегося много лет назад спариться с гигантской крысой.

Мутант еще раз внимательно, словно запоминая, посмотрел на человека и, припадая на левую лапу, скрылся в одном из боковых ответвлений тоннеля, больше напоминавшем нору метрового диаметра.

– Ничего себе, даже «спасибо» сказал, – хмыкнул Данила и пошел дальше, удивляясь сам себе. Чушь какая-то. И что такое нашло? Айболит, блин, Дедмазаевич. Не иначе белая крысособака еще и телепат, иначе не объяснить своего благородного порыва. И теперь хорошо бы по пьяному делу на-

роду не проболтаться, как мутанта лечил, а то ж засмеют.

Но через несколько минут Даниле стало не до размышлений о странных мутантах.

В тоннеле ощутимо повеяло сыростью, неверный свет факела то и дело выхватывал пятна плесени на стенах. Вскоре под сапогами захлюпала вода. Понятно, над головой Неглинка. Неприятное ощущение, особенно когда знаешь, какие твари водятся в реке, черной петлей опоясывающей Кремль. Хотя, не будь той петли, глядишь, и людей бы уже в крепости не осталось. А так опасаются мутанты в воду лезть, потому как существа, в той воде обитающие, на всякую плоть реагируют моментально. Минута, а то и меньше, – и остаются от живого существа лишь наиболее крупные фрагменты скелета, те, которые разгрызть не удалось или которые целиком в пасть не пролезли. Потому на западной и южной стене Кремля пушек, что до Последней Войны стояли у здания Арсенала, а позже были перетащены на стены, в несколько раз меньше, чем на восточной стене, не отгороженной от остального мира рвом с ядовитой водой.

Данила ускорил шаги, прикидывая, где может быть выход из подземелья. Получалось, сразу за Москворецким мостом, вернее, за тем, что от него осталось. Судя по вчерашней сводке, левое крыло вражьей силы вроде как расположилось сразу за развалинами Форта, может, чуть дальше. Но «вроде как» – это не разведданные, а так, предположения, отчего и решено провести разведку боем. И что сейчас дела-

ется вдоль Васильевского спуска, это тоже из серии «вроде как», все равно никто ничего доподлинно не знает. В тумане не видать ни черта, будь он неладен. Уже сколько дней висит пеленой, ни туда ни сюда. Не иначе шамы постарались. А это очень плохо. Поди угадай, когда из-за клубящейся стены хлынет орда мутантов и боевых роботов...

Идея разведать подземный ход и вернуться сейчас показалась Даниле неразумной. Одного разведчика всяко труднее обнаружить, нежели группу. К тому же ход на ладан дышит, того и гляди его Неглинка затопит. Да и прошел он уже изрядно. Пока вернешься, пока доложишь, пока начальство решение примет, отряд уже в разведку боем уйдет – и смысл тогда в его самоволке? По шапке всяко получать за инициативу, которая, как известно, всегда наказуема, так не лучше ли тогда довести ее до конца?

Света становилось все меньше. Еще немного – и от факела один пшик останется. Данила уже почти бегом двигался вперед – благо больше не мешали корни деревьев и воды под ногами стало меньше. Что сейчас над головой? Не иначе бетонные обломки Форта, оборонительной линии, две сотни лет назад спешно выстроенной перед Кремлем – и, в отличие от него, в Последнюю Войну не устоявшей перед натиском вражеских боевых машин...

С потолка свешивался кусок арматуры, при ближайшем рассмотрении оказавшийся куском насквозь проржавевшей лестницы. В отличие от строителей подземного хода со сто-

роны Кремля, те, кто прилаживал эту лестницу, не заботились о ее долговечности.

– Твою мать, – ругнулся Данила. Если эти обломки прошлого выдержат вес воина вместе с броней и оружием, можно считать, что тому воину крупно и нереально повезло.

Подняв тлеющий факел повыше, Данила так и не смог рассмотреть, что делается в узком бетонном аппендиксе, круто уходящем вверх. Вроде не завален, можно попробовать. Вернее, нужно.

В паре метров впереди ход заканчивался стеной. Стало быть, путь этот без ответвлений, прямой, из точки А в точку Б, если не считать ходов, прорытых крысособаками. Из чего делаем вывод – или лестница выдержит, или придется идти назад несолоно хлебавши. И еще хорошо бы, чтоб аппендикс наверху не был заблокирован бетонными обломками Форта.

Данила подпрыгнул, ухватился за перекладину лестницы – и приземлился обратно с куском ржавчины в руке, вдобавок рассыпавшемся прямо в ладони.

Лестница проржавела насквозь. И с этим надо было смириться. Но смириться не хотелось. Плох тот разведчик, что пасует перед трудностями, не используя все возможности. Даже если этих возможностей на первый взгляд и нет. Ведь давно доказано – их нет обычно для тех, кто не ищет.

Факел мигнул в последний раз – и погас. Но он уже был и не особо нужен. На ощупь отвинтив складной стакан и вернув его в чехол, Данила снял с пояса тонкий шнур, сплетен-

ный из женских волос. Вовсе не для красоты с младенчества отращивали косы девчонки в Кремле. Были, конечно, еще веревки, которые плели для военных нужд из хвостов фенакодусов, но те шли не разведчикам, а простым воинам. Поэтому как выходили толще и не такими прочными.

На конце веревки имелся заточенный крюк, при необходимости раскладывающийся в трехпозиционную кошку. Как назывался металл, из которого крюк был сделан, Данила подзабыл – да и надо ли оно, помнить, что и как называлось в прошлом? Тем более что в настоящем такое не повторить никакими силами. Главное, что крюк был в меру легким, не потерял своих свойств за двести лет эксплуатации – разве только редкие подточки слегка истончили миниатюрные клинки – и сам не потерялся в многочисленных битвах.

Раскрутка, бросок – и крюк вместе с привязанной к нему волосяной веревкой улетел вверх. И упал обратно вместе с дождем из ржавой трухи, от которого Данила, предвидя такой исход, своевременно отпрыгнул. Потом был еще бросок. И еще...

Лишь пятый бросок увенчался успехом. Крюк зацепился за что-то наверху, и Данила, поплевав на ладони, начал подъем, стараясь не делать резких рывков.

Разведчик поднимался на руках, пока сапоги не коснулись внутренней части узкой бетонной трубы. Дальше дело пошло проще...

Биться как с оружием, так и голыми руками в Кремле учи-

ли всех с малолетства. Каждый знал, что в схватке с мутантом эффективны не только нож или пистоль, но и удар кулаком по носу, пальцем в глаз или ногой в подбрюшье. И чтоб та нога сноровистее летала, а руки имели железный хват и стальные пальцы, что пацанов, что девчонок в Школе на уроках по рукопашному бою тянули на шпагат до результата, заставляли лазать по канату, отжиматься на кулаках и пальцах, держать «уголок» на брусках. Мол, в жизни пригодится. Как, например, сейчас – упереться рифлеными подошвами сапог в стенку трубы, а руками перебирать веревку, медленно, но верно поднимаясь все выше и выше. В темноту.

Данила усиленно гнал от себя всяческие «а что, если?», возникающие в голове по мере подъема. Залезем – видно будет. Если выход завален, значит, слезем обратно и вернемся. Или придумаем что на месте. А паника в мозгах – это всегда лишняя и непродуктивная трата энергии на полную ерунду.

По расчетам Данилы, поднялся он метров на пять, когда обнаружилось, что крюк зацепился за крепежную скобу обрушившейся лестницы, которая была сделана из более коррозионностойкого металла. Второй раз метать крюк было неразумно – свалится заточенная кошка, попадет крюком в глаз – мало не покажется. Потому Данила, держась одной рукой за веревку, другой достал пяток метательных гвоздей. Или ножей – это уж каждый называет как ему больше нравится.

Точенные из кусков нарезанной арматуры, заточенные

штыри с обмотанной шнуром рукоятью в умелых руках были страшным оружием. Матерые дружинники с пятнадцати метров метали их в древесный лист, прилепленный к бревну. А уж с десяти метров каждый пятнадцатилетний пацан в Кремле втыкал восемь из десяти заточек в глаз нарисованному мутанту. Даже экзамен такой в школе был. Потому как оружие дешевое и эффективное – и с расстояния можно в ежа превратить тварь приبلудную, и врукопашную, коль уж до нее дойдет, заточка сгодится. Не боевой нож, конечно, но и не с голыми руками ходить, даже если ты не Воин, а Пахарь или Мастеровой.

Свои гвозди Данила точил по-своему, как, впрочем, делал это каждый Воин. Кому как под руку удобнее. Кто-то трехгранные предпочитал, иной просто, не морочась, ошкуривал ржавчину и затачивал кончик, оставляя вместо рукояти арматурную накатку – унес мутант заточку в шкуре, и бес с ней, не жалко. Данила же, не ленись, свои металки обрабатывал в кузнице, превращая их в пластины, предельно схожие с настоящими ножами. Которые и летят дальше, и в плоть входят глубже, и как инструмент сгодиться могут. Или как клинья, например, которые запросто можно вогнать меж стыков бетонных колец, превратив их в опору для ноги.

Ножей было немного. Хватит ли? Кто ж его знает, когда потолка не видно. Придется экономить.

Зажав ножи в зубах, Данила вбил первый из них в стену колодца стальным наручем. Перенес вес тела на стальную

опору, отдохнул немного, представил, каково будет вниз падать, когда сил совсем не останется, – и полез дальше. Потому как долгий отдых сил забирает не меньше недоделанной работы.

Потом был второй нож. После чего, зафиксировав правый каблук на рукояти, Данила смотал веревку, прицепил ее обратно на пояс вместе с крюком и позволил себе немного отдохнуть. Конечно, тот еще отдых – одна нога на рукояти ножа, вторая нога на другой рукояти, а остальные конечности на каких-то микроскопических выступках, невидимых в темноте. Но все же лучше, чем ничего.

Тогда, отдыхая, разведчик всерьез пожалел, что перед подъемом не снял кольчугу и шлем-каска. Если заметит патруль нео – не уйти. Некуда. Ворота в Кремле вряд ли откроют, даже если увидят беглеца, преследуемого толпой нео, а подземный ход в сердце крепости светить никак нельзя. То есть получалось, что попадаться патрулю мутантов нельзя по-любому, иначе пути назад нет и придется погибнуть фактически ни за что.

Металлический вкус от ножей во рту начинал раздражать не меньше веса брони. Не иначе еще и потому, что бесился Данила прежде всего на себя. Дернул же черт идти на разведку в одиночку! Да если б...

В это мгновение маковка шлема ткнулась в твердое, отчего подшлемник съехал на брови.

Данила осторожно поднял одну руку и ощупал то, что бы-

ло над головой. Холодное и осклизлое. Похоже, стандартный чугунный люк в потеках подвальной сырости и вездесущего изумрудного мха, что жрет неухоженный металл словно жук-древоточец сухую мебель. Причем насквозь проржавевший, как и лестница. Труха, а не металл.

Разведчик коротко, без размаха саданул по люку рукавицей, окованной сталью. И зажмурился. Рука пробила металл насквозь, ржавое крошево сыпануло на лицо и за шиворот. Не самое страшное, хуже было бы, если б люк был из нержавеющей стали.

Несколькими движениями Данила расширил отверстие – металл, изъеденный временем и изумрудным мхом, ломался словно черствый пирог. Когда последние куски пористого чугуна ухнули вниз, разведчик осторожно подтянулся на руках и выглянул наружу.

Понятно, почему ход до сих пор не обнаружили.

Над головой Данилы нависали многотонные обломки бетонных плит и клубки перекрученной арматуры. Сквозь щели между плитами пробивались редкие и слабые лучи восходящего солнца...

Развалины Форта. Похоже, подвал одного из ДОТов. Хорошо, если удастся выбраться отсюда на поверхность. Хотя если и не удастся – тоже неплохо. Приладить веревку, замаскировать выход – и обратно в Кремль. Глядишь, за находку секретного выхода из крепости самоволка и простится. Только потом разведчики все равно засмеют – ход нашел, а

посмотреть, что снаружи делается, побоялся.

Крюк Данила зацепил за стену колодца, а шнур накрепко привязал к креплению обвалившейся лестницы. Нормально получилось. Двойная страховка, даже если очень сильно дернуть, включив в рывок вес всего тела, оборваться не должно. И выход замаскировал неплохо – получилось вытащить из-под ближайшей горы щебня искореженный бронешит от какого-то орудия, надвинуть его на круглую дыру в полу и засыпать тем же щебнем. Нормально, рядом будешь стоять и не заметишь среди гор мусора, оставшихся до сего дня нетронутыми с последнего дня Последней Войны.

Вокруг валялись слежавшиеся от времени ржавые остовы разного оружия, перемешанные с выбеленными ветром и дождями костями его владельцев. Все это было замешано на бетонном крошече и многолетней пыли, сцементировавшей жуткий коктейль.

Данила снял шлем-каска и постоял немного, думая о защитниках Форта, которые отдали свои жизни за тех, кто в результате все-таки смог отстоять Кремль – последний оплот человечества.

– Спасибо, – прошептал разведчик. Тихий шепот прошелестел в развалинах – то ли неупокоенные души мертвых отозвались на человеческий голос, то ли ветер прошелестел где-то поверху, в который раз уже за многие десятилетия пытаюсь найти вход в развалины...

Данила надел шлем, сделал три шага по направлению к

наиболее широкой дыре между двумя плитами... и остановился, заметив что-то странное, торчащее из земли. Ненамного, может, на сантиметр.

Присев на корточки и приглядевшись повнимательнее, разведчик понял – мина. Рассказывали о таком на занятиях. Кто и зачем поставил ее сюда, покидая поле боя, оставалось загадкой.

Возможно, последние Воины, защищавшие Форт и обнаружившие древний ход в Кремль. Правильно рассчитали – войдет враг, наступит – и сам похоронит и себя, и вход в подземный тоннель. Но враг не вошел, выход из ДОТа после ухода защитников завалило, а мины остались.

– Значит, будем осторожнее, – прошептал Данила, обнаружив еще два датчика цели, торчащих из щебня. После чего, пятясь, специальной волосяной кистью замел свои следы на пыльном ковре. Теперь только ориентиры запомнить осталось, чтоб самому не забыть, где находится вход в колодец.

Отметив в памяти пробитый пулей череп, слепо глядящий на место схрона, Данила принялся обследовать ДОТ на предмет поиска выхода. Та еще головоломка – выбираться из развалин со стенами метровой толщины. Того и гляди потревоженная глыба стронется с места и размажет в кровавую пленку.

Как раз такая и попалась Даниле, когда он ужом протискивался в щель меж плитами. Сдвинулась всего ничего, на

пару сантиметров, – и уперся обломок арматурины в грудь. Если б не зеркало, пропорол бы до позвоночника. Хорошо все-таки, что с кольчугой в подземелье не расстался.

Осторожно, по миллиметру протаскивал себя разведчик по бетону, напрягая мышцы изо всех сил и слушая, как скребет арматура по стали, снимая с нее тонкую стружку. А потом рванул вверх не думая. Потому как если подумать – так точно получишь железный штырь в брюхо. Мысль всегда тормозит тело, когда нужно действовать. Думать нужно раньше...

Повезло. Глянув назад, Данила увидел, как плита, покачавшись на невидимой опоре, обваливаться передумала и застыла, словно хищник после неудачной охоты, решивший подождать менее сноровистую добычу. Вот и соображай после такого. Глядишь, и правы окажутся шамы, которые, судя по слухам, считают, что у каждого предмета есть своя душа. Только найти бы того, кто говорил с теми шамами. Не иначе, опять легенды...

– Не надоело? – раздалось неподалеку.

«О, черт!» – пронеслось в голове Данилы.

– Не надоело?.. – прокатилось эхом дальше.

Пост нео, знаменитые «десятки». Основная армия тренируется или отдыхает перед штурмом. А в относительной недосыгаемости крепостных пушек выставляют оцепление. Пятеро нео греются у костра, отдыхают, спят, судачат за жизнь – потрепаться они большие любители, несмотря на

мозги, мелковатые по сравнению с массивным черепом. Четверо дежурных образуют квадрат, в центре которого находится отдыхающая смена, причем каждый из дежурных должен видеть двух остальных. А пятый дежурный, обычно покрупнее остальных, ходит по периметру и шпыняет караул, чтоб не спали, не увлекались поиском блох и не ковырялись в физиологических отверстиях, отвлекаясь от службы.

При всем при этом эпизодически, а особенно в условиях неважной видимости в тумане, караульные по очереди обязаны были орать: «Не надоело?» На что товарищи по оружию хором должны были ответить: «Не надоело!» Таким образом проверялось, все ли на месте и не пора ли менять смену. Когда же большинство голосов ревело: «Надоело!» – происходила смена караула. При этом, если мохнатым сторожам слишком быстро надоело нести службу, порой случались локальные свары между сменами, которые два начальника быстро пресекали кулаками и дубинами. А уж как это «Не надоело?» осточертело кремлевским караульным – не передать... Но надо признать, что такой способ осадного оцепления был неплох, учитывая присущую нео недисциплинированность. Например, в случае обнаружения разведотряда защитников Кремля охранник поднимал оглушительный рев, на который сбегались девять сотоварищей, включая отдыхающую смену, плюс два соседних десятка. А тридцать нео – это уже реально опасно даже для бронированного отряда обученных мечников.

Итак, неподалеку от выхода из ДОТа расположился караул. Н-да, не повезло. И непонятно, где он. Все пространство вокруг было затянуто клубами густого тумана. При всей выучке разведчика крайне сложно предугадать, когда из серой пелены вынырнет коренастая, мускулистая фигура с окованным железом дубином в лапе или с подобием стального меча, выломанным из кучи мусора и грубо обработанным с помощью булыжника. У начальства нео мечи встречались чаще, а вожди родов и племен, помимо мечей, бывало, щеголяли даже фрагментами доспехов, снятых с убитых защитников Кремля.

«Так, если оказался в центре караула, надо попробовать зайти за линию оцепления, посмотреть, где расположились основные силы и что, собственно, они собой представляют. И по возможности тихо вернуться...»

Но тихо не получилось. То есть не повезло сразу. Личного опыта разведки в условиях плохой видимости у Данилы не было. А наставления преподавателей насчет того, что туман искривляет звуковые волны и затрудняет определение источника звука, вспомнились, лишь когда он фактически наткнулся на нео, изумленно разглядывающего невесть откуда появившегося человека.

Двухметровый человекообразный, судя по светлому меху, был не старше Данилы. Морда с развитыми надбровными дугами, клыки, выбегающие из слегка вытянутой вперед нижней ее части, шеи нет, голова, словно ядро, на плечи по-

ложена, из одежды только тряпка на бедрах да кривая доска, вместо зеркала прикрывающая широченную грудь. Данила успел заметить, что примитивная броня держится на нео с помощью нескольких веревок, сплетенных довольно искусно. В руке человекообразный держал грубо вырезанный тяжелый корень, утыканный кусками арматуры. Таким если со всей дури по голове приложить, шлем-маска в грудную клетку уйдет по маковку.

Был бы нео поопытней, глядишь, заорал бы сразу. Но в молодости каждому хочется подвига. Потому караульный прыгнул молча, в прыжке легко занося над головой свое оружие.

Но с воинской выучкой у Данилы было не в пример лучше. Он метнулся вбок, уходя с линии атаки и одновременно отработанным движением выбросив вперед руку.

Нео тяжело приземлился, покачнулся – но не упал. Лишь застонал тихо, поворачиваясь к противнику.

Данила скрипнул зубами. Еще одна ошибка. В тумане расстояние до предметов кажется больше, чем есть на самом деле. Потому метательный нож вонзился не в переносицу, где у нео самое уязвимое место, а в глаз.

Самое бы время человекообразному начать вопить – ан нет, стерпел. Мало того – не выдергивая железа из глазницы, отбросил дубину и ринулся в атаку снова. Уже не оружием достать врага, а схватить и разорвать. Или задавить массой, если сил порвать не хватит.

Но силы уходили стремительно вместе с глазной жидкостью и кровью из пробитой глазницы. Потому Даниле удалось перекатом вперед и вбок уйти от растопыренных лап и, вскочив на ноги, коротким ударом вонзить меч в основание черепа врага.

Нео вздрогнул всем телом – и упал. Глухо ударила о щепень нагрудная доска.

«Слишком много шума...» – пронеслось в голове Данилы. Словно в подтверждение этой мысли справа и слева донеслось:

– Не надоело?

В реве караульных была явно различимая тревога. Туман, не видно ни шама. И хотя тот туман укрывает человекообразных от пушечного огня со стен Кремля, но в нем своих товарищей по смене тоже не видно. Потому и остается переключаться да прислушиваться.

– Не надоело! – проревел Данила, подражая вражьему голосу и очень надеясь, что караул спишет различие тембров человеческой и человекообразной глотки на туман. Хоть разведку и натаскивали специально на именно это «Не надоело», но все равно разница была заметной...

Похоже, прокатило. Из тумана донеслось какое-то недовольное ворчание, но все ж это не топот и не глухой лязг множества когтей об осколки бетонных плит.

Значит, передышка. До тех пор, пока старший смены не найдет труп...

Так, ходят они всегда по солнышку, медленно, размеренно, стало быть, времени есть минуты три, не более...

Данила ухватил труп за клоч сальных волос на затылке, приподнял, выдернул метательный нож из глазницы трупа, вытер клинок о серую шерсть, свалявшуюся сосульками от обильного кожного сала, поморщился от вольерной вони немытого тела и, спрятав металку обратно в кошель на поясе, тенью скользнул в туман.

И почти сразу, не пройдя и пары десятков шагов, услышал слегка надтреснутый возрастом голос.

– Баба должна быть толстой, – сообщил невидимый оратор. – И с большими сиськами.

Данила аж притормозил слегка. Насчет первого утверждения у него имелись сомнения, но со вторым трудно было не согласиться.

– От толстой бабы много пользы... – продолжил голос, без сомнения принадлежавший тертому жизнью нео. После чего говоривший сорвался на кашель.

– Какой пользы, мудрый Кер? – с почтением спросил голос помоложе.

– Для жизни, – разъяснил невидимый Кер, прокашлявшись. – Рядом с ней тепло спать. От нее идут хорошие волны. Она не пытается рычать на мужа. У нее много сала под кожей, и она всем довольна. В теле худой бабы мало сала, и от нее идут плохие волны. Ее тело знает, что в голод умрет первым, и потому тянет силы из мужика. Такая баба рычит

и злит мужа. Мужик, когда злится, отдает много силы через волны ярости и потому рано умирает. Тогда худая ищет другого дурня, чтобы тянуть силы из него.

Данила аж рот открыл – второй раз за сегодня. Вот тебе и тупые мутанты! Оказывается, среди них есть и философы...

– К тому же толстую можно съесть, когда голод, – добавил мудрый Кер. – Кто бабу откармливает, тот ее и ест. Толстой хватит надолго. А худая сгодится лишь на суп. Ну, еще кожа у них хороша для бубнов, ее можно продать шаманам.

«Нет уж, философия нео не для нас», – подумал Данила, стараясь ненароком не наступить на какой-нибудь предательский камешек. Голос мохнатого мудреца понемногу удалялся, заглушаемый клубами почти осязаемого тумана...

Из которого совершенно неожиданно возникли трое нео. Один из которых был заметно крупнее других. И страшнее с виду. Половина его шкуры слезла, под рваными ошметками омерзительно пульсировали и сокращались участки красной оголенной плоти. Но, похоже, данное обстоятельство переростка несколько не беспокоило. Его глаза горели энергией и живым умом, а переплетения оголенных мышц исправно выполняли свою функцию и без шкуры.

В одной руке акселерат держал сеть, весьма искусно сплетенную из волос, во второй зажата увесистая палка, в несколько слоев обмотанная какой-то тряпкой. Пристяжь переростка была вооружена аналогичным способом. Так нео ходят охотиться на добычу, когда рассчитывают захватить ее

живьем. И, судя по тому, как ощерился вожак группы, Данила понял – охотились именно за ним.

«Откуда они узнали?..»

Но его движения, отработанные до автоматизма, были быстрее мысли. Если есть трое нео, которые целенаправленно охотятся на него, значит, таиться больше нечего. Остается только одно – сделать все, чтобы не попасться живым. И подороже продать свою жизнь.

Двуствольный пистоль словно сам собой оказался в руке. Выстрел – и ближайшая пристяжь гиганта свалилась с дырой во лбу, в которую свободно прошли бы два пальца. Второго выстрела не последовало – кремьень вылетел из курка от удара об огниво, так и не воспламенив пороха. Что поделать, кузнецов мало в Кремле, а самому выточить новый курковый винт умения не хватает. Вот и приходится ждать очереди на профессиональный ремонт оружия. Результат налицо.

Вернее, на лице...

От первой сети удалось увернуться, зато вторая попала точно, накрыв в несколько слоев голову и плечи. Не то чтобы стеснила движение, скорее ослепила.

Данила попытался откатиться в сторону и одновременно сбросить сеть – и у него почти получилось. Получилось даже меч достать и, распластавшись в прыжке, ткнуть им в приближающегося гиганта, раскручивающего над головой огромную дубину...

Не получилось достать до намеченной точки между ниж-

ней челюстью и верхом выпуклой груди, подрагивающей обнаженным мясом. Немного привычной длины клинка не хватило, как раз того обломка, что был потерян в прошлой стычке с нео.

А потом на шлем-каску рухнуло небо...

– Три больших мешка черного давай?

Данила с трудом приподнял голову – аж шея загудела от непомерного усилия. Такое впечатление было, что прямо над ушами наложили веревку, а после закрутили ее палкой на манер болта. Говорят, так нео пытали людей развлечения ради.

Способность мыслить возвращалась туго. Хотя нет, вряд ли это от веревки. Похоже, облезлый дубиной по шлему заехал, а тот оделся на голову, чудом не снеся уши обручем.

– Обезьян, ты не охренел часом? – осведомились сверху.

Разведчик сморгнул несколько раз, и серая муть перед глазами распалась клочьями волшебного тумана шамов. Хотя на самом деле тумана больше не было – он присутствовал лишь в ушибленной голове Данилы, покачиваясь где-то в районе макушки и провоцируя рвотные позывы. Но через несколько мгновений, проморгавшись, разведчик понял, что смотрит на красную кирпичную стену, знакомую с малолетства. Только не на внутреннюю ее часть, а на внешнюю.

– На хрена нам предатель, да еще за три мешка пороха?

Голос был знакомым.

Данила поднял голову повыше... и остро пожелал вновь

провалиться в беспамятство. А еще лучше – умереть прямо сейчас, на руках двух нео, крепко державших его за локти, стянутые путами за спиной. Впереди, на фоне стены Кремля, маячила спина облезлого акселерата, перепоясанная в талии широким ремнем. В руке нео держал палку с грязной и рваной простыней на верхушке – вероятно, эта унылая тряпка, смотанная с дубины, должна была означать белый флаг.

А в нескольких метрах над флагом торчали кирпичные зубцы, меж которыми... Нет, лучше не смотреть. Данила вновь опустил голову, словно взгляды товарищей по оружию пригнули ее к земле. Бывших товарищей...

– Два мешка, – неуверенно сказал облезлый, для убедительности продемонстрировав пару пальцев с черными когтями. Вряд ли они у нео были черными от рождения, скорее, в них просто въелась грязь и спекшаяся кровь.

– Маленьких, – добавил переросток. – Он двоих наших убил.

– Тюю! – протянул кто-то сверху, – Да он еще и драться не умеет! Всего двое обезьянов – и в плену. Позор для разведчика.

Ратмир... Точно он. Его голос. Странно. Друг же закадычный, с детства вместе. Эх... И караул башни рядом, Горын с Таргатом. Странно, башня над головой вроде не Никольская, а...

– Значит, так, – раздался над головой Данилы голос его десятника. – Иди-ка ты, нео, к своим и скажи, что мы пре-

дателей на порох не меняем. Порох есть ценность, предатель – ничто. Менять ценности на ничто есть неразумно.

– Один маленький, – быстро сказал акселерат, отступая назад на пару шагов.

– Шел бы ты отсюда, облезлый, пока я к пушке фитиль не поднес. А то шибко руки чешутся.

«Это Горын. А в голосе – боль неподдельная. Вот бы не подумал... Но Ратмир! Неужто он к Радомире приревновал?»

– Ратмир, воеводе доложи... – прохрипел Данила ссохшимися от жажды голосовыми связками.

– Я все сказал, – отрезал десятник.

Больше не оупрашивать не стал. Только развернулся, рыкнул своим что-то нечленораздельное и, сломав о колено древко «белого флага», пошел прочь от стены. Следом за ним заспешили конвоиры, таща за собой пленника.

Даниле приходилось нелегко. Облезлый вожак периодически вставал на четыре конечности – похоже, передвигаться так ему было гораздо комфортнее. Его пристяжь едва поспевала за ним на своих двоих, особо не церемонясь с досадной помехой, не умеющей передвигаться полутораметровыми прыжками. Не иначе мутанты спешили после неудачных переговоров побыстрее убраться из зоны досягаемости чугунных пушек Арсенала, через одну установленных меж зубцов крепостной стены.

– Да чтоб вы сдохли! – прорычал Данила, бесясь, что не может ничего сделать против двух полулюдей-полуобезьян,

словно клещами сжимавших его связанные руки. Не будешь бежать – вывернут плечи из суставов и все равно потащат. Руки же еще могут пригодиться. Потому приходилось принаравливаясь к их бегу, перепрыгивая через ямы и поросшие изумрудным мхом бетонные обломки погибшей цивилизации.

Наконец троица вместе с пленником вступила в серую пелену, которая странно напоминала обесцвеченное и потерявшее форму отражение кремлевской стены. Пройдя еще немного на свет, маячивший в тумане, они вошли в круг, выложенный из камней, в центре которого горел костер.

Вокруг костра сидели пятеро нео. Двое грели лапы. Третий сосредоточенно следил за тем, чтобы не подгорело мясо, вздетое на несколько прутков и положенное на рогульки, что были натканы по обе стороны костра. Двое последних занимались оружием – один своим, ковыряя дубину железякой, другой Данилиным, любовно поглаживая клинок меча, словно ребенок дорогую игрушку.

– Не вышло, мудрый Кер, – прорычал облезлый.

– Бывает, – проскрипел один из тех, что коптил собственные пальцы, похоже, вообще нечувствительные к огню. Его шкура была полностью седой, хотя под слоем многолетней грязи рассмотреть это сразу было непросто.

– Что с ним делать теперь?

Седой Кер совсем по-человечьи пожал плечами.

– Съедем на ужин, – сказал он. – Что еще делать с ним?

Не к Краггу же тащить.

– А почему не к Краггу? – поинтересовался один из мутантов.

– Потому что тогда его съешь не ты, а Крагг, – ощерился нео, которого называли Кером.

Облезлый ощерился в ответ и потянул из-за пояса широкий боевой нож, изъятый у Данилы.

– Не здесь, – скривился Кер. – Отведи подальше, слей кровь, мясо носи сюда. А то опять Арр поскользнется в луже и упадет в костер.

Сидящие вокруг костра мохнатые зверолоды заржали вместе с конвоирами. Кроме одного, который следил за мясом. Судя по тому, как перекосило его обезьяноподобную морду, это и был Арр.

– Благодарю, мудрый! – оскалил клыки переросток, когда все отсмеялись. – Давно я не пил свежей крови. Пошли, мясо!

Ладонь размером с коровью лепешку сжалась на плече Данилы. Ратник сцепил зубы, чтобы не застонать, – кольца кольчуги, продавив подкольчужник и рубаху, впились в кожу. Облезлый был неимоверно силен, и потому бесполезно пытаться вырваться из его хватки со связанными за спиной руками. Понятное дело, что, как бык на бойне, становиться под нож Данила не собирался. Правда, обидно до скрежета зубовного, что по-любому это будут трепыхания селезня перед тем, как ему отсекут голову.

Далеко углубляться в туман облезлый не стал. Отведя, вернее, оттащив Данилу на пару десятков шагов, он отпустил плечо пленника, развернул лицом к себе, ухватил его за волосы и, довольно широко расставив ноги для устойчивости, резко откинул голову парня назад, занося нож для удара.

Данила не сопротивлялся. И когда голова пошла книзу, маятником резко выбросил вверх колено.

Клинок ножа застыл в сантиметре от шеи. А над ним разведчик увидел округлившиеся глаза облезлого. Все-таки нео произошли от людей, а не от обезьян, сбежавших из зверинца. И точно такая же реакция бывает у человека, когда ему со всей дури засадят ногой в пах.

Хватка облезлого ослабла, и Данила рванулся изо всех сил, все же оставив меж пальцами акселерата клочок волос. Вскочив, добавил еще раз с ноги в то же место, за которое держался облезлый, – такой удар и через ладони достанет, а если повезет, еще и кисть вражью раздробит – и рванул со всех ног к вполне различимой отсюда границе тумана, за которой виднелась трава и кусты, уже много десятилетий как разломавшие асфальт.

Что это давало? Секунду-две, пока нео придет в себя и в несколько прыжков догонит человека? Может, и так, но не попытаться спастись даже в самой крайней ситуации по меньшей мере глупо.

Данила неся со всех ног. За его спиной раздался хриплый, яростный рев – нео наконец-то продышался после

неожиданной атаки на гениталии. Интересно, насколько они у него крепкие, бежать сможет?

Облезлый смог. К эху от ударов сердца, колотящегося, казалось, прямо в ушах в авральном режиме, прибавился стремительно приближающийся топот за спиной. Данила вынырнул из тумана, как рыба из реки, – и понял, что это все.

Впереди была стена длинного здания, возможно, когда-то высокого. Сейчас от строения осталось где два, где три этажа. Остальное либо обвалилось внутрь, либо осыпалось наружу, и обломки давно поросли травой. ГУМ. Те самые развалины, в которых недавно скрывался разведчик, пока хитрые нео продавали его шлем. Оббежать руины было нереально, как и нестись по пересеченной местности в надежде уйти от разъяренной дикой твари, все сходство которой с человеком было лишь в умении очень неважно говорить по-людски.

А пошло оно все!

Данила резко развернулся, готовясь встретить смерть лицом к лицу...

Облезлый с разинутой пастью летел на него, черные когти вспарывали почву, словно железные кинжалы живую плоть, по бокам мутанта трепетали лоскуты отслоившейся кожи. Миг – и все... Пожилые ветераны говорили, что перед смертью время замедляется, чтобы умирающий воин мог почувствовать всю прелесть смерти в бою. Это в постели от старости смерть тосклива и безрадостна.

Похоже, ветераны были правы. Время и вправду замедли-

ло свой бег – или это тело Данилы как-то пыталось отсрочить неминуемую гибель. Потому за мгновение до того, как черные когти вонзились ему в грудь, ратник отчетливо смог рассмотреть, как меж глаз облезлого внезапно широко распахнулся третий, черный, круглый, будто удивленный фактом собственного появления. После чего у него вдруг выросла красная грива, как у боевого фенакодуса, раскрашенного охрой перед чьей-нибудь свадьбой.

Что происходит, Данила понял, лишь когда разглядел в кровавом шлейфе кусок расколотого затылка. И чудом успел упасть ничком.

Жаркое тело него пролетело над ним, лишь слегка ковырнув когтями кольчугу. И с чавканьем врезалось чем-то – головой, наверное, – в стену разрушенного здания.

Данила резко перекатился на спину.

Хмурое небо нависало над ним, словно собираясь раздавить своими извечными свинцовыми тучами, порой прорывавшимися то ржавым снегом, то ядовитыми дождями. Но сегодня оно его не получит.

– Не сегодня, – повторил Данила.

Небо вздрогнуло – и остановившиеся было тучи возобновили свой бег. Пусть не сегодня. Значит, немного позже.

Резко выгнув спину, ратник оттолкнулся плечами от земли и вскочил на ноги.

В двух шагах от него валялась туша него, словно вросшая головой в стену. Над плечами трупа по стене расплывалась

алая клякса. Меж мохнатыми лопатками, словно разбитая чашка, валялся кусок задней стенки черепа, на треть заполненный остатками мозга вперемешку с кровью и костяной крошкой.

Но сам по себе третий глаз у врагов не открывается. Такое если и случается, то лишь с помощью пищали или фузеи. Но уж больно отверстие во лбу нео было аккуратное. Тогда где звук выстрела, если это из огнестрела пальнули? И если не из него, то что вообще тогда произошло десять мгновений назад?

Ответ на немые вопросы Данилы возник в непроглядной черноте окна. Вернее, появился на мгновение в глубине развалин, словно призрак в балахоне, скрывающем лицо, и коротко кивнул головой – мол, давай сюда, не стой столбом, пока не заметили.

Не любил Данила такие вот покровительственные кивки. Но, с другой стороны, загадочный призрак спас ему жизнь. И был абсолютно прав – стоять на месте явно не стоило. Минута-другая – и из тумана за спиной появятся сородичи дохлого нео, решившие выяснить, с чего бы так долго облезлый возится с добычей.

Широкий боевой нож Данилы торчал за поясом мертвого мутанта. Разведчик сделал пару шагов и, присев, ловко подцепил пальцами оплетенную кожей рукоять. Миг – и обрезки пут упали на траву. На тренировках пару раз в неделю уж точно приходилось проигрывать «побег из полона», так что

невеликое это искусство – ремни на собственных связанных руках резать.

Данила выдернул ножны из-за пояса врага, сунул в них нож, после чего ножны отправились за сапог. Вот теперь можно и приглашения принимать.

Ратник прыгнул, красиво вписался в окно, кувырнулся в воздухе, из кувырка выйдя прямо на ноги, – и недоуменно принялся озираться.

В развалинах когда-то огромного строения никого не было. Данила огляделся, щурясь со свету. Черные, словно обожженные обломки стен и перекрытий, круглое большое пятно на полу того же цвета, будто кто здесь огромный костер жег. Причем жег недавно – вонь горелым деревом реально забивала ноздри. Интересно, кто это и чем умудрился так аккуратно выжечь сорняки со стволами толщиной с человека? Вон те сорняки, словно плотоядные звери, испуганные непонятным и страшным явлением, жмутся по краям черного круга, прижав к стволам лысые ветви, больше похожие на щупальца.

И никого. Ни единой зверушки. Что понятно – дурное место, если не знать, как пробираться меж деревьями так, чтобы они не успели тебя схватить. Если здесь живность и появляется, то только в виде нео, облизывающихся на Кремль, когда нет тумана и видно зубчатые стены и величественные башни. А нео, как и плотоядным сорнякам, свойственно жрать все, что шевелится. Потому птицы, мыши, хори и

иная мелкая живность этих голодных и опасных мест сторожилась, особенно во время осад, что в последние годы стали явлением частым.

– Знатно кувыркаешься, – раздалось сбоку. – Для таких-то габаритов.

Данила развернулся всем корпусом, рука метнулась к ножу... и застыла на полпути.

Разведчик мог поклясться – только что на этом месте за пределами черного круга никого не было. Только солидный обломок бетона с прилипшими к нему остатками высохшей шкуры – цветок хищной розы сожрал мыша и отгрынул остатки. Вон он, тот цветок, давно сдохший с голоду, торчит из-под каблука незнакомца в неприметном серо-зеленом пыльнике. Лицо человека скрывал балахон зеленого пыльника, а в руках его уютно устроилась короткая фузея... нет, не фузея. Черт, как же оно называется?

Данила напряг память. Ну да, еще на уроках истории оружия изучали такую штуку, даже разбирать-собирать пару раз доводилось под неусыпным присмотром двух инструкторов – вдруг будущий воин что сломает или испортит? Тогда еще думалось – на кой мне нужно это барахло, когда их осталось с незапамятных времен пара штук на весь Кремль, а патроны к ним израсходовали еще сто лет назад? Сейчас же, когда увидел, как непринужденно держит в руках старинную фузею незнакомец в балахоне, сразу поверилось – в этом оружии времен Последней Войны патроны есть! И стреляет из нее

незнакомец знатно, судя по дырке в черепе облезлого нео. И плевать, что ее ствол направлен точно в живот Данилы, главное, вспомнить, как же оно называется...

– Винторез!

– Нормально, – раздалось из-под балахона. – Ему ствол в брюхо смотрит, а он вспоминает, как тот ствол называется.

Незнакомец тряхнул головой, и балахон упал ему на плечи.

– Не угадал, – сказал он. – Автомат специальный «Вал» оно называется.

У незнакомца были холодные серые глаза и абсолютно спокойное лицо без единой морщинки, словно не хмурился он никогда. И не смеялся. Наверно, такое лицо и должно было быть у человека, который способен положить пулю точно между глаз бегущего нео, а после, подав знак спасенной жертве, за пару секунд устроить засаду на случай, если жертва – подосланный убийца, разыгравший сложный спектакль, чтобы добраться до цели.

– А ты как называешься?

«Точно, „Вал“! У „Винтореза“ приклад другой, деревянный! И что-то там с магазинами, где-то больше патронов, где-то меньше, а где оно как – убей не помню...»

– Ты глухой?

– А?

Стрелок внимательно посмотрел в лицо Данилы – и перевел ствол на окно. Разведчик же чуть сквозь землю от стыда

не провалился, осознав. Понятно, что подосланных убийц с таким дурацким лицом не бывает. Раззявил рот и слюну пустил, как малец на игрушку, – конечно, что проку в дурака целиться, его и так Бог наказал.

– Данила я, – буркнул Данила.

– Это потом, – бросил через плечо незнакомец. – Твои друзья?

Разведчик скользнул к окну. Так и есть, из тумана, озираясь, вышли двое нео. Один с дубиной, другой – с обнаженным мечом Данилы.

– Не друзья они мне. Враги!

– Догадываюсь, – хмыкнул незнакомец, плавно перетекая в положение для стрельбы с колена. Ремень «Вала» словно сам собой обвился вокруг локтя незнакомца. Данила поневоле залюбовался отточенными движениями стрелка – так дядька Лют мечом работает, ни одного лишнего движения, каждый мах плавно, но крайне быстро перетекает в следующий, создавая единый рисунок смерти. То же и здесь. Автомат плавно поднялся до уровня глаз, два приглушенных хлопка – и пара нео кулями серой шерсти свернулась на границе тумана.

– Я за мечом сбегаяю, – рванулся было Данила.

– Стой.

Тихий приказ словно приковал разведчика к месту. Так даже дядька Лют приказывать не умел, только князь. Скажет – и не захочешь, а сделаешь. Почему? А кто ж его знает?

Потому что надо – и все тут.

– Уходим, – бросил стрелок, отсоединяя магазин. – За этими двумя сейчас вся банда поперет. Куда идти, знаешь?

– Ну... – протянул Данила, лихорадочно соображая, куда можно чесануть из развалин ГУМа, да так, чтобы еще и нео не нагнали. – А куда надо?

Дослав два патрона в магазин, стрелок вновь присоединил его к автомату.

– Поближе к Кантемировской.

– Ничего себе ты сказанул! – удивился Данила. – До нее ж чертова дюжина километров!

– Тринадцать? – уточнил стрелок.

Данила кивнул.

– Угу. Снайпер немного промахнулся, – пробурчал себе под нос незнакомец непонятно к чему. – А мы где?

– У Кремля, – еще более недоумевая, произнес разведчик. Ну и мужик, не знает, куда попал! Может, в Поле Смерти по пути зашел и у него мозг слегка повредился? Хотя по тому, как он стреляет, непохоже.

– Где у Кремля?

Данила прикинул – нет, не должны были нео шибко далеко оттащить.

– У Васильевского спуска...

– Мост через реку цел? – быстро спросил стрелок.

– Местами, – сказал Данила. Этот мужик действительно псих, если решил уходить через Большой Москворецкий

мост. Легче сразу в реку нырнуть на корм двухголовой севрюге.

Данила прямо почувствовал, как в мозгах у странного мужика нарисовалась карта. Ну да, может, места-то он знает, но вот пройти по ним вряд ли сможет. Если ему не помочь, конечно. Только насчет моста он явно не в тему сказал.

Незнакомец смерил Данилу взглядом. Словно племенного тура в свой коровник на рынке выбирал.

– Ты из Кремля сбежал?

Данила хотел было взъяриться, но вместо этого неожиданно из груди вырвался вздох:

– Выгнали...

– Понятно. Вторым номером ко мне пойдешь?

Данила поднял на стрелка вопросительный взгляд.

– До Кантемировской, – уточнил незнакомец. – Дальше разбегаемся. Твой интерес – вот этот ствол. И патронов к нему, сколько унесешь.

Он качнул в руках «Вал».

У Данилы душа ухнула значительно ниже пяток... «Вал» с патронами! Все равно что золотую рыбку посулить вместе с тремя желаниями. Хотя и одного хватит за глаза. Вот оно, в руках у собеседника, раскрашенное матовым напылением в серо-зеленое, под цвет пыльника и окружающей местности.

Но в то же время ствол стволом, но есть в жизни и другое, более важное. Долги, например.

– Да я бы и без ствола пошел, – с обидой в голосе провор-

чал Данила. — Я ж тебе жизнью обязан. Да и все равно идти мне особо некуда...

— Это ты брось, — наставительно сказал незнакомец. — Спасти человека от мутанта — святое. Короче, идешь или нет?

Согласия не требовалось — взгляд парня говорил сам за себя.

— Пользоваться умеешь?

Данила кивнул, судорожно перебирая в памяти давние уроки работы с древним оружием.

— Тогда держи.

Еле слышный щелчок предохранителя — и в руки парня лег «Вал». А из-за обломка стены стрелок достал длинную фузею в льняной маскировочной обмотке того же асфальто-травяного цвета, что и пыльник. Как называлось это оружие, Данила не помнил. То ли СБТ, то ли еще как. Наверно, потому и забыл, что видел его только на картинке — даже тренировочных экземпляров этого чуда в Кремле не осталось. Может, потому что прицелы со стеклом внутри не пережили двух веков борьбы людей за существование...

Из-за того же обломка появился удобный рюкзак, который стрелок ловко закинул за спину. Когда он это проделывал, на секунду откинулась пола его пыльника, и Данила смог рассмотреть на поясе незнакомца большой нож в красивом чехле ручной работы и металлический контейнер, сквозь стенки которого едва заметно изливался мягкий голубоватый свет. Хотя, возможно, это только показалось — и лысому ежу ясно,

что через металл ничего светиться не может.

– Мост там? – мотнул головой на север владелец антикварного оружия.

Данила кивнул. И чего спрашивает, если и так все знает?

Через руины Форта они бежали молча, и Данила лишний раз подивился технике передвижения этого странного человека. Кремлевские разведчики так не бегали, может, потому, что больше другую тактику использовали. Налететь на лошадах, мутировавших до своих предков-фенакодусов, разнести все, что под руку попадет, – и ходу, заодно рассмотрев все, что успели. А что не успели, захваченный «язык» расскажет. Случалось, что и пластунов в разведку засылали, но в основном считалось, что красться бесполезно, потому учили этому искусству от случая к случаю – мол, все равно нео учуют или био тепловизорами нащупают. Но, с другой стороны, если передвигаться вот так, бесшумно, текуче, сливаясь с местностью, то, глядишь, и нео не додумаются морду в его сторону направить. Да и био тепловизор вряд ли активизируют, если ничего не заподозрят, – жрет прибор больно много, причем в буквальном смысле – на одно минутное включение половина туши тура уходит.

По привычке разведчика учиться всему, чего не знаешь, Данила стал пытаться подражать перемещению стрелка в пространстве, как бы невзначай используя каждый выступ как укрытие и каждую ложбинку как возможную позицию. Или наоборот. Вроде получилось – не зря учили с детства

собственным телом манипулировать как послушной куклой.

Незнакомец не обернулся ни разу, пока продолжался этот стремительный бег, когда два тела стлались по земле, напоминая перемещение пары гигантских двуногих сколопендр. Внезапно стрелок резко остановился, укрываясь за обломком стены, и поднял руку – тихо, мол. Данила замер в полуприседе, осторожно поводя стволом автомата из стороны в сторону. По его прикидкам, до реки было уже недалеко, поэтому и стоило быть поосторожнее, здесь незнакомцу в чутье не откажешь.

А стрелок между тем вытащил из-за пазухи трубочку и, осторожно высунув над стеной один ее конец, приник к окуляру на другом. Кажется, это называлось «перископ». Хотя нет, «перископы» были на лодках, что умели плавать под водой. Эх, много чего полезного было у предков! Хммм, а тогда этот мужик кто и откуда, с такими-то способностями и снаряжением? Любопытство разбирало Данилу – сил нет, но сейчас не до расспросов. Интересно, что задумал этот пришелец не пойми откуда со своей фузеей с названием из трех позабытых букв? Может, рассмотрит, что на мосту делается, и передумает таскаться там, где люди не ходят?

В Большой Москворецкий еще в Последнюю Войну угодил то ли снаряд, то ли бомба. Дыру в центральном пролете тот заряд проделал знатную, но быки устояли, и по мосту до сих пор вполне можно было ходить без опаски. Причем не только людям. Боевого тактического биоробота серии

В Chinook B12 он также выдерживал без проблем.

Эта бронированная хрень с живыми мозгами неделю назад намертво встала посреди моста как раз в том самом узком месте, рядом с дырой, создавшей из железобетонной переправы сорокаметровой ширины древнегреческий Фермопильский проход на пути в Замоскворечье. Шириной метров в десять, не более.

«Чинуку» ширины его корпуса для полного счастья не хватало. Так он недолго думая соорудил баррикаду, притащив откуда-то убитую временем и коррозией башню от танка Т-80 без пушки и укрепив ее посреди моста кучей другого, менее габаритного мусора. В общем, в Замоскворечье теперь пути нет никому, хотя людям там особо делать и нечего.

С одной стороны, долбануть бы по био из пушки, как раз на Москворецкой башне есть французское орудие девятнадцатого века подходящего калибра, даже если не в башню биороботу ядро попадет, со ста метров точно его в реку снесет. А там есть все шансы, что машина пару манипуляторов поломает и выйдет из строя хоть на время, пока ее пристяжь не восстановит.

Но попадешь не попадешь – еще вопрос. Хоть ориентиры и пристреляны давно, орудию как-никак четыреста лет, и ядром в движущуюся мишень из него попасть очень непросто. Тем более что хитрая мишень почти постоянно сидит за своей баррикадой. И еще – а вдруг промахнешься и в мост попадешь, который и так на ладан дышит? А пороху драго-

ценного на каждый выстрел сколько уходит? В общем, пока био на мосту сидит и людей не трогает – пусть себе сидит, а порох побережем для картечи, когда нео на стены полезут...

Снарядов для наплечных пушек у «Чинука», понятное дело, не было уже лет двести, но он упорно таскал их на себе, не иначе как для форсу. Но вот с метательными дисками тварь управлялась ловко. Раз наблюдали с полуразрушенной Москворецкой башни, как био на словах и на значительном расстоянии повздорил с каким-то здоровяком-нео, видать, спьяну выбравшимся из тумана. Нео, похоже, решил подразнить боевую машину, ревел что-то, лапами махал, по заду себя хлопал. Робот сначала внимания не обращал, но потом один из его манипуляторов совершил неуправляемое движение – и голова упрямяца покатила по площади, а его тело сноровисто притащил хозяину один из роботов, называемых в Кремле «пристяжь».

Пристяжь была тоже био, но поменьше, типа денщика при боярине. Паук на тонких, но мощных ногах плюс челюсти впереди, каждая с человечесью руку длиной. Удобно очень такими челюстями диск брошенный или дрот поднести, тушу приволочь или дерьмо хозяйское отгрести в сторону и сбросить в реку, чтоб не воняло, – «Чинуки» двенадцатой модели – твари аккуратные и чистоплотные, потому и дожили до сего дня. Для них царапина на броне – трагедия, случись такое, сразу бегут в безопасное место и орут омерзительно, призы-

вая пристяжь со свежими заклепками. Но в то же время, если найдет место для кормежки – пищи пропало. Засядет как жук-медведь в норе, и хрен его оттуда выковыряешь – даже ценой серьезных дырок в шкуре готов бороться за свое.

Так что шансов у стрелка было ноль. Понятно, что работа определили на мост не просто так, тактический ход, можно сказать, со стороны нео, – перегородить кремлевским путем к возможному отступлению в Замоскворечье. В общем, ход верный – Большой Каменный мост был давно разрушен, а через Москву-реку и Неглинку не перебраться ни кремлевским, ни нео, хотя мутанты все-таки вели наблюдение со стороны западной и южной стены Кремля – чисто на всякий случай. В общем, осада каменного мешка по всем правилам.

Но в то же время биоробот сидел на мосту не из идейных соображений, а как минимум за обильную еду. И после того случая с пьяным нео если почувывший безнаказанность «Чинук» видел, что кто-то идет по мосту как минимум без турьей ноги, сразу срезал диском метров за сорок до баррикады, а потом лакомился телом незадачливого путешественника. Того же, кто был в курсе, на том же расстоянии обступала пристяжь. Один забирал мясо и нес хозяину, остальные караулили ходока. Проверив плату за службу на качество, «Чинук» или милостиво отпускал носильщика-нео, или же, если тому требовалось перейти через мост, лязгая гусеницами, сдвигал с места свою многотонную тушу и честно пропускал разумного клиента, несмотря на протестующие вопли тупо-

ватой пристяжи с ограниченными функциями встроенного мозга.

У Данилы с незнакомцем мяса не было. А другой дани био не принимал – жратвы ему вместе с пристяжью на день надо было о-го-го сколько. Разве что несколько нео отстрелить, пока они в тумане бродят, беглеца ищут? Но тогда не было ни малейшего шанса уйти по открытому и свободному от развалин участку Васильевского спуска с телами убитых мутантов на плечах. Просто не успеть, догонят как пить дать, к гадалке не ходи.

– Это что за хреновина? – наконец спросил незнакомец.

Данила рискнул приподняться и выглянуть за стену. Ну да, так и есть, стрелок «Чинука» рассматривал целых полторы минуты. Еще не хватало, чтобы их нео догнали с такими-то перерывами в забеге. Он что, «Чинука» первый раз видит? Тоже мне, диковина. Или, может, он про пристяжь спрашивает? Не всякий био серии В всех своих вспомогательных роботов сохранить смог. Хотя те, кто не сумел хоть одного сберечь, давно с голоду подошли...

– Биоробот, – буркнул Данила. Времени рассусоливать не было, а что задумал незнакомец, было до сих пор непонятно. Сзади нео вот-вот появятся, спереди био, справа Кремль, слева, за развалинами Форта, – армия осаждающих. Куда ни кинь, везде труба, а он тут очевидным интересуется...

– Био – это значит с живыми мозгами? – уточнил стрелок.

– Вроде того, – согласился Данила, все больше тоскуя. По-

хоже, невесть откуда свалившийся спаситель все-таки прогулялся по Полю Смерти. Сегодня мозги спеклись наполовину, завтра вторая половина через нос и уши потечет вместе с расплавившимися лицевыми хрящами. Причем сомнений больше не было. Ну как иначе объяснить, что человек в здравом уме будет целиться из фузеи в боевого биоробота? Вот вскинул плавным движением свою длинностволку, колпачок с трубки откинул. Ну-ну, давай, вперед. Ту тварь из двадцатичетырехфунтовой пушки не пробить, а тут – фузея...

Отрывисто тьякнул выстрел, и Данила невольно поежился – так и нарисовалось в голове, как где-то в тумане вытянули морды в их сторону рыскающие нео. А значит, времени у них...

– Быстрее, чего встал?

Ничего не понимая, Данила чисто по инерции рванул за сорвавшимся с места незнакомцем. Перемахнул ненадежное укрытие, оцетинившееся кривыми зубьями рыжей от ржавчины арматуры – и на бегу, рискуя зарыться носом в траву, тряхнул головой и сморгнул, с силой смыкая веки.

Не помогло. Морок не исчез. Все так же нелепо, словно пьяный, дергался на мосту «Чинук», бестолково и бессистемно вращая гусеницами, – того и гляди в воду свалится.

Вот одна из гусениц наехала на паукообразного робота, вместе с остальными бестолково суется около хозяйна, – и до Данилы донесся слабый треск, словно там, на мосту, раздавили большой орех. Остальная пристяжь порскну-

ла в стороны и замерла в отдалении.

Капли пота повисли на бровях и ресницах. Дыхалки пока хватало, но Данила понимал – это ненадолго при такой сумасшедшей скорости бега. Непонятно, что повредил биороботу своим выстрелом стрелок, но если «Чинук» перестанет танцевать, словно поддатый пахарь на Ивана Купалу, то несутся они прямо в лапы неминуемой смерти. Вон и пристяжь насторожилась и повернула в их сторону свои стальные челюсти. Конечно, от одного еще, наверно, можно отпинаться, но от трех – вряд ли получится.

Тем временем, не снижая скорости, незнакомец вытащил из-за пазухи что-то, смахивающее на незрелое яблоко, и, куснув его на бегу, бросил в сторону баррикады. После чего грохнулся на землю и даже проехался с полметра на брюхе по инерции:

– Ложись, дурень!

Данила, инстинктивно повинуясь приказу, рухнул следом, чуть не воткнувшись носом в каблук стрелка, подкованный медными гвоздиками. И только, одумавшись, хотел спросить, с какой это радости они разлеглись посреди площади, как на баррикаде ахнуло.

Данила порадовался, что рот открыл, – рвануло неслабо. И огнем занялось. Не иначе био какой-то взрывчатки где-то нарыл или сам смастерил – вряд ли от бомбы незнакомца так шарахнуть могло. То, что это бомба была, теперь уже догадаться было нетрудно. Из тех, что тоже только на пла-

катах остались, у которых не надо фитиль поджигать, перед тем как бросить. Да и меньше они были чуть не втрое тех самодельных, что использовали в Кремле... Только откуда это все у парня с фузеей, от которой «Чинук»...

Додумать мысль не получилось. Не думается как-то, когда своими глазами видишь, как бронированная живая машина медленно, очень медленно заваливается влево и, бестолково вращая гусеницей в воздухе, соскальзывает с края моста. А вслед за ней прыгает, перебирая ногами в воздухе, последняя оставшаяся в живых верная пристяжь...

– Быстрее!

Да и зачем думать, когда есть командир, который все знает и умеет лучше тебя? Как-то сразу улетучились сомнения, и незнакомец в мысленной табели о рангах вознесся на одну ступеньку с воеводой, которого надо слушать, когда он говорит, а в бою особенно!

Разведчик вскочил и побежал. Мимо пылающей баррикады, мимо разбросанных взрывом обломков биороботов, мимо огромной дыры в бетоне моста... И все дальше и дальше от Кремля, в котором родился и вырос, в котором осталась Радомиря...

Удивительно – последняя мысль кольнула, словно шилом в сердце засадили. Против воли Данила обернулся. Дурная примета, но все-таки, кто знает, когда еще увидит он эти красные стены в следах копоты и глубоких выбоинах, оставленных вражьем оружием. Хоть и изгой он теперь, а все же

свое, родное, как ни крути...

Взгляд задержался на боевой площадке Москворецкой башни – почудилось, будто мелькнула на ней фигурка с русской косой до пояса, – и соскользнул вправо.

Так и есть.

Из ключев тумана вырвались шесть или семь нео, бегущих по-волчьи, на четырех лапах. У того, что неся впереди, в зубах был зажат окровавленный меч Данилы.

«Трупы нашли. Теперь точно не отстанут», – пронеслось в голове. За сородичей нео мстили страшно, до тех пор пока не умирал обидчик или не погибал последний из рода. Потому остальные мутанты с ними и не связывались, предпочитая охотиться подальше от угодий человекообразных.

– Сзади! – прохрипел Данила.

– Знаю.

Голос стрелка тоже был изрядно подсажен безумным бегом. Особенно если учитывать вес его фузеи, вещмешка, пыльника и остальной снаряги. Хотя все вместе не тяжелее кольчуги, подкольчужника, наручей и поножей, что были на Даниле. Оно, конечно, не тяжелая броня латника, что надевалась при возможности штурма мутантами стен Кремля, но тоже не пух лебяжий. Пух лебяжий... Хорошее слово, старинное. Интересно, остались ли еще где белые лебеди, которых для детишек в старых книгах рисовали? Или брехня все это про древность без войн, мутантов и боевых роботов, чтоб оставалась у людей вера и надежда на что-то лучшее?

Интересно, почему вот такие мысли не к месту лезут в голову перед дракой? Может, привычная реакция организма, мол, во время драки думать о драке вредно, тело хорошего бойца само работает быстрее и лучше без лишних раздумий, на рефлексах.

Вот и у Данилы рефлексы сработали...

«Вал» шмякнулся на поросшее травой покрытие моста, недовольно звякнув об остатки асфальта, а в руке словно сам собой оказался боевой нож. Когда отступать некуда, надо бежать туда, где врагу будет труднее нападать. Вот и рванул Данила обратно, к самому узкому месту моста, туда, где еще дымилась наваленная «Чинуком» и разваленная взрывом баррикада.

Сзади одиноко тьякнул выстрел – и бегущий впереди всей стаи нео споткнулся и пропахал дорогу остатками нижней челюсти – Данила четко видел, как ее правая половина взорвалась выбитыми зубами и костяной крошкой, а меч вывалился из разорванной пасти. Еще выстрел – и крайний справа мутант, взбив тучу пыли, пошел юзом, словно детская игрушка «волчок», получившая пинок от своего малолетнего хозяина.

Теперь Данила ясно видел – нео осталось пятеро. Седой Кер бежал позади всех, сильно отставая и припадая на заднюю лапу. Выстрелов сзади больше не слышать. Очень плохо. Пятеро нео в рукопашном бою – верная смерть. Хорошо бы, чтоб стрелок подсобил, но, с другой стороны, он в вечные

спасители незадачливых разведчиков не записывался. Пора отдавать долг.

Данила оскалил зубы, мысленно сам превращаясь в медведя. Сто метров до ближайшего мутанта... восемьдесят... пятьдесят...

Клич-рев сам родился в груди Данилы.

– Урррррррр!!!...

Первого нео он принял грудь в грудь, у самого края моста, так, чтоб остальным было не развернуться. Удар, хрип, брызги слюней в лицо друг другу, чужая шерсть в нос, глаза, рот – и хруст разрываемой плоти, в которую удар за ударом вонзается клинок ножа...

Своей боли не было. Была лишь тяжелая звериная вонь, замешанная на теплом запахе свежей крови. Если что, боль придет потом. Сейчас ратник и зверь были одним организмом, сросшимся в неимоверном напряжении и рвущим самого себя...

Удар ножом «на контур», куда попал – все равно... обратно не выдернуть, не иначе клинок застрял в кости... разверстая пасть перед лицом... левым локтем по ней со всей дури, хруст кости – своей ли, чужой – не понять... скрежет когтей по плечу, звук лопающихся колец кольчуги... теплое потекло по боку... наплевать, ннна, сука!.. нож удалось выдернуть – снова его туда же, и еще, и еще, на манер ручной швейной машинки тетке Клавы, лишь бы пробивало шкуру твари и не путалось гардой в шерсти. Лишь бы рука не соскользнула по

рукояти, теплой от крови, остальное неважно...

Краем уха Данила слышал какой-то грохот и нечеловеческий вой, но все это было далеко, слишком далеко. Потому что ближе вот этой хрипящей твари сейчас не было никого, что в прямом, что в переносном смысле. Враг, с которым ты мешаешь кровь в рукопашной, мог бы стать твоим кровным братом. Если бы не был врагом. Потому немного грустно, когда умирает достойный враг...

Данила выдернул нож – и остановился, осознавая, что зверь, с которым он боролся, медленно падает навзничь. Разведчик лишь успел отшатнуться и стряхнуть с плеч тяжелые лапы. Когти нео последний раз скребанули по остаткам кольчуги, и тело мутанта мягко шлепнулось на обгоревшую траву.

Над ухом снова грохнуло, на этот раз громко, словно из пушки пальнули. И огнем полыхнуло так, что на мгновение Данила потерял способность видеть что-либо, кроме языка пламени, отпечатавшегося на сетчатке. Дурацкое состояние, особенно в бою.

Для того чтобы прийти в себя, Данила кувыркнулся в сторону и больно ударился боком и головой об остатки каменных перил. Звезды в глазах прогнали огненный сноп, и зрение частично вернулось.

Вполоборота к нему стоял незнакомец, с сожалением качая в руке здоровенный пистоль. Разведчик поднялся, слегка застонав при этом, – нео, похоже, порядком помял плечо,

вон оторванный клоч колючуги сбоку свешивается. Потери посчитаем потом, главное – враги...

Но врагов больше не было. Убитый Данилой мутант валялся в луже собственной крови. Еще один дергался в агонии у ног стрелка. Третий валялся чуть подальше и на его голову смотреть не хотелось – каша, перемешанная с мозгами. Четвертого видно не было – не иначе снесло в пролом последним выстрелом. А вдали мелькало грязно-белое пятно – это со всех ног улепетывал мудрый Кер, причем улепетывал очень быстро – не иначе страх колдовским образом излечил престарелого нео от хромоты.

– И охота тебе все время кувыркаться? – сказал незнакомец, после чего вздохнул и бросил в пролом пистолет. Снизу из-под моста раздалось отчетливое «бульк!».

– Не жаль пистоля-то? – вместо ответа спросил Данила. – Знатное оружие.

– Знатное-то знатное, только патронов к нему больше нет, – ответил стрелок. – И тяжелые эти «Пустынные орлы», сил нет.

– А зачем носил тогда, если тяжелый? – удивился разведчик.

– В карты выиграл, – пояснил незнакомец. – И выбросить жалко, и таскать влом. Хорошо, хоть сейчас пригодился.

– Да уж, неплохо, – сказал Данила – и скрипнул зубами. Рванул его мутант неслабо, это было ясно по накатившей боли, которую перестал глушить адреналин, и по теплой, при-

липшей к телу рубаше. Но заниматься ранами было некогда. Ясное дело – уходить надо, пока на грохот выстрелов и пламя пожара не сбежались остальные мутанты. Да и мудрый Кер, поди, не случайно столь резво ушел в туман, сейчас, поди, строит из себя героя перед соплеменниками, горя праведной жаждой мщения.

Похоже, стрелок думал о том же.

– Рванули, – бросил он. И, скользнув взглядом по плечу Данилы, осведомился: – Помочь?

– Я сам, – выдохнул ратник, рывком поднимаясь на ноги. Потому как если по-другому, медленно, сберегая рану от случайной боли, то можно и вообще не подняться – тело, не желая терпеть запредельную боль, может погасить сознание. А так, сжав зубы и собрав волю в кулак, завсегда лучше.

Данила качнулся, но устоял.

– С мечом тебе опять не повезло, – сказал незнакомец, правильно поняв взгляд Данилы, явно собирающегося бежать к трупу мутанта, умершего от первой пули. – Его тот старикан с собой утащил. Шустрый, зараза, – сил нет. Так что давай за мной...

Данила бежал, четко сфокусировав взгляд на широкой спине в серо-зеленом пыльнике, полы которого были испачканы свежей кровью. Как и ботинки, каблуки которых некоторое время оставляли на мосту темные отчетливые следы.

Порой перед носом разведчика начинали мелькать две спины, на которых словно параллельные рельсы устроились

фузеи – длинная с трубкой-прицелом и та, которую бросил Данила...

Разведчику стало стыдно, даже две спины незнакомца вновь слились в одну от всплеска крови, прихлынувшей к щекам. Если б он тогда стрельнул и убил мутанта, глядишь, и драться бы с ним не пришлось врукопашную. А так своей свалкой прицел стрелку заслонил, и ему, чтоб не попасть в Данилу, пришлось в сторону смещаться. К тому времени другие нео набежали, вот и пришлось ему, теряя секунды, расстреливать их из пистоля. Ох, стыдоба-то какая...

Мост почти кончился, слева маячили развалины какого-то строения, обвитого побегами хищного дикого выюна. Правда, человеку выюн не опасен, его цветы охотятся только на насекомых. А если принести выюну жирного жука или освежеванную стальную сколопендру, то он может дать каплю сока, от которой сутки не хочется ни есть, ни пить, а жизненной силы – море. Правда, может и не дать, потому лишний раз лучше не напрягаться.

– Растение безопасное? – на бегу указал на выюн незнакомец.

– Да, – выдохнул Данила.

– Давай туда, – резко бросил стрелок, скидывая с плеча длинную фузею.

Разведчик подчинился беспрекословно. Все понятно, старший прикрывает отход раненого, и здесь кочевряжиться не стоит. Незнакомец хорошо разбирался в военной науке и

потому, не снижая темпа бега, ввалился в зелено-сизую стену выюна, как кабан в заросли крапивы.

На лицо осыпалась труха, состоящая из хитиновых панцирей насекомых, высосанных растением. Но это мелочи, главное – упасть и желательно больше не подниматься. Кровопотеря оказалась серьезнее, чем он думал, и организм действительно требовал отдыха и перевязки.

Раздвинув здоровой рукой естественную природную занавеску, Данила попал в довольно прилично сохранившуюся комнату первого этажа, судя по остаткам костра, мусору и кучкам засохшего дерьма, знакомую многим путникам. Некоторые из которых оскотинились настолько, что гадили там, где спали. Не иначе не постарались, люди обычно не испражняются там, где едят. Хотя люди тоже бывают разные...

Но выбирать не приходилось, тем более что последний раз здесь ночевали довольно давно и вонь уже успела выветриться. Сейчас бы лечь где почище – и гори оно все синим пламенем...

Однако долг воина был превыше желаний тела. Сейчас, пока старший обзревает окрестности через свои трубки, надо собрать побеги сдохшего выюна и развести костер.

Это оказалось несложно – сухих стеблей вокруг было предостаточно. Из десятка-другого получился веник, которым Данила быстро подмел небольшую площадку, хотя при наклоне вперед перед глазами плясали красные пятна. Но не

уподобляться же мутантам, которые где присели, там и при-
вал.

Из тех же сухих побегов получилась основа для костра. Данила чиркнул огнивом – и веселый огонек заплясал на лепестках сухого цветка. Разведчик раздул огонь, после чего с чувством выполненного долга прислонился к стене, дыша тяжело, словно бревна таскал. В желудке образовался тошнотворный ком – нормальная реакция после ранения. Теперь продышаться немного, пока тошнота пройдет, и можно кольчугу снять, посмотреть, что там с плечом...

– К костру пустишь?

Данила обернулся. Силен, ох, силен незнакомец в воинской науке! Зашел в комнату с другой стороны, а как зашел – не понять. И стоит за спиной, хотя ожидался с противоположной. Разведчик, как учили, расположился лицом ко входу – а вот поди ж ты!

– Там дыра в стене, – пояснил стрелок. – Я типа заодно запасной выход проверил. Так пустишь к костру?

– Садись, зачем спрашиваешь?

– Положено, – буркнул незнакомец. После чего обошел костер и присел напротив.

Языки пламени осветили усталое лицо, поросшее двухдневной щетиной. Обычный парень, слегка скуласт, волевой подбородок. Такие нравятся бабам. Если б глаза были чуть помягче, отбою от слабого пола точно бы не было. А так не глаза, а прицелы. И нос меж ними, перебитый неоднократно

и оттого слегка кривой, если присмотреться, — хотя у кого из настоящих воинов он целый, покажите такого? Так что говорить о том, кто способен вывести из строя боевого робота более чем за полкилометра, — вот уж у кого прошлое было, наверно, сплошь одни битвы...

Кстати, а как он это сделал? Данила и спросил.

— Щель у него в наблюдательной башенке, бронестеклом защищенная, — пояснил стрелок. — А за ней то ли видеокамера, то ли глаза, непонятно. Да и не суть важно. Заряжаешь бронебойную пулю — и вперед.

— Так далеко ж! — не выдержал Данила.

— Снайпер, который с восьмисот метров из СВД не попадает между глаз врага, это не снайпер, а ученик снайпера.

Снайпер... Слово какое-то незнакомое, не наше, похоже. Или устаревшее. А винтовка точно СВД называется.

— Снайпер — это твое имя? — на всякий случай спросил Данила. И угадал.

— Можно и так сказать, — едва заметно усмехнулся стрелок. — Только сейчас давай-ка лучше твоим плечом займемся.

Сняв с плеч и осторожно положив рядом с собой обе фузеи, Снайпер освободился от рюкзака, из которого достал красную квадратную сумочку с белым крестом и надписью Swiss doctor. Как он ее открыл, Данила так и не понял — просто за торчащий сбоку язычок потянул, вжик — и сумка распалась на две половинки. Внутри нее оказались компактно

сложенные бинты, таблетки и еще что-то по мелочи для оказания первой помощи больным и увечным.

– Давай помогу латы снять, – сказал Снайпер.

– Это кольчуга! – возмутился Данила. Уж с такой-то сноровкой должен воин кольчугу от лат отличать! Если не издается, конечно.

Но в глазах Снайпера издевки не было. В них вообще ничего не было, словно у этого человека вынули душу, а тело почему-то осталось жить.

– Это ты, суслик? Я не суслик, я барсук! Это все равно, – бормотал он себе под нос, стаскивая с разведчика железную рубаху.

– Ты о чем? – подозрительно спросил Данила.

– Не обращай внимания, это из мультика.

– Из чего?

– Из ничего, проехали. Не дергайся, а то обрывками кольчуги еще сильнее рану раздеру.

Ставив с Данилы бронь, Снайпер остальное снимать не стал, просто ловко распорол ножом подкольчужник вместе с исподней рубахой – и присвистнул слегка.

– Плохо? – спросил Данила. Хотя и без того знал, что нехорошо.

– Могло быть и лучше. Но и хуже могло, – философски заметил Снайпер. – Средняя дельта до кости распорота, правда, вдоль волокон, что радует. Но, думаю, в ближайшее время чесать затылок левой рукой не получится. Что на этот

счет говорит местная народная медицина? Идеи есть?

Идей не было. Регенерон и пластырь были потрачены на крысособаку. Но того не жаль, что сделано – то сделано, и прошлого не вернуть. В аптечке оставался лишь обезболивающий корень черной ромашки, одновременно служащий снотворным. Пожевать – а дальше утро вечера мудренее.

Тем временем Снайпер покопался в своей аптечке, достал салфетки, кривую иглу, нить в пакетике и еще один зеленый пакет, не иначе с пластырем. Разложил все это прямо на аптечке, после чего достал из вещмешка флягу и, отвинтив крышку, протянул разведчику:

– Хлебни, легче будет.

– Это что? – принялся Данила.

– Анестезия, дезинфекция внутренняя и внешняя, радиопротектор – дальше продолжать?

– Не надо, – вздохнул Данила, недолюбливающий ни брагу, ни медовуху. Но сейчас хочешь не хочешь, а надо. Шитье по-живому перетерпеть можно и без хмельного. Но коль оно есть, то сегодня уж точно отказываться не стоит, пока замученный сегодняшним днем организм не вырубился как мотор у перегревшегося биоробота.

Огненный поток ожег пищевод. Данила поперхнулся, закашлялся и выпучил глаза. Ничего себе медовуха у Снайпера!

– Спирт, – пояснил тот, забирая флягу, – Судя по реакции, спирта у вас тоже нет.

– Спирт... есть, – прохрипел Данила. – Но мало... и он... не для питья...

– Хреново, когда не для питья, – сказал Снайпер, плеснув из фляги себе на руки и на шовный материал. – И что у вас вообще есть, в Кремле вашем?

Данила продышался – и рассказал все. Есть ли смысл таиться перед человеком, который, считай, дважды тебе жизнь спас, а сейчас зашивает разорванное плечо?

– Ясно, – кивнул Снайпер, выслушав рассказ. – И что, у вас там все такие, как ты, прыгучие богатыри поперек себя шире?

Данила удивленно осмотрел себя. Свой рост и вес он всегда считал средними, были в разведке реально богатыри, практически не уступающие нео ни силой, ни ростом. Это пахари да мастеровые в основном на Снайпера телосложением похожи... О чем и сказал. Но Снайпер уже думал о другом, уставившись в костер, словно хотел рассмотреть что-то в языках пламени.

– И что, вокруг вас вообще больше людей нет? – спросил он наконец после недолгой паузы.

– Не знаю, – сказал разведчик. – Из дальних разведрейдов люди не возвращаются, потому мы их давно прекратили. А вблизи Кремля людей не видели уже лет сто. Раньше, говорят, приходили убогие, в Полях Смерти покалеченные, но им ворота не открывали, гнали.

– Правильно, – кивнул Снайпер. – Здоровые члены обще-

ства берегли себя от заразы.

Что-то в его голосе Даниле не понравилось.

– А что ты бы сделал? – вступился он за предков. – Впустить облученного, от которого дозиметры зашкаливали? Чтобы потом все остальные перемерли?

– Не знаю, – сказал Снайпер. – Вопрос тонкий, не мне судить.

– И ты сам-то откуда такой взялся? – продолжал Данила, слегка заведясь то ли от выпитого спирта, то ли от темы разговора.

– С Украины, если тебя это так интересует. А какой «такой»?

Что такое «Украина», Данила не знал. Поэтому, чтобы не выглядеть блаженным в чужих глазах и не переспрашивать ответ на каждый вопрос, просто добавил:

– Ну, весь из себя стрелок шибко меткий, в экипировке, со старым оружием, для которого патронов немерено...

Снайпер усмехнулся:

– Что ж, второй номер, ты имеешь право знать. Хотя, думаю, это знание ничего тебе не даст.

– Посмотрим, – буркнул Данила, скрипнув зубами.

Шил Снайпер мастерски, это чувствовалось, но при этом особо не миндальничая с раненым. А после темы с предками вообще взялся класть швы, словно валенок штопал.

– Начнем с того, что однажды один умный человек объяснил мне устройство мира. Вернее, миров, один из которых,

согласно закону симметрии, есть практически точное отражение другого.

Но в то же время в каждом из миров имелись незначительные отличия, которые создавали сами люди. Сам понимаешь, поколебать устройство мира достаточно сложно, море энергии требуется. Но предкам это удалось – с помощью ядерных взрывов. И сегодня в моем мире значительная область Украины представляет собой то, во что превратился сейчас твой мир, – выжженную радиацией пустыню с жуткими мутировавшими жизненными формами, приспособившимися существовать в той пустыне.

– А другая часть? – спросил Данила, на некоторое время забывший о боли. «В моем мире»? Что это значит? Но об этом потом, когда Снайпер договорит. Судя по его характеру, может просто послать куда подальше и закрыться, как раковина живоглота.

– С другой частью пока все нормально – если, конечно, считать нормой отсутствие ядерной войны. В твоем же мире, как я понимаю, в прошлом произошло непоправимое. Да так произошло, что вы тут, похоже, загибаетесь понемногу.

Данила вздохнул. Прав Снайпер, ничего не попишешь. Бабы рожают намного реже, чем даже десять лет назад. А осады мутантов и попытки штурма Кремля происходят все чаще. И каждый бой – это потери...

– Ну а ты-то как сюда попал? – рискнул перебить собеседника разведчик, лишь бы уйти от темы, страшной для каж-

дого жителя Кремля.

– Просто перешел, – сказал Снайпер. – Черное пятно на полу видел? Ну, типа след перехода. Вспышка энергии, сжигающей все вокруг метра на два в вашем мире. В моем же просто дыра в пространстве образуется. Входишь в нее – выходишь у вас.

– Ты колдун? – вполне серьезно спросил Данила. Колдуны были такой же сказкой для детей, как и кио, но кто его знает...

– Не думаю, – покачал головой Снайпер. – Было дело, попала мне в руки одна штуковина, посредством которой можно путешествовать между обоими мирами как в пространстве, так и во времени. А один... хммм... человек объяснил, что она такое и как ей пользоваться.

...«Просто перешел». Из одного мира в другой. В голове такое не укладывалось, но было ясно – не наш он, этот стрелок с двумя древними фузеями. Вообще не наш. И на наши проблемы ему, скорее всего, наплевать с развалин колокольни Ивана Великого. Но на всякий случай Данила уточнил:

– И что ты тогда у нас забыл? Зачем перешел?

– По делу.

Снайпер затянул последний узелок, полюбовался делом рук своих, после чего неожиданно плеснул на рану из фляги. Данила охнул, правая рука рефлексивно рванулась к плечу.

– Не лапай, заразу занесешь, – сказал путешественник между мирами, железными пальцами перехватив запястье

разведчика. – Сейчас салфетку, ускоряющую заживление, прилеплю – и через пару дней можешь делать левой рукой все, что захочется. Только швы на следующей неделе снять не забудь.

– Не забуду, – проворчал разведчик. Настроение Снайпер испортил капитально, хотя вроде ничего такого не сказал. Просто лишний раз напомнил, что человечество вымирает, и скоро, может, через поколение, от него даже костей не останется. А может, и раньше, если правда то, что нео не только с шамами, но и с био сговорились и готовят общий штурм. Тогда точно раньше, и намного.

– Ну и ладушки, – сказал стрелок, складывая в свою сумку медицинские принадлежности. – Тогда бери иглу, штопай рубаху. У кольчуги все равно рукав почти оторван, чинить без толку. Как и у подкольчужника, кстати. Но это, наверно, и к лучшему – сейчас отдеру те рукава до конца, и железо на рану давить не будет.

Процедура отрывания рукавов, разодранных нео, штопки рубахи и одевания Данилы заняла не более десяти минут.

– Ну все. Теперь ужин – и отбой, – сказал Снайпер.

Из рюкзака он извлек небольшую сковороду с четырьмя складными опорами, приделанными ко дну, три большие консервы и еще одну флягу.

– Стакан есть?

Данила не ответил, лишь вытащил из кошелья на поясе блямбу – как только нео не позарились? – и встряхнул.

– Нормально, – одобрил Снайпер появление раскладной посуды. – Пока у славянина есть свой личный стакан, он непобедим.

В одной банке оказался консервированный хлеб, в двух других – тушенка с кашей. Содержимое двух последних банок Снайпер вывалил в сковороду и ловко приладил ее над костром. После чего достал из кармана такую же блямбу, как у Данилы, и встряхнул аналогичным движением.

– Вот оно, общее для славян всех миров, – подмигнул он разведчику и слегка улыбнулся краем рта. – Хорошо дуться, подставляй посуду.

Данила подставил. Вторая порция спирта наполнила стакан до половины. Не много ли на сегодня будет?

– Ну давай, за знакомство, – сказал Снайпер. – Кстати, тебя как звать?

– Данилой.

– Понятно. Будем.

Они чокнулись. По второй спирт пошел легче. В голове зашумело.

– А теперь – понеслось.

В руку разведчика легла пластмассовая ложка.

– Давай, Данила, наворачивай...

Одинаковыми оказались не только стаканы. Консервы тоже были знакомы. Их выдавали в исключительных случаях, когда рейды разведки планировались более чем на двенадцать часов. Но такое бывало очень редко, потому попробо-

вать еду, залитую воском и пролежавшую на складах с незапамятных времен, Даниле удалось лишь однажды. Вкус запомнился на всю жизнь – наверно, потому, что мясо туров было безвкусным. И хотя есть хотелось нереально, разведчик все-таки оторвался от банки, чтобы сказать:

– Ты так и не договорил, зачем пришел в наш мир.

Снайпер замер на мгновение, не донеся ложку до рта. Потом все-таки завершил движение, обстоятельно прожевал тушенку, воткнул ложку в недоеденное содержимое банки, поставил ее на траву и внимательно посмотрел на Данилу:

– Что ж, парень, ты сам напросился. К тому же ты имеешь право знать. В ваш мир такие, как я, ходят эпизодически за едой, патронами и новыми стволами.

Разведчику не понравилось, как Снайпер выделил голосом слово «ваш». Но он не стал перебивать рассказчика. Чувствовалось, что сейчас он скажет нечто важное.

– Просто я здесь впервые. И потому при первом переходе промахнулся на пятнадцать километров расстояния и лет на пятьдесят времени. Обычно перехожие посещают этот мир, когда здесь уже нет никого – ни людей, ни нео, ни био. Только безобидные зверюшки и растения. Спокойно заходят на военные склады, берут что нужно и возвращаются в свой мир.

– То есть ты хочешь сказать...

– Ты сам просил, – пожал плечами Снайпер, снова берясь за банку, – Скорее всего, за последующие пятьдесят лет все враждебные друг другу формы жизни в вашем мире уничто-

жат друг друга. И на выходе получится идеальный мир без войн и насилия. Кстати, про Поля Смерти в том мире тоже никто из переходящих не говорил.

Есть расхотелось. Получается, что через пару поколений погибнут все люди на планете. И не только люди...

– Скажи, мимо Кремля те переходящие ходили?

– Угу, – кивнул Снайпер с набитым ртом. – Нет там ничего и никого в будущем. Развалины.

Не похоже, чтобы путешественник между мирами врал. Одно оружие чего стоит, какие еще нужны доказательства? Но Данила не был бы разведчиком, если б не выяснил все досконально:

– А тебе-то зачем сюда идти понадобилось? Оружие менять? Так у тебя и так мечта, а не оружие. И патронов к нему вроде хватает.

– Тут я тебя огорчу, – хмыкнул Снайпер, выскребая ложкой дно банки. – Патронов у нас два магазина к «Валу» и полтора к СВД. К тому же раздолбаны они – мама не горюй. У СВД месяц назад канал ствола рассверлить пришлось. И патронник у нее раздут так, что гильзы после выстрела не выходят, если загодя патроны парафином не смазать. Про «Вал» я вообще молчу, он свой ресурс давно отработал, на ладан дышит. Так что по-любому путь у нас один.

– Ты ж говорил... – начал было Данила – и осекся. Ухмылка у Снайпера была словно его выстрел, била куда надо и весьма точно.

– А я тебя и не обманул, – сказал пришелец из иномирья, продолжая улыбаться лишь нижней половиной лица. Глаза его при этом оставались такими же, как и раньше, ничего не выражающими, разве что чуть усталыми. – Дойдем до места, возьмешь себе хочешь этот ствол, хочешь любой другой новый, в масле. И патронов хоть пару цинков на горб взваливай, если допрешь – все твое.

– Да я не про автомат, – насупился разведчик. – Я вообще с тобой пошел...

– Все, только не начинай, – отрезал Снайпер. – Идем и идем, а кто, да зачем, да почему это делает – не надо, не люблю. Договорились?

– Договорились. А про куда идем можно? – спросил Данила, решив, что ругаться со своим спасителем дело действительно недостойное. – Что там, на «Кантемировской», за место такое?

– Резервные подземные склады Четвертой отдельной танковой бригады, ранее носившей название Кантемировской, – ответил Снайпер. – Догадываешься, почему станцию метро так называли? Правильно, поэтому. Дивизия-то в Наро-Фоминске была расквартирована. И в случае войны согласно планам командования вооруженными силами оперативно выдвигалась на защиту южных подступов к Москве. А для поддержки боеспособности дивизии склады продовольствия и боеприпасов нужны? Нужны. Ну так вот.

Снайпер отставил пустую банку и принялся чистить свою

винтовку.

Данила же не переспрашивал более, историю он знал. Четвертая отдельная танковая бригада в Последнюю Войну не дошла из Наро-Фоминска до Москвы, а на Киевском шоссе развернула танки и бронемашину. И в районе Апрелевки дала свой последний бой наступающим механизированным дивизиям противника, включавшим до пятисот единиц боевых роботов серии А.

Грандиозная битва машин продолжалась более месяца. В результате враг не прошел к столице России, а защитники города успели достроить Форт и свезти в Кремль максимально возможное количество еды, оружия и боеприпасов. И продержались до сего дня, сменяя поколения...

Данила просидел у костра прилично, вороша в памяти прошлое, настоящее и возможное будущее. Как свое, так и жителей его родного города-крепости, отторгнувших разведчика как инородное тело. Но он так не считал. Кремль по-прежнему оставался его единственной родиной, и, как дальше жить без нее, представлялось смутно. Но полюбому жизнь без хорошего оружия и продовольствия вне стен Кремля надолго не затянется, это Данила понимал прекрасно. Потому выход был один – идти вместе со Снайпером, хотя бы до тех пор, пока не представится возможность вернуть ему долг. А дальше видно будет... Но вопросы к своему новому командиру, почти закончившему собирать вычищенный «Вал», все-таки не давали покоя Даниле:

– Ну а ты-то как узнал про склады?

– Много вопросов задаешь, второй номер, – бросил Снайпер, кладя собранное оружие рядом с вычищенной до матового блеска СВД. – Как оружие чистить, запомнил?

– Ну... вроде да.

– Вроде – это уже неплохо, – одобрил Снайпер. – Далее свой автомат чистишь сам.

– Ладно.

– Вот и ладушки, – сказал Снайпер, заворачиваясь в пыльник и укладываясь у костра спиной к собеседнику. – Тогда отбой, скоро ночь на дворе.

Данила недоуменно воззрился на спину пришельца из другого мира. Интересно, а у них там посты на ночь выставлять не научены? Или жизнь настолько спокойная, что бояться некого, ходи по своей Украине как по собственному подворью?

Но, с другой стороны, подчиняться старшим Данилу учили с детства. Единожды послушался – и вон как оно получилось. И коль сейчас старший сказал «отбой», значит, так тому и быть. Тем более что от кровопотери и пережитого за сегодня глаза слипались нереально. И хотя до наступления ночи было еще прилично, разведчик привалился здоровым плечом к стене и мгновенно провалился в сон без сновидений, черный, как осеннее грозное небо над Кремлем...

Которое почти сразу взорвалось адским громом, сотрясшим стену, к которой прислонился Данила.

То, что это не во сне, разведчик понял сразу. И, еще не до конца продрав глаза, уже бежал с ножом в руке туда, где ударила то ли молния, то ли фитильная бомба... то ли граната Снайпера.

Со сна не сразу вспоминается то, что ему предшествовало. Но когда, выбежав наружу, разведчик увидел кровавую кляксу на траве и окровавленную лохматую конечность, судорожно сжимавшую расколотую дубину, память тут же услужливо преподнесла все, что произошло недавно.

– Я так и думал.

Клок темноты над кровавой кляксой качнулся – и у него появилось лицо, жутко освещенное светом полной луны, наполовину скрытой облаками.

– Выследили по следу и хотели незаметно во сне нас передавить, – сказала лицо Снайпера, висящее в воздухе наподобие ночного светляка-пересмешника. – Не вышло.

Данила куснул себя за губу, чтобы глаза быстрее привыкали к темноте, и окинул взглядом сектор перед входом. Следопытов-нео, похоже, было двое. Хотя вот так сразу и не определишь по фрагментам тел, разбросанным вокруг.

– А теперь иди сюда, буду учить, как растяжку ставить, – сказал Снайпер, практически неразличимый в ночи благодаря черному пыльнику.

– Ты ж вроде в другой одежке был? – сказал ратник.

– Пыльник двусторонний. Вывернули наизнанку – получаем ночной вариант, – пояснил Снайпер, доставая из кар-

мана ребристое зеленое яйцо с загогулиной. На старых плакатах оно смотрелось как-то несерьезно. А в руке Снайпера внушало уважение, стоило только подумать, что оно может сотворить с живым телом. Любое нарисованное оружие не впечатляет особо, пока не увидишь его воочию, не потрогаешь и не ощутишь кожей и потрохами скрытой в нем смертоносной силы.

– Значит, так. Растяжку можно ставить на двух уровнях – выше бедра и ниже бедра. Фиксируешь гранату скотчем, берешь леску или провод от ПТУРа, привязываешь за кольцо. Разгибаешь усики...

Данила раскрыв рот впитывал науку работы с оружием прошлого, вопросов не задавая. Был научен предыдущим опытом освоения воинской науки в Кремле. Высунешься с тупым вопросом не вовремя – тут же по шлему учебным мечом схлопочешь. Или по лбу, если занятия идут без шоломов. Все пояснят после. А не пояснят – интересуйся после занятия. Заодно и ясно будет инструктору, осталось что в голове или мимо ушей пролетело.

Снайпер работал ловко, любо-дорого посмотреть. Через пару минут новая растяжка была установлена.

– Следующую ты ставишь, – просто сказал Снайпер. – А сейчас досыпать.

– Так, может, я покараулю? – на всякий случай предложил Данила.

– Карауль, – кивнул Снайпер. – Только учти – к дому есть

только два подхода, растяжки стоят на обоих, и, что сейчас произошло, твои друзья не поняли. Непонятное страшно, потому до утра они больше точно не сунутся. Как и другие местные хищные твари, напуганные взрывами и огнем на мосту. А рано утром у нас с тобой марш-бросок до складов, и менять тебя я не буду.

– Понял, – кивнул разведчик. Спать так спать, кто ж когда был против такого приказа? Тем более с учетом того, что, пока он после взрыва метался с ножом по комнате, Снайпер успел уже каким-то образом оказаться снаружи, причем в вывернутом наизнанку пыльнике. Надо ли с таким командиром спорить? Наверно, не стоит.

* * *

Его разбудило тихое шуршание. Данила открыл глаза, проморгался спросонья, отклеился от стены – и непроизвольно охнул. Боль в раненом плече, которое ненароком отлежал ночью, дала о себе знать довольно жестоко. А еще сильно чесалась тыльная сторона ладони, на которой воспалилась пара красных следов. Не иначе вчера в тумане какую-то растительную пакость случайно зацепил и не заметил. Или не чем окарябал. Но это все мелочи, главное, левая рука, несмотря на боль в плече, уже двигается почти нормально.

Снайпер сидел у костра, поджав ноги, и аккуратно счи-

щал ножом скотч с ребристой гранаты. Еще две лежали перед ним, похожие на ночных черепах, зажавших в зубах металлические кольца.

– Всего три осталось, – сообщил он, заметив, что разведчик проснулся. – То есть с боезапасом у нас негусто. Лови.

Он вытащил из кармана что-то продолговатое и бросил Даниле. Отловив брошенное здоровой рукой, парень повертел в пальцах завернутый в цветную бумагу подарок, а после поднял на Снайпера недоуменный взгляд.

– Белково-углеводный батончик, – пояснил тот. – Полдня жрать не захочется. Так что жуй поскорее и пошли. Вода во фляге, держи.

Батончик оказался сладким до приторности, слаще меда, но никак не вкуснее. И пить от него захотелось сразу же.

– Ты с водой поответственнее, – предупредил Снайпер. – По моей информации, колодец у нас на пути только один, но вполне возможно, что он только через пятьдесят лет появится.

Снайпер был прав, воду в походе лучше беречь, и Данила завинтил крышку фляги. Чего-чего, а воды в Кремле было хоть залейся, глубочайшие надежные колодцы были пробурены еще задолго до Последней Войны и до сего дня работали исправно. Но то в Кремле. Теперь о нем можно забыть и привыкать к новой жизни.

– Теперь смотри сюда и запоминай, – сказал Снайпер, берясь за «Вал». – Еще раз оружие бросишь – расходимся. Мне

второй номер нужен, чтоб меня прикрывал, пока я по целям работаю, а не грудью на амбразуру бросался. Ясно?

Данила кивнул, чуть не сгорая от стыда.

– Далее. С огнестрелом дело имел? Только честно!

– «Вал» только в руках держать доводилось, – буркнул Данила. – Но из фузеи стрелял не хуже других. И из пистоля с десяти шагов в туза попадал.

– Десять из десяти? – слегка удивился Снайпер.

– Два из трех, – выдавил из себя признание Данила. – Порох недешев, потому мы больше метательным ножам доверяем. Но пару раз в неделю стрельбы в разведке обязательны.

– А ты, значит, разведчик.

– Разведчик! – набычился Данила. – А что?

– Ничего, – пожал плечами Снайпер. – Лет тебе сколько, разведчик?

Издевки в голосе командира Данила не нашел и потому ответил солидно, как подобает настоящему мужчине, три года назад ставшему Воином.

– Годов хватает. Девятнадцать.

– Изрядно, – кивнул Снайпер, протягивая разведчику оружие. – Ну, коль стрельбы были дважды в неделю и «Вал» в руках держал, на, пробуй. На дереве яблоко видишь?

Данила сквозь просвет в стеблях выюна посмотрел в ту сторону, куда указывал Снайпер.

На другой стороне раздолбанного асфальтового тракта было болото, в которое много лет назад съехало здание, по-

хожее на наверхшие тяжелой булавы. Сейчас из просветов его окон высовывались болотные яблони, увешанные ядовитыми плодами величиной с два кулака. С виду красивые, красные, аппетитные, сами в рот просятся. А куснешь – и тут же у дерева ляжешь. Голова все соображает, а ни рукой, ни ногой пошевелить не сможешь. Так и будешь лежать чуркой, чувствуя, как проникают под кожу и сосут кровь ядовитые корни страшного дерева.

– Отсюда попадешь?

Вместо ответа разведчик встал на одно колено и вскинул «Вал».

– Предохранитель выключи, – напомнил Снайпер.

Данила закусил губу. И почему он все больше чувствует себя не разведчиком, способным на то, что недоступно многим, а учеником, постигающим азы, причем учеником не из лучших?

Поперечная кнопка позади спускового крючка? Вроде она...

– Это переводчик режимов огня, – сказал Снайпер. – Еще варианты?

Убрав ладонь с рукояти, Данила перевел вниз рычажок и передернул затвор. Сейчас вроде точно все правильно сделал. А теперь...

Раздалось отчетливое «пшик!» и достаточно звучный лязг затвора. Автомат, словно живой, дернулся в руке. Мимо...

– Чуть выше возьми, – посоветовал Снайпер. – Начальная

скорость пули небольшая, соответственно имеет место быть существенная крутизна траектории ее полета. Делай выводы.

Данила прицелился в невидимый отсюда длинный черенок, на котором висела цель, и плавно нажал на спуск. На этот раз выстрел оказался результативнее. Яблоко взорвалось, обдав кровью нижние ветви. И сразу к алому пятну потянулись жадные корни – как хозяина яблока, так и его соседей. Медленно, но неотвратно.

– Сойдет, – кивнул Снайпер. И поморщился. – Пакость какая.

– Ты о чем? – удивился Данила, донельзя довольный результатом своего выстрела из древней фузеи.

– Да так. Флора у вас тут больно мерзкая.

– Ты про деревья, что ль?

Вот интересный гость из прошлого попался. А какими, интересно, еще могут быть деревья?

– Да ладно, проехали. В общем, так. Слушай обязанности второго номера, то есть твои обязанности. Несешь мой рюкзак и осуществляешь огневое прикрытие, причем про очереди забудь, стрельба только одиночными. Наблюдаешь за местностью, особенно за тем, что у меня за спиной делается. В случае погони заметаешь следы, разведчик должен знать, как это делается. Если надо будет, лезешь на дерево или куда придется и с более высокой точки корректируешь огонь. Растяжки ставишь тоже ты, если будет чем, конечно, – усмехнулся Снайпер. – Вопросы есть?

Вопросов не было. Нормальная инструкция для боярско-го телохранителя в отсутствие оруженосца с поправкой на старинное оружие. Исходя из того, что слово разведчика нерушимо и он дал согласие быть «вторым номером», нормально. Главное, сапоги не чистить и шапку не ломать, что порой бояре пытаются заставить делать молодых воинов. Остальное вполне по чину.

– Ну что ж, стрелок, пошли, – сказал Снайпер и, разведя руками живую стену из стеблей выюна, шагнул наружу.

Над горизонтом занимался багряный рассвет, будя рукокрылов, которые в отличие от своих предков спали не вниз головами, а застывали по ночам на вершинах развалин, словно статуи демонов. Везде, куда хватало взгляда, были эти развалины, к виду которых кремлевские привыкли с малолетства. Интересно, какими были дома вокруг Кремля, прежде чем их развалили снаряды, а потом доломало время? Иной дом, наполовину занесенный землею и поросший травой, уже и на дом не похож, а так, не пойми чего – холм, из которого местами выглядывают слепые квадратные провалы, когда-то бывшие дверями и окнами.

Данила обернулся посмотреть при свете на здание, приютившее их на ночь. Такой же холм, только обжитый не травой или мхом, а выюном, из-под зарослей которого выглядывает полустертая рельефная надпись на черном металле «Бан ссии».

Интересно, что здесь было написано? Названия ближай-

ших улиц память кремлевских жителей сохранила, хотя заросшие травой тропы между развалинами вряд ли можно было назвать улицами. Вот в Кремле – улицы, а это так, одно название и осталось. А вот чем были двести лет назад руины зданий, кто ж теперь вспомнит?

– Это что?

Данила повернул голову.

Над болотом вставал белесый туман, родной брат наведенного шамами вдоль восточной стены Кремля, только, скорее всего, естественного происхождения. А из болота на берег лезло жуткое с виду существо, держа в пасти большущую рыбину о двух головах.

На болотного гостя внимательно смотрел Снайпер через прицел СВД, терпеливо дожидаясь разъяснений.

Существо было крупнее среднего человека раза в два, имело длинные пальцы с перепонками между ними на ногах и руках и грязно-бурую кожу, покрытую наростами. Пасть твари напоминала капкан, который Данила видел в музее. Над капканом возвышался мелкий по сравнению с ним череп без намека на какие-то выступы или впадины.

– Болотник, – сказал разведчик, поморщившись. Жуткая тварь питалась кровью плотоядных деревьев, а корням болотных яблонь было все равно, какую плоть жрать. Вот и сейчас между деревьями и нечистью происходил натуральный обмен.

Болотник швырнул рыбину под корни ближайшей яблонь.

ни, после чего повернул безглазую башку в сторону людей и клацнул пастью.

– Не стреляй, – сказал Данила. – Однажды наши убили такого в рейде, после чего в Кремле эпидемия началась, все колодцы оказались отравленными. Человек полста на тот свет ушло, прежде чем поняли, в чем дело... И моя мать среди них... Потом колодцы как-то сами очистились, но людей-то не вернешь.

– Мои соболезнования, – сказал Снайпер, опуская винтовку, – Думаешь, сородичи болотника отомстили людям?

– Похоже на то, – кивнул Данила, – Они с водой сильно дружны.

Между тем с дерева упало несколько кровавых яблок, одно тюкнуло болотника по плоскому, грязному хвосту. Мустант заворчал, повернулся, ловко собрал пастью яблоки, после чего немедленно скрылся в тумане, откуда послышался глухой всплеск.

– Пошли отсюда, место сильно поганое, – сказал Данила, – Здесь неподалеку площадь была, на которой без малого полтыщи лет назад Емельяна Пугачева казнили. С тех пор место залятым стало. То дом просядет в болото, то в кулачных боях, что здесь проводили, кого-то насмерть забьют, хотя вроде и не били особо. А после войны болото вернулось и поглотило все что можно, несмотря на то что по Водоотводному каналу проточная вода текла.

– Ну ты прям историк, – хмыкнул Снайпер, забрасывая

винтовку за плечо, – Пошли, что ли.

– Обойдем маленько, – сказал Данила, – Малый Москов-
рецкий мост болото сожрало, а Чугунный вроде стоит до сих
пор.

Идти и вправду было недалеко – рукой подать, если б не
бетонно-земляные завалы, которые приходилось преодоле-
вать, а в основном обходить. И конечно, принесенный вет-
ром туман с болота, вонючий и плотный, словно кисель,
сквозь который приходилось продираться почти вслепую.
И в котором явственно слышалось подозрительное шурша-
ние, словно миллионы крохотных ножек скребли по земле и
остаткам асфальта крохотными коготками.

– Бежим! – заорал Данила. – Стальные сколопендры нас
учуяли!!!

– Это что за хрень? – на бегу выдохнул Снайпер.

– Сороконожка с непробиваемым панцирем, – пояснил
разведчик. Сейчас они на максимально возможной для чело-
века скорости огибали солидный кусок рухнувшей стены. –
Их тысячи в стае... Любую органику жрут... Боятся огня и
воды... Черт, до моста бы успеть, пока не догнали!

Теперь они бежали по прямой – благо особо крупных пре-
пятствий под ногами не наблюдалось. Возможно, поэтому
шуршание за спиной немного отдалилось.

– Вот он, – наконец произнес Данила. – Мост!

Мост и вправду сохранился неплохо – не иначе широчен-
ные «быки» поспособствовали. Однако, пробежав по нему

несколько шагов, Снайпер и Данила остановились одновременно.

– А это что еще за кусок дерьма?

Метрах в двадцати впереди, там, где заканчивались и мост, и туман, проступила желеобразная коричневая гора высотой в рост человека, перегородившая всю немалую ширину моста. Бугристое желе слабо колыхалось под порывами ветра, а вытянутая вперед дюжина трехметровых ложноножек слабо двигались, ощупывая побитый бетон перед собой.

– Придется искать другой путь, – быстро сказал разведчик. – Сколопендры все равно не отстанут. Теперь понятно, почему наши дальше Водоотводного не ходят.

– Ты на вопрос не ответил.

– Котях это, – сказал Данила. – Название такое потому, что и с виду как дерьмо, и сделать с ним ничего нельзя. Думаю, охотится оно так, ждет, пока кто-то по мосту побежит, от кого-то спасаясь.

– А почему сделать ничего нельзя?

– Стрелы в нем вязнут, – пояснил Данила, – пули тоже. Бомбу кидал кто-то – бесполезно, все равно что в пруд с нечистотами. А приблизится что живое – тут оно шустрым становится. Чавк – и нет зверя. Слушай, может, побежали по набережной, а?

– Стало быть, нервный центр-то у него есть, – задумчиво проговорил Снайпер. – Дай-ка мне свой «Вал». Так. А теперь кинь в него чем-нибудь.

– Не стоит, – сказал Данила. – Желудочным соком плюнет, а отмыться нечем, в Водоотводном тоже вода ядовитая.

– Ты приказы не обсуждай, второй номер, а выполняй, – посоветовал Снайпер. – Когда надо спросить совета, я спрашиваю, если ты заметил. Когда не надо – не спрашиваю. Кидай давай.

Данила не стал спорить, тем более что шуршание за спиной слышалось все явственнее. Он поискал глазами, чем бы кинуть, нашел существенный кусок покореженных металлических перил, держащихся на честном слове, резким движением вывернул его из бетона и, надсадно крикнув, метнул. После чего сноровисто шлепнулся на живот – котях плюется веером в направлении прилетевших подарков, глядишь, основные слюни над головой пролетят...

Но все же, что да как происходит на мосту, было интересно. Потому, рискуя зрением, Данила приподнял голову. Проследил, как перила, вращаясь в воздухе, спланировали чуть выше ложноножек и провалились внутрь... чего? А хрен его знает, что такое котях. Дерево, животное или мутант какой, не поймешь. Дерьмо и дерьмо, одним словом. Вот внутрь этой кучи и провалились перила. Раздался смачный «чавк!».

Котях, несмотря на кажущуюся медлительность, среагировал мгновенно. Посредине кучи разверзлось черное отверстие, из которого вылетел обратно перекрученный до неузнаваемости кусок металла. Вслед за чем раздалось негодующее шипение, котях надулся, готовясь харкнуть смер-

тью в обидчиков...

Над головой Данилы раздалось несколько быстрых «пшик!», будто дождь пролился на горячую сковороду. После чего котях замер на секунду, словно соображая, что же такое произошло, – и вдруг, так и не плюнув, начал медленно растекаться на сотни ложноножек.

За несколько секунд внушительная гора концентрированного живого желе превратилась в огромную, зловонную лужу.

– Так и будешь валяться на брюхе в позе удивленной игуаны? – поинтересовались сверху.

Кто такая «игуана», Данила не знал, но, тем не менее, намеку внял и быстро вскочил на ноги. И не только в намеке было дело.

Из полосы тумана позади беглецов выплыл ковер стального цвета, покрывавший площадь около десяти квадратных метров. Ковер со скоростью быстро идущего человека плыл по земле, а за ним тянулся широкий след ядовито-зеленой слизи.

– И за ними дерьмо тянется, – сплюнул Снайпер. – Что за мир? Одна кровь и дерьмо. Похоже, пора сваливать, а то что-то не нравятся мне твои сколопендры.

Договаривал он уже на бегу.

Мост был слегка выгнутым, словно спинка довольного кота, с которой остатки котяха медленно стекали частью в Водоотводный канал, частью на другой берег. Было видно, как

высокая трава, которой коснулась мертвая плоть странного мутанта, съеживается и моментально чернеет.

Снайпер бежал легко, видно, что не только стрелять горазд, но и силой не обижен. Хотя по виду и не скажешь, особенно в пыльнике, что надежно скрывает от посторонних взглядов все, что под ним, в том числе и фигуру хозяина. Может, потому его и носит Снайпер? В такой-то одежке сразу и не поймешь, кто перед тобой. И пока будешь раздумывать, пытаясь заглянуть под капюшон, скрывающий лицо, может быть уже поздно.

Котях растекся неслабо, лужа натекла метра три в диаметре, не меньше. Но Снайпер перемахнул ее легко, словно перелетел в своем пыльнике, полы которого раскрылись на мгновение подобно крыльям. Данила же перепрыгнул как учили – длинно, «рыбкой», с выходом на руки и перекатом. Перекатился – и зашипел от боли в раненом плече. Забыл в горячке.

– И что ты все то кувырком, то перекатом. Проще надо быть, естественнее, – сказал Снайпер, оборачиваясь назад и с удовлетворением отмечая, как первые сороконожки, ткнувшись в остатки плоти котяха, превратились в черные скрюченные запятые. Остальной ковер откатился назад и замер, видимо соображая, как преодолеть неожиданно возникшее препятствие.

– Учили так, – буркнул Данила, прислушиваясь к организму. Вроде липкое да теплое не потекло по руке. Значит, по-

везло дважды – и от сколопендр спаслись, и не придется по новой живое мясо перешивать...

– Переучивайся, – сказал Снайпер, – В бою твои фокусы никого не удивят, а автомат лишний раз долбанешь об землю магазином как пить дать. И считай, что без оружия остался. Держи – и береги его. Тогда он сбережет тебя. И пошли отсюда побыстрее, пока коврик не сообразил, как ему до нас добраться.

Данила крикнул про себя, принимая автомат обратно. Получается, Снайпер все просчитал заранее, потому и не вернул «Вал» до своего прыжка, с двумя стволами через лужу перелетая. А ведь он прав, с такой машинкой кульбиты лучше не делать. Как и с раненым плечом, кстати.

* * *

Они шли по заросшей травой тропе, которая, если Данила ничего не напутал, когда-то называлась Пятницкой улицей.

– Слушай, ты же только что...

– Убил большой кусок дерьма, – продолжил за разведчика мысль Снайпер, – И что в этом такого? Согласись, что мертвое дерьмо гораздо лучше, чем живое.

– Но как ты узнал, куда стрелять?!

– Все очень просто, – ответил Снайпер. – Если тварь большая и у нее есть ложноножки, значит, у нее должен быть если не мозг, то хотя бы ганглий, нервный центр, или на худой

конец ядро. Который при раздражении должен как-то среагировать.

– И?

– Что «и»? Пасть разинет – стреляешь в пасть, глаз откроет – в глаз.

– А если ничего не разинет и не откроет?

– Тогда стреляешь куда интуиция подскажет. Все, второй номер, хорош трепаться, а то еще какую-нибудь тварь проглядим.

Некоторое время они шли молча, но вокруг было тихо, и Снайпер первым нарушил молчание.

– Знаешь, что я думаю, – негромко сказал он, вглядываясь в развалины по обеим сторонам дороги, словно плащами накрытые нанесенной землей и проросшие стволами деревьев.

– Что?

– Такое впечатление, что вся планета в этом времени воюет против людей. Деревья плотоядные, мутанты, роботы, человекообразные.

– А что говорили те, кто был здесь до тебя? Что здесь, в будущем?

– Благодать, – пожал плечами Снайпер. – Ни мутантов, ни роботов, ни растительных кровопийц. Вообще ничего. Курорт. Трава, холмы на месте этих развалин, тишина. Вода в реках чистая, воздух – хоть пей его. Похоже, отдыхает в будущем планета от человечества.

Данила почесал в затылке:

– Думаешь, мы во всем виноваты?

– А кто ж? – хмыкнул Снайпер. – Вот она и мстит вам. Но это все лирика. У планеты свои дела, у нас – свои.

Разведчик невольно поежился. По эту сторону Водоотводного не был никто в Кремле. И не помнил он, чтоб кто-то из отцов или дедов сюда хаживал. Замоскворечье. Гиблое место испокон веку, откуда не возвращаются...

Здесь, по обе стороны Пятницкой улицы, развалины были относительно невысокими, не то что по ту сторону Чугунного моста, что осталась за спиной. Оттого и жуть пробирает.словно брустверы сплошные с двух сторон навалены, из-за которых удобно что камень кинуть, что метательный нож, что мысль поганую, если шам за ними засядет. И дороги другой нет – начнешь путь искать да по развалинам шариться, того и гляди ноги себе переломаешь.

Данила трусом не был, но идти на верную смерть было как-то не по себе. Если б не Снайпер, ни в жисть не полез бы сюда.

А тому хоть бы что. Осмотрелся, винтовку на сгиб локтя пристроил и пошел себе, огибая ямы и ползучие кусты, что охотятся за мелкими насекомыми, но при случае сообща не прочь отловить за ногу и крупную добычу...

С полкилометра они отмахали без приключений. Данила лишь озибался по пути, то и дело ожидая нападения, но вроде все было спокойно, пока слева не показалось круглое здание, напоминающее головную башню боевого робота «Акон-

кагуа-5А», виденного только в учебнике. И век бы его не видеть...

По верхней части здания, сохранившегося на удивление хорошо, шла надпись «Ме...рополи...» – дальше отсюда не видать.

Что здесь было до Последней Войны, Данила не помнил. Окрестности Кремля знал как свои пять пальцев, хоть ночью подними – карту нарисует. А дальше, за Водоотводным, – без понятия. Пятницкая улица всплыла в памяти – и все. Да и на кой помнить про край земли, если все равно туда никогда не попадешь? А вот попал, и что здесь к чему – неведомо.

Под наполовину отвалившейся надписью имелись окна в четыре человеческих роста высотой. Или двери – кто ж теперь разберет, что это было? В одной из дверей торчал остов танка, въехавшего туда задом, да так и оставшегося там навеки. Казалось, будто полусгнившего монстра захватили в плен заросли выюна, что оплели здание, словно щупальца сухопутного осьминога.

К проржавевшей пушке танка были подвешены два обвисших паутинных кокона с выпирающими из них костями. Но не белыми, человеческими, а словно выточенными из стали.

– Метрополитен, – тихо сказал Снайпер, – По-моему, какая-то «Кузнецкая», если мне маразм не изменяет.

– А это что? На танке? – так же тихо спросил Данила.

– Без понятия. Но, похоже, сейчас узнаем. Давай-ка сюда.

Они укрылись за большой кучей, состоящей из ржавых

балок, земли и стены давно обвалившегося здания. Габаритный мусор, одним словом, сам черт ногу сломит, но Снайпер словно влился в какую-то щель и замер, выставив вперед винтовку, В одном шаге будешь стоять – не заметишь.

Данила пристроился рядом, очень надеясь, что спрятался не хуже. Надо вообще-то кольчугу травой натереть, чтоб не блестела... Интересно, а от кого это Снайпер схоронился?

И тут Данила услышал голоса – звуки хорошо передавались по земле, – вместе с которыми в глубине улицы обозначилось шевеление, сопровождавшееся топотом многих ног, сморканием, кашлем и сопением минимум дюжины ноздрей.

– Видно?

– Не очень, – признался Данила.

Из щели между бетонными плитами показалась рука с металлической палкой, крашенной в нежно-зеленый цвет.

– Что это?

– ТР-8, труба разведчика. Бери перископ,ставляй над укрытием, смотри в окуляр и кольчужкой не отсвечивай.

Данила догадывался, что передал ему Снайпер, но эффект превзошел все ожидания.

Танк словно прыгнул к нему вместе с трупами, висящими на его пушке. Из прорвавшейся паутины был виден оскал вполне человеческого черепа... усиленного металлической паутиной, вживленной в кость. Сетка металла была хорошо различима через ТР-8 и похожа на узоры дамасского клинка.

В голове такое не укладывалось, потому Данила, чтоб не

перегружать мозги вопросами, на которые нет ответов, слегка сместил трубу вправо.

Открывшееся ему зрелище оказалось тошнотворным. Это ж какие мутации должно было претерпеть человеческое тело, чтобы на свет появилось такое?!

Чудовища, которые двигались по направлению к танку, были похожи на людей метра по полтора ростом, у которых из боков выросли еще по две пары рук. Или ног – это уж как назови, так и будет. При этом нормальные ноги, положенные человеку природой, сравнялись по размерам с дополнительной пачкой рук. Словом, к танку двигались люди, имеющие восемь мускулистых, одинаково развитых конечностей. Кто-то переваливался на двух задних ногоруках, неся в передних по три-четыре подобия метательных копий и крутя туда-сюда крупной головой. Кто-то, грациозно изогнувшись в позвоночнике, довольно шустро шел на шести, довольствуясь парой клинков, зажатых в передних руках. А один, самый массивный, отдуваясь, пер на спине извивающийся кокон, примотанный к его туловищу паутиной.

Правда, имелся еще один руконогий, худой и жилистый, который явно косил под человека. Его две средние пары рук, худые и высохшие, были примотаны паутиной к туловищу. Шел он на своих двоих довольно уверенно, опираясь на посох, зажатый в правой руке.

– Охренеть, – прошептал Снайпер. – Человекообразные сколопендры. И, сдается мне, вряд ли это мутации. Скорее

больше похоже на генетические эксперименты. Какие будут предложения, второй номер?

– Там, в коконах, что на танке висят... – нерешительно протянул Данила.

– Тоже мутанты, – закончил за него Снайпер. – Череп видел?

– Но те мертвецы, судя по скелетам, больше на нас похожи...

– И что? Если твари передрались, нам точно есть до этого дело?

Данила призадумался, продолжая прижимать к глазу окуляр.

Снайпер правда не знает, что делать, или его испытывает? А на кой ему это надо?

Зачем пришельцу из прошлого проверять на вшивость далекого потомка, было непонятно. Но в то же время как-то жаль стало Даниле того человекообразного мута, что корчился в коконе. В ТР-8 отчетливо видно было, как он пытается зубами прорвать паутину, но удастся это ему не особенно хорошо.

Процессия остановилась у танка. Худой – не иначе шаман этого жуткого вида мутантов – опустил палку и поклонился. То ли танку, то ли остаткам асфальта, перемолотым травой и корнями деревьев, то ли сгнившим трупам, болтающимся на пушке. После чего прожурчал что-то своим подопечным, которые спешно бросились отвязывать кокон от спины но-

сильщика.

Несколько взмахов клинков, зажатых в на удивление гибких конечностях, — и кокон свалился на землю. Из его верхней части донесся то ли взвизг, то ли слабый всхлип.

— Там же девчонка! — не вытерпел Данила, передергивая затвор «Вала».

— Верное решение, второй номер, — донесся спокойный голос из-под плиты. — Когда куча мужиков издевается над девушкой, это неправильно, даже если она мутант с непробиваемой черепушкой. Не забывай — только одиночными. Мои слева, твои справа, начинай с крайнего сразу после меня.

«Он взял на себя тех, кто ближе к кокону», — сообразил Данила, ловя на мушку здорового носильщика, решившего отдышаться в сторонке, прислонясь спиной к нише, образованной зданием метро и гусеницей танка. Судя по тому, как он дышал, поводя боками, в скелете его пока еще живой ноши также было немало металла.

Тем временем остальные руконогие, повинуясь мелодичным командам худого, уже почти подвесили кокон к пушке. Один, самый юркий, вскочил на изъеденный коррозией ствол, принял брошенную снизу веревку, сплетенную из серебристой паутины, и совсем было собрался затянуть узел, как из-под плиты хлопнул давно ожидаемый Данилой выстрел.

Голова худого шамана взорвалась, словно арбуз, в который химики по недосмотру перекачали быстрорастина. Вся

шайка палачей замерла, уставившись на невиданное зрелище. Безголовый шаман постоял мгновение – и рухнул на спину, беспорядочно суча конечностями и вырывая когтями клочья травы.

Второй хлопок сорвал с пушки юркого руконога. Тут уж и Данила очнулся от ступора и довольно ловко подстрелил носильщика, который с неожиданной прытью рванул было по прямой обратно в глубину улицы, откуда появилась процессия. Следующий патрон, правда, пропал впустую – сказался навык ожидания выстрела после щелчка кремневого замка. Разведчик явственно увидел, как пуля выбила фонтанчик бетонной крошки из стены круглого здания метрополитена. Руконогу почти удалось протиснуться в щель между танком и стеной «Кузнецкой», когда пуля Снайпера догнала его, разворотив таз и нижнюю часть позвоночника, – если, конечно, у этих тварей был позвоночник. Во всяком случае, руконог трепыхнулся – и затих, приняв в брюхо еще одну пулю, на этот раз от Данилы. На стену брызнуло желто-зеленое содержимое кишечника мутанта, а до разведчика донесся тонкий, жалобный крик, впрочем, не тронувший разведчика нисколько. Уж извините, муты, нечего было девчонку мучить.

Через несколько секунд все было кончено. Желтая кровь, слизь, паутинные слюни на лицах трупов. И лапы, чинно сложенные на животе у тех, кто упал на спину. Такдохнут некоторые насекомые, но не люди.

Данила услышал щелчок магазина, вставленного в винтовку. Потом из-под плиты послышалось:

– Надеюсь, оно того стоило. Пошли, что ли, посмотрим, что там за трофей многоножки волокли.

Снайпер вылез из своего укрытия, словно перетек из крайне неудобного положения лежа во вполне комфортное на полусогнутых. После чего неторопливо осмотрелся – и лишь после этого окончательно покинул позицию. Данила жадно следил за его движениями. Понятное дело, в разведке учили многому, но никогда не мешает перенять то, что действительно стоит перенять...

Кокон извивался, катаясь по земле и силясь порвать пути.

– Точно девчонка, – сказал Снайпер. – Абсолютно нелогичное поведение.

– Ну а ты бы что делал на ее месте? – удивился Данила. – Она ж не видит, что здесь произошло.

– Я бы постарался так не попасться, – ответил Снайпер. – А коли живешь в агрессивной среде, надо заранее думать и готовиться к подобным ситуациям.

Как именно готовиться к тому, что человекообразные пауки или паукообразные люди замотают тебя в паутину, Данила спросить не успел. В руке Снайпера словно сам собой появился нож с широким клинком из голубоватой стали с металлическим кольцом на гарде. Данила призадумался – к чему бы такое кольцо? И вдруг понял, само дошло. Чтоб в случае чего на ствол винтовки тот нож приспособить и ис-

пользовать вместо копья! Интересно, а приходилось Снайперу так драться? Надо будет спросить как-нибудь...

Тем ножом первый номер ловко, одним длинным касанием лезвия вскрыл верхушку кокона, из которой хлынул каскад неестественно золотых волос. Взяв за край паутины, слипшейся в сплошную массу и напоминающей толстенную льняную ткань, Снайпер потянул его на себя, еще раз полоснув ножом.

Кокон распался почти до середины. Из него показалась тонкая рука, испещренная хитрым узором наколок, а следом – лицо...

И первый, и второй номер застыли на месте... Такой совершенной красоты никому из них видеть не доводилось.

Из плена паутины решительными рывками уже без мужской помощи высвобождалась девушка, с неженской силой разрывая ненавистный кокон длинными металлическими ногтями. То, что изогнутые короткие клинки, выходящие из ногтевого ложа изящных, но сильных пальцев, состоят именно из какого-то высокопрочного сплава, оба мужчины определили сразу – недаром были профессиональными воинами. Но это все фиксировалось на уровне подсознания. Сознание же было парализовано мощным выбросом тестостерона...

– Ты кто? – выдавил из себя Данила, не в силах отвести взгляда от обнаженной груди прекрасной амазонки. Грудь, как и все остальное в фигуре девушки, была роскошной...

но в то же время тоже немного неестественной. Слишком красивой для живого тела.

Все в ней было избыточно совершенно – маленькие ступни, тренированные бедра, обтянутые эластичными серебрястыми шортами, узкая талия, руки – мускулистые, но в то же время не отталкивающие буграми плоти, как это бывает у мастеров боя двуручным мечом...

А в бездонные синие глаза на пол-лица хотелось смотреть вечно... Потому Данила и отвел взгляд – негоже воину забывать обо всем, пялясь на полуголую девку. Того и гляди ее ухажер подкрадется да по затылку чем-нибудь приласкает.

Снайпер же давно пришел в себя и смотрел как-то странно, словно сквозь девчонку, одновременно рассеянно и непринужденно поигрывая ножом, – да так, что клинок словно сам собой выписывал в воздухе хитрые фигуры, а пальцы, его удерживающие, лишь следовали за вывертами рукояти. Такой взгляд разведчик видел у него дважды – за мгновение до того, как пришелец из иномирья завалил двоих нео, и перед выстрелом в голову боевого робота. Каким был взгляд Снайпера перед отстрелом руконогов, Данила не рассмотрел – уж больно глубоко тот закопался в нишу между плитами. Но подозревал, что таким же. Интересно, почему его глаза становятся настолько жуткими перед боем? И с кем он собрался драться сейчас? С этой красоткой, что ли?

Девушка уже давно выбралась из кокона и сейчас стояла, глядя прямо перед собой. Без движения, без эмоций.

– Ты по-русски-то понимаешь? – не выдержал Данила.
Девушка чуть шевельнула губами:

– Русссссск... Русск...

Слово явно давалось ей с трудом, словно она вспоминала давно и прочно забытое.

– Русский, – наконец медленно выговорила она. – Мертвый яз-зык этого к-края...

– Почему ж мертвый? – обиделся Данила. – Вот они мы, живые-здоровые.

– Б-баг-ги, машшины и чел-ловек-и у-нич-тожили людей, – произнесла девушка, старательно шевеля абсолютно гладкими резиновыми губами. – А т-те, что зассели в крепости, уммрут раньше, ччем луна станет снова полной, как и те, что умммерли в петлле.

Она явно на ходу делала успехи в «мертвом» языке. О чем Данила ей и сообщил.

– А ты неплохо шпаришь по-нашему. Откуда познания-то?

Изо рта девушки послышалось что-то типа смешка.

– В моей ппамяти много лишнего, – сказала она. – Напппример, пять тысяч шестьсот мертттвых языков этой планнеты.

– Ты... кио? Кибернетический организм? – тихо спросил Данила, сам боясь поверить в собственную догадку.

– Так я и знал! – раздалось сбоку.

Потом разведчик увидел, как Снайпер коротким движе-

нием руки метнул нож – и рядом с бело-желтой колонной здания «Кузнецкой» повалился на землю недобитый руконог-носильщик с занесенным для броска копьем в руке.

«Твою мать!» – мысленно ругнулся Данила, досадуя, что не он заметил опасность. И как это Снайперу удалось, вроде в другое место смотрел?!

Снайпер же тем временем сходил за ножом, который вошел в череп мутанта по самую рукоять. Наступив ногой на лоб трупа, стрелок выдернул его из переносицы руконога, после чего достал из кармана белый квадратик бумаги и, тщательно вытерев клинок, вложил его в красивые ножны ручной работы. Прodelав все это, Снайпер запахнул полу пыльника и направился обратно.

– Ну что, переговоры окончены? – осведомился он. Его взгляд был сейчас таким же, как обычно, – пустым и ничего не выражающим. – Может, тогда пойдем дальше? Девушка, если нам с вами по пути, то можем проводить.

– Куда вы идете? – осведомилась девушка, окончательно разобравшаяся в «мертвом» языке.

– Туда, – кивком показал Снайпер на юг, где меж холмами тянулся узкий проход, когда-то бывший улицей города.

– Это еще кто кого будет провожать, – сказала она. В ее механическом голосе послышалась издевка.

– То есть? – не понял Данила.

– Подземные баги осмелели, вылезли из своего метро и пошли охотиться. Я тоже пошла охотиться, но их оказалось

больше, и у них была готова большая сеть. Я попалась, вы меня спасли. И теперь вы хотите пройти через нашу территорию, которая начинается в конце тропы. Думаю, я могу отдать вам долг жизни и провести через нашу территорию один раз.

– Один раз – это уже что-то, – кивнул Снайпер. – А если мы пойдем без тебя?

– Те, кого вы называете кио, тоже живут на органической пище. И ее источник не имеет для нас значения.

– Намек понял, – сказал Снайпер. – Что ж, веди. Как тебя, кстати, звать?

– Тебя интересует мой номер? – удивилась девушка. И выдала длинно: – 5627NST876.

По лицу Снайпера пробежала легкая тень, словно какое-то давнее воспоминание зацепило его душу. Впрочем, это длилось лишь мгновение.

– NST? – переспросил он. – Название серии? Знаешь, не люблю я как-то цифры в девчачьих именах. Тогда будешь пока Настей, договорились?

Девушка совсем по-человечески безразлично пожала плечами.

– Все равно, – сказала она. – Я слышала, что людям обязательно надо обозначать друг друга непонятными и ничего не значащими словами.

– Типа того, – согласился Данила. – Меня обозначают Данилой, его – Снайпером.

– Пусть так, – ответила девушка-киборг. – До нашей территории тысяча двести четыре метра, и, пока я вас буду сопровождать по территории багов, возможно, эта информация мне пригодится.

«А ведь она еще та вредина, – подумал Данила. – Не смотри, что кио. А красивая-то какая, ох, мамочки мои...»

Снайпер внимательно посмотрел на него, потом на кио-Настю, потом снова на него и сказал:

– Что-то подозрительно тихо вокруг, после того как мы наделали здесь столько шума. Пойду-ка я посмотрю, что в окрестностях делается. А вы, молодые люди, можете пока не спеша пройтись.

И, не дожидаясь ответа, скрылся в зарослях, оплетающих большой холм справа от «Кузнецкой».

Данила посмотрел ему вслед, хотя смотреть было особо не на что – Снайпер скрылся в кустах абсолютно бесшумно, и куда делся потом, можно было только гадать.

– Ну... пошли, что ли, – сказал он девушке немного грубовато, осознавая, как пылают его уши. Но сделать с собой ничего не мог.

– Пошли...

Они шли рядом по улице, живописно заросшей зеленью слишком яркого, неестественного цвета. Слева из кустов выглядывали две пары на удивление хорошо сохранившихся высоких колонн из черного камня. Меж ними была натянута толстая паутина, в которой висели трупы небольшого ру-

кокрыла, пары ворон, а также несколько птичьих скелетов с кусочками засохшего мяса на костях. Все подножие этой жуткой ловушки было усыпано перьями и измазано засохшей кровью.

– Раньше баги вешали нас здесь, – сказала Настя. – А потом решили, что на танке будет лучше.

– И ты так спокойно об этом говоришь? – изумился Данила.

– Закон территорий, – снова повела плечами кио. – Они охотятся на тех, кто проникнет на их территорию, мы – на тех, кто рискнет ступить на нашу без разрешения Совета.

– А ты зачем сюда полезла?

– Раньше люди называли это «спорт», – сказала кио. Ее губы шевельнулись в некотором подобии улыбки. – Заодно молодые и лучшие воины пытаются узнать, насколько стал сильнее или слабее враг. Чтобы потом когда-нибудь можно было попробовать расширить нашу территорию за счет его владений.

– У нас это называется разведкой, – задумчиво сказал Данила. – Слушай, а Расскажи о своем племени, а? Вас в моем городе считают легендой...

– Все очень просто, – ответила Настя. – Перед Большой Войной Россия в обстановке строжайшей секретности усиленно развивала биотехнологии, в частности создание кибернетических организмов, способных вести локальные боевые действия даже в высокоактивных очагах радиационно-

го поражения. В то время как на Западе все больше не в людей интегрировали полезные добавки, а просто снабжали боевые машины адаптированными к разложению человеческими мозгами с ограниченным набором функций. Это было дешевле, хоть и бесчеловечней. Но к началу Большой Войны боевые роботы противника были поставлены на поток, а кибернетические биомашинки только-только прошли стадию испытаний. Хотя идея была неплохой. При рождении ребенка вводили раствор, содержащий три типа наноботов. Первый тип внедрялся в клеточную ткань на уровне ДНК, диссемблировал аденин-гуаниновые связи, после чего подключался второй тип наноботов и ассемблировал связи в новой последовательности таким образом, что в обменные процессы включались соли тантала. В результате чего в костной ткани начинали расти танталовые нити, которые к пятнадцати-шестнадцати годам образовывали в организме устойчивую сетчатую структуру. Менялся весь обмен веществ ребенка, вынужденного потом в течение всей жизни пить растворы солей тантала и очень много есть. Но это маленькое неудобство компенсировалось устойчивостью к радиационному поражению, почти в тысячу раз превышающей человеческую, практически мгновенную регенерацию наноботами третьего типа поврежденных тканей, способностью употреблять в пищу любую органику, включая древесные опилки, любые углеводороды и технические масла...

– Подожди, подожди, – прервал ее Данила, понявший из

сказанного лишь три слова из пяти, но, тем не менее, общий смысл уловивший. – Так вы что, бессмертны?

– Нет, – ответила Настя. – Ученые еще до Большой Войны доказали, что лет через двести – двести пятьдесят должен полностью износиться мозг. И регенерация невозможна – при принудительном восстановлении мозга полностью стирается память...

– У нас ту войну называют Последней, – задумчиво произнес Данила. – После которой осталась лишь горстка людей и куча мутантов-неандертальцев, называющих себя человеками... Слушай, а что ты говорила о какой-то петле, в которой умерли люди?

– На юге Москва-река делает петлю, в которой до войны находился комплекс машиностроительных заводов ЗИЛ. Почти сразу же после войны выжившие работники заводов возвели на востоке вдоль Первого Автозаводского проспекта стену из бетона и металла, соединившую концы петли и замкнувшую ее. После чего разрушили Третье транспортное кольцо и Нагатинский метромост, по которым можно было попасть в Зону ЗИЛ. Оставили лишь узкий железнодорожный мост на западе, который охраняется так, что попасть внутрь Зоны невозможно. Жители ЗИЛа, эпизодически совершают набеги на соседей, не соблюдают Законов Территорий, но в последние годы их что-то не видно. Полагаю, что они были уничтожены мутантами, которые теперь охраняют Зону...

Данила зажмурился и потер ладонью мгновенно вспотевшую шею. Все это нужно было уместить в голове! Люди на территории Москвы! Которые то ли умерли, то ли нет – неизвестно!

– Слушай, а может, они все-таки живы?!!

– Не знаю, – сказала Настя, – Говорю же, мы их несколько лет уже не видели и не слышали, а тащиться через мост по минным полям грудью на автоматические пушки и пулеметы как-то не хочется.

Надо же! Жителей Петли побаиваются даже универсальные солдаты кио! Но, похоже, большего узнать о них не удастся. А вот о самих кио выпытать побольше не мешало бы, пока девушка разговорчива со своим спасителем.

Девушка... По-другому о ней как-то не думалось. Даже несмотря на то, что скелет у нее пронизан нитями из какого-то забытого металла, а в крови шарятся наноботы размером в десяток-другой атомов каждый, о которых когда-то давно рассказывали учителя в Кремле. Слишком уж красивой сделали ее давно умершие ученые и их наноботы. Или сама такой родилась? Кстати, а насколько сильно она отличается от обычной девушки? Ну, в смысле, надо бы каким-то образом узнать, как у кио рождаются дети...

Данила почувствовал, как от таких мыслей у него снова запылали уши. Прошли они уже порядком, но он как-то не заметил ни сколько времени они уже идут по улице, прямой, словно клинок меча, ни того, что идущая рядом с ним де-

вушка не совсем человек. Ему было просто хорошо. Так хорошо, как никогда раньше.

— Настя, я вот спросить хотел... — наконец решился Данила...

Но все, что хорошо, рано или поздно кончается. Сегодняшнее «хорошо» закончилось рано.

Договорить разведчик не успел.

Холм справа неожиданно взорвался, выбросив вверх неслабый фонтан, состоящий из комьев земли и кирпичных обломков.

Из дыры в фундаменте показалась громадная когтистая лапа. Потом еще одна. И еще. Следом высунулась человеческая голова величиной с ядро Царь-пушки. На ее лице горели два огромных желтых глаза, помимо которых Данила разглядел еще несколько, меньшего размера, расположенных по окружности черепа. Верхняя и нижняя челюсть твари трансформировалась в вертикально расположенные жвалы, оканчивающиеся человеческими зубами. Черный провал вместо носа и жесткие волосы, покрывающие всю голову, дополняли портрет мутанта. Но все-таки это было лицо. Гротескное, жутко измененное — но лицо. На котором читалась слепая, беспощадная ярость.

Данила невольно сделал шаг назад и шелкнул предохранителем «Вала». Краем глаза он видел, как невольно попятилась Настя, словно напуганная кошка выгнув спину и выставив вперед заточенные металлические ногти. Но вряд ли

даже двухдециметровые когти жука-медведя смогли бы помочь против такого врага.

Завидев врагов, мутант рванулся вперед. Обросший землей старинный дом, из недр которого появилось невиданное страшилище, развалился как карточный домик. Но рывок гигантского руконога не увенчался успехом. Наружу показались лишь фрагмент туловища и еще две лапы – все остальное, похоже, застряло в подземной дыре.

– Она лезет из метро! – крикнула Настя. – Бей по глазам! И длинно прыгнула вперед.

«Черт, – пронеслось в голове Данилы. – Что она делает?»

Но бежать следом за девушкой было глупо. Похоже, она знала, как надо действовать в таких случаях, в отличие от Данилы, впервые увидевшего эдакую тварь. В бою при равных чинах командиром зачастую становится тот разведчик, кто лучше разбирается в окружающей обстановке. Что ж, будем считать, что здесь, на неизведанной территории, он пока в учениках у тех, кто лучше его обучен выживанию в этих местах.

Данила аккуратно встал на одно колено, вскинул автомат и прицелился, тихо удивляясь сам себе – словно всю жизнь только и делал, что отстреливал из древнего огнестрела мутантов величиной с двухэтажный дом. Предыдущий опыт сказался – Данила учел расстояние до цели и плавно, на выдохе потянул пальцем спусковой крючок.

Левый глаз мутанта взорвался желто-серыми брызгами,

словно разведчик разбил пулей тухлое яйцо.

Тварь заверещала жутко, громко, непривычно, так, что по коже мороз продрал. И рванулась снова, выдернув наконец из подземелья раздутое тело.

«Матка, – понял Данила. – Не иначе мы ее детей постреляли, а она узнала и решила отомстить».

Тем временем Настя уже почти добралась до мутанта. Ближайшая лапа ударила по тому месту, где только что стояла девушка, – но Насти уже там не было. Девушка-кио двигалась поразительно быстро, хладнокровно и виртуозно владея своим телом. Ее нога ударила по лапе твари...

«Что она делает?!!» – снова пронеслось в голове Данилы.

Но Настя знала, что делала. Ее нога, утяжеленная древним металлом, оказалась в разы прочнее костей подземного страшилища.

Хруст подломившейся лапы мутанта донесся до Данилы.

«Как колуном по ветке рубанула!» – с восхищением подумал разведчик, всаживая следующую пулю в голову твари. Метил во второй глаз, да промазал слегка – судя по брызнувшему фонтанчику зеленоватой слизи, в нос угодил. Или в то, что от него осталось.

Однако матка руконога заверещала еще громче и бестолково заметалась, волоча по земле сломанную лапу. Похоже, в нежное местечко пуля пришлась.

Но смятение длилось недолго. Разъяренная тварь неожиданно прыгнула, оттолкнувшись четырьмя задними лапа-

ми, – и Настя не успела уйти от удара.

Правая передняя лапа монстра сбила ее с ног и ловко схватила поперек талии. Данила услышал, как щелкнули, сходясь, когти и как вскрикнула Настя. Тоненько, совсем человечьи.

Данила стиснул зубы, сдвинул пальцем переключатель, касаться которого запретил Снайпер, и послал веер пуль в голову мутанта. Над бровью твари расплылись две гнойные кляксы. Третья пуля разнесла еще один небольшой глаз, расположенный над ухом. А потом разведчик услышал слабый щелчок...

Он еще раз потянул пальцем за спусковой крючок, надеясь, что оружие оживет. Тщетно. Автомат был пуст, а девушку не спеша тянуло к разверстым жвалам подземное порождение ночных кошмаров.

– Ну, сука членистоногая! – прорычал Данила, кладя автомат на землю и вытаскивая нож. Он понимал всю бесполезность своей атаки, но кто знает, вдруг ему все-таки повезет и он успеет вскрыть клинком второй основной глаз мутанта и при этом просунуть нож вместе с рукой как можно глубже внутрь уродливого черепа, чтобы достать до мозга? А там уж и помирать не страшно. Настоящему воину помирать никогда не страшно, особенно если он сделал для победы все, что было в его силах.

Возможно, он сказал это вслух. Так как сзади него раздался спокойный знакомый голос, словно продолживший его

мысли:

– Помереть – оно всегда успеется. Тем более что сейчас это точно ни к чему.

Данила резко обернулся.

Позади него стоял Снайпер, и в руке у него была маленькая коробочка с несколькими кнопками. Одну из которых он и нажал так же спокойно и непринужденно, как загонял патроны в магазин своей СВД.

Позади грохнуло, и неслабо. Данила повернул голову – и увидел, как на том месте, где только что волочилось громадное и несуразное тело монстра, расплывается большая желтая лужа, в которую продолжают падать с неба куски разорванного взрывом мохнатого панциря.

Но это было еще не все.

Хотя матка и лишилась задней части своего туловища, передняя все еще продолжала жить. Причем жизнь в ней, похоже, поддерживала лишь жажда мести.

Разведчик видел, как мускулистая лапа твари почти поднесла Настю к разверстым жвалам... Метать нож на таком расстоянии было бесполезно. Бежать – не успеть. Стрелять нечем, да и не из чего...

Данила посмотрел на Снайпера, но тот лишь покачал головой. И вправду, стрелять сейчас в голову мутанта было бессмысленно – все возможные жизненно важные центры руконога находились на одной линии выстрела с головой девушки.

И тут Данила увидел сноп пламени, ударивший прямо в горло матке руконогов и заодно охвативший голову огненным ореолом. Треск горящих волос, мерзкий звук лопающихся глаз и предсмертный хрип твари слились в один звук, от которого к горлу Данилы подкатил тошнотворный ком. Но он продолжал смотреть, не в силах поверить в то, что сейчас увидел.

– Вот уж подруги расплевались – так расплевались, – заметил Снайпер, – Слушай, а ты точно уверен, что тебе нужна девчонка, которая в гневе может эдак вот запросто плюнуть в морду фаерболом?

Но Данила не слушал. Он уже бежал к тому месту, куда упала кио. Слишком красивая для того, чтобы быть чудовищем, о котором только что говорил пришелец из иномирья.

– Эх, молодость, молодость, – хмыкнул Снайпер, пряча в специальный карман разгрузки коробочку с кнопками. После чего запахнул пыльник и не спеша направился к месту битвы...

Настя лежала на острых бетонных обломках, неестественно подогнув под себя левую руку. Данила бросился к ней.

– Настена! Слышь, Насть, ты чего? Вставай, а?

Веки девушки дрогнули. Она вздохнула, пошевелилась, и Данила попытался помочь ей сесть...

С таким же успехом он мог попытаться кантовать малую чугунную пушку. Сдвинуть-то оно, конечно, может, и получится. Но вот если взять на руки, то руки те, пожалуй, станут

как у нео, до пола.

– Что, тяжеловата? – хмыкнула девушка.

– Ничего, подкачаюсь, – парировал Данила, очень довольный тем фактом, что девушка жива и относительно здорова. Главное, жива, остальное лечится.

– Ну-ну, давай, Шварценеггер, – сказала Настя, поднимая правой рукой левую и вглядываясь в глубокую рану на предплечье.

– Ты чего обзываешься? – слегка обиделся Данила.

– Так одного... качка звали... средневекового, – объяснила кио, между делом словно кошка зализывая рану, из которой, как ни странно, не вытекло ни капли крови. – Он до президента США докачаться хотел, но не потянул и согласился на меньшее.

– Мне меньшего не надо, – решительно сказал разведчик, абсолютно не понявший, о ком говорит кио, и от этого разозлившийся еще больше. Он к ней со всей душой, а она...

– Ну смотри, не пожалей потом, – улыбнулась Настя.

Ее рана затягивалась на глазах. Меж краями разрыва, нанесенного когтем мутанта, натянулись белые нити вязкой слюны, которые, словно живые, начали стягивать разрыв.

Данилу слегка передернуло. Красива девчонка нереально, но все же... не человек. Сможет ли он смириться с этим? Или проще погасить вспыхнувшее чувство, пока огонь не разгорелся и не охватил, помимо разума и мужского начала, еще и сердце?

– Куда это твой друг полез? – поинтересовалась кио.

Разведчик посмотрел в ту же сторону, что и она, – и невольно скривился.

Снайпер, скинув пыльник, по локоть в желто-черной жиже копался в голове мутанта, рассекая своим замечательным ножом кости черепа. Вот он зацепил что-то клинком, ковырнул – и вытащил из недр головы руконога кусок нежно-белого мяса. Покрутил его так и эдак, понюхал и, удовлетворенно кивнув, засунул в контейнер на поясе. После чего содрал с рук хирургические перчатки с длинными матерчатыми нарукавниками, выбросил их и, надев пыльник обратно, принялся регулировать ремень СВД.

– Непрост твой напарник, – заметила Настя. – И снайперская разгрузка «Кикимора», и даже его оружие здесь ни при чем.

– Не понял, – произнес Данила. – Что ты хочешь сказать?

– Думаю, это гость с изнанки этого мира, – сказала кио. – О таком призраке во плоти сказано в Книге Воспоминаний, написанной после Большой Войны. Я узнала его по контейнеру на поясе, сквозь который льется адский голубой свет.

– Почему же адский? – спросил разведчик. – Говорят, до войны такого цвета было небо. До того, пока атмосферу не заволокло копотью и пылью. Это хорошо, что хоть сейчас мы знаем, как выглядит солнце. Нашим дедам это было недоступно.

– А тебе не кажется, что твой друг использовал нас как

наживку, для того чтобы заполучить ядовитые железы матки багов? – продолжала гнуть свою линию кио.

– Мне кажется, что ты сейчас пытаешься навести тень на того, кто спас тебе жизнь, – мрачно ответил Данила. Хотя определенная доля истины в словах девушки, возможно, и была. Когда Снайпер подошел к ним, разведчик так прямо и спросил:

– Не расскажешь, что здесь только что произошло?

Снайпер испытующе посмотрел на Данилу, потом на кио. И улыбнулся.

– Конечно скажу, – произнес он. – Только что эта милая девушка предположила, что я – враг номер один, который завел вас в ловушку, чтобы самому слегка прибараклиться. Я прав?

Улыбалась только нижняя половина лица Снайпера. Глаза оставались такими же, как обычно, и сейчас, казалось, смотрели прямо в душу разведчика.

Данила не выдержал и отвел взгляд.

«Вот черт! – ругнулся он, досадуя на себя. – Чувствую себя перед ним как провинившийся ученик перед наставником. Хотя вопросы вроде как я должен сейчас задавать».

– Все просто, – сказал Снайпер. – Когда мы постреляли твоих багов, один из них все-таки успел свалить. В процессе было десять особей, а трупов оказалось девять. Ну я и предположил, что, возможно, нам постараются отомстить. От станции им за нами гнаться не с руки, заметим и убежим,

благо база сородичей Насти вроде как недалеко. Значит, попытаются перехватить по пути. Вот я и пробежался по зарослям, нашел их тропку, ведущую в дыру под домом, подложил под нее немного С-4 с дистанционным взрывателем, и вернулся к вам. Дальше вы знаете.

– А железы матки тебе зачем? – спросил Данила, все еще не поднимая глаз.

– Это мой трофей, – отрезал Снайпер. – И зачем он мне нужен, не ваше дело. Без меня вы бы мутанта не одолели, значит, и победа моя. К тому же железы матки даже через контейнер дают сильный запах, действующий на паукообразных как приказ «стоять-бояться-уважать». Значит, на пути в этом секторе для нас опасности больше нет. Еще вопросы будут?

Данила молчал. Кио глядела куда-то в сторону, словно ее все происходящее не касалось.

– Ну, если вопросов нет, – подытожил Снайпер, – то пошли, что ли? До темноты с такими приключениями мы вряд ли с тобой, Данила, до места назначения дойдем, но хоть половину-то пути осилить надо.

И улыбнулся снова, хлопнув заодно разведчика по плечу.

– Нормально воевал, солдат, – сказал он, протягивая ему полный магазин. – Признаться, не ожидал. Только очередями все-таки больше стрелять не надо, толку от них на ста метрах немного. Очереди вообще-то для работы в зданиях и на улицах придуманы. А поскольку улиц тут как таковых

не осталось, то остаются только здания. Поэтому учти, магазин последний и больше не будет. Кстати, – повернулся он к кио, – у вас, девушка, неплохо поставлен лоу-кик, одобряю. Ну так как, где ваша территория начинается?

– На Садовом, – кивнула девушка в конец улицы. – И... спасибо.

– Если что – обращайтесь, – хмыкнул Снайпер...

* * *

Дорога и вправду заняла немного времени, минут двадцать по слабо пересеченной местности. Один раз пришлось обогнуть рухнувший дом и застрявшего в нем навеки боевого робота, поросшего изумрудным мхом и проржавевшего насквозь – так что его марку и класс определить уже не представлялось возможным. После чего Данила отметил, что холмы по обеим сторонам дороги стали попадаться выше, чем были до этого. Иной раз из буйной растительности, словно утопающий из болота, вырывались бетонные скелеты домов, не успевших еще рухнуть под натиском природы.

Узкая, прямая тропа меж холмов закончилась неожиданно, словно небольшая речка влилась в огромное озеро.

Взгляду Данилы открылось поле боя. Место давней битвы машин, столкнувшихся на относительно небольшом пятачке между когда-то высоченными домами. И дома, и машины были перемолоты в этой битве, оставив после себя на изу-

веченной площади груды металла, бетона и перекрученной арматуры.

Но прорасти травой и кустарником этой огромной куче военного мусора было не суждено. Чьими-то усилиями значительная часть обломков была стянута к массивному и высокому зданию с украшенной башней, застывшему чуть в стороне от места сражения. Из них неведомые строители достаточно грамотно смонтировали стену, отгораживающую здание от остального хаоса, кстати, преграждавшего путь тем, кто вознамерился бы брать крепость штурмом. На площади негде было пройти бок о бок двум человекам, не говоря уж о том, чтобы подвести к стене пушки или боевого робота. А вот защитники здания вполне могли угостить незваного гостя из десятка чугунных стволов, не иначе позаимствованных из какого-нибудь ближайшего музея.

Да и помимо средневековых пушек имелось у тех защитников, чем от врага отмахаться. Наметанным взглядом разведчика Данила рассмотрел на стене пару приземистых самодельных бронеколпаков, из-под которых выглядывали стволы чего-то огнестрельного. Чего именно – отсюда не разобрать. Может, мушкет или аркебуза, а может, и еще что...

– Грамотно ребята устроились, – сказал Снайпер, оглядев площадь. – Даже «Утесы» где-то раздобыли. Патроны-то есть к тем пулеметам?

Вопрос относился к Насте, которая сделала вид, будто он

ее не касается.

– А на крыше метро, там, где дыра от снаряда в перекрытии, снайперская пара обосновалась, – продолжал Снайпер. – Насть, может, им какую отмашку дать, чтоб не отсвечивали оптикой как настоящие профессионалы? А то ж я и стрельнуть могу, после сегодняшнего нервы не железные.

Девушка покосилась на СВД, свободно лежащую на предплечье Снайпера, и, склонив голову к плечу, быстро выдала неразборчивую трель на неизвестном языке. В ответ из крошечной родинки на ее плече прозвучало похожее щебетание.

– Нам надо идти в цитадель, – сказала она.

– Нам? – поднял брови Снайпер. – *Нам*, – выделил он голосом слово, – надо идти прямо. Ты ж вроде собиралась отдать долг жизни и провести нас через вашу территорию. Или я что-то перепутал или понял не так?

– С вами хочет говорить Хозяин, – механическим голосом проговорила Настя. – А приказы Хозяина не обсуждаются.

– Вот как оно... – протянул Данила. – А не много ли на себя берет ваш Хозяин?

– Приказы Хозяина не обсуждаются, – повторила Настя, глядя поверх голов своих спутников. Словно в подтверждение ее слов на стене крепости синхронно повернулись бронеколпаки, наставив на непрошенных гостей стволы пулеметов.

«Точно машина, – подумал Данила, глядя в пустые, ничего не выражающие глаза кио. – Красивая кукла. Но до чего

ж красивая, язви ее в душу...»

– Ну не обсуждаются, значит, не обсуждаются, – ровным голосом произнес Снайпер. – Приглашение, от которого под дулами «Утесов» просто невозможно отказаться, принято. Ведите, девушка.

...Ворота укрепления представляли собой сварную конструкцию из стальных листов, в местах стыков усиленную блямбами старых канализационных люков. В воротах имела небольшая дверь – как раз человеку протиснуться. Когда спутники приблизились к воротам, дверь беззвучно отворилась наружу. По ее толщине можно было судить о толщине ворот – сантиметров десять, не меньше.

«Изрядно отгородились кию, – хмыкнул про себя Данила. – Интересно только от кого? Руконоги да нео им не противники. Разве только от био из такой крепости обороняться. Но пока био их полосу препятствий преодолеют, им ядрами все мозги повышибают. Тогда зачем такую стену городить? Непонятно».

Но внутренний двор крепости удивил Данилу еще больше.

К стене изнутри вели широкие лестницы-всходы, позволявшие защитникам не только самим оперативно подниматься на забрало¹, но и затаскивать по специально оборудо-

---

¹ Забрало – проход для защитников в верхней части крепостной стены, защищенный с внешней стороны тыном – забором из вертикально укрепленных, иногда заостренных бревен либо зубцами на каменной или кирпичной крепостной стене.

ванным полозьям бочки с красноречивой надписью: «Огнеопасно!». Бочки были сложены под навесом из маскировочной ткани и охранялись небольшим, паскудного вида киборгом, сильно смахивающим на крысособаку. Когда Снайпер с Данилой проходили мимо бочек, киборг оскалился, сверкнул глазами и показал танталовые зубы.

– Хороший песик, – улыбнулся ему Снайпер, отчего киборг захлопнул пасть и слегка попятился. Настя бросила на спутника Данилы удивленный взгляд, но ничего не сказала.

Во дворе крепости и помимо бочек было много чего интересного. Прямо по центру двора расположился средневековый требюше, сработанный из современных материалов. Длинный рычаг метательной машины был цельнометаллическим и явно отлитым на заказ, а не переделанным из рельсы, отчего Данила пришел в некоторое уныние. Кремлевские мастерские не имели достаточных мощностей для производства такой конструкции, а здесь – вот оно, пожалуйста. И где тот завод располагается – непонятно, крепость-то относительно небольшая, во многие разы меньше Кремля.

На конце рычага болталась плетенная из металлических нитей огромная корзина, снарядами для которой вполне могли быть те же огнеопасные бочки. На некотором удалении от требюше стояли два орудия того же предназначения – метать смерть навесом через головы защитников. Причем одно орудие было пузатой гаубицей-«единорогом», которые имелись и в Кремле. Второе же представляло собой

122-миллиметровую Д-30, которые, судя по историческим документам, были разобраны кремлевскими войсками еще сто лет назад по причине отсутствия снарядов к ним. Именно это страшное оружие, способное бить на расстояние свыше пятнадцати километров, сейчас как ни в чем не бывало стояло, разлапив станины, внутри крепости кио, уставив дуло в хмурое небо.

Данила дернул Снайпера за рукав:

– А чего они ее на стену не поставили? Из нее ж вроде и по наземным целям можно бить.

– Стена рухнет, – ответил Снайпер. – Три тонны с лишним как-никак. Плюс отдача, несмотря на гидропневматику. Эта самодельная баррикада, несмотря на толщину, развалится после десятка выстрелов гаубицы, если сразу от веса орудия не рухнет. Ну и размах станин тоже надо учитывать, то есть просто не поместится.

Судя по тому, как фыркнула Настя, Данила понял, что «баррикаду» она приняла близко к сердцу. Интересно все-таки – иной раз глянешь, машина машиной, ничего человеческого. А иной раз – девчонка и есть, разве что кости крепкие да под черепушкой нанороботы как тараканы шерудят. Хотя, если разобраться, считай, все девки такие, со своими нанороботами в голове...

Но, пройдя еще несколько шагов, Данила со Снайпером невольно остановились, задрав голову кверху.

У стены здания замерла накрытая брезентом и маски-

ровочной сетью боевая машина, которую Данила поначалу принял за трехэтажную пристройку.

– Хорошая маскировка, – оценил Снайпер. – И что это за чудо?

– Mountain A-14, – ответил Данила. – Био серии А, самый мощный робот Последней Войны.

– Охотно верю, – произнес Снайпер, рассматривая умело зачехленную машину, хотя стараниями кио рассмотреть что-либо за зелено-серым покровом было затруднительно. – А, значит, то, что торчало на мосту, серии В, то есть послабже.

– Серия В обладает ограниченным интеллектом, несет меньше вооружения, но более маневренна, – пояснил разведчик.

– И что, эти био сами все продумывают? Человек им приказы отдавать не может?

Данила пожал плечами:

– Этого я не знаю.

Похоже, Насте надоело ждать, пока спутники наговорятся, и она повторила:

– С вами хочет говорить Хозяин.

– Почему-то мне кажется, что сейчас ею точно кто-то управляет, – тихо произнес Снайпер. – А до этого была живая и сама по себе... Ладно, пошли, что ли.

...Входов в здание с фигурной башней было несколько, но все, кроме одного, заложены кирпичом. Окна также были сужены кирпичной кладкой до узких бойниц. Правильно

сказала кио, цитадель и есть, крепость внутри крепости. А над ней – донжон, главная башня, на удивление хорошо сохранившаяся. Не иначе потому, что сохраняли да укрепляли ее кио все два столетия.

У единственного входа, запечатанного бронированной дверью, стояло еще одно древнее орудие – ЗУ-23-2, зенитная установка, способная поражать как воздушные, так и наземные цели. В кресле стрелка сидел кио устрашающего вида, с буграми гипертрофированных мышц по всему телу, обтянутых камуфлированной униформой. Второй кио, практически копия первого, стоял навтыжку у бронированной двери, сжимая в руках тупорылый АКСу.

Охрана явно была предупреждена, так как при появлении гостей оба киборга даже не пошевелились, лишь синхронно проводили глазами обнаженную грудь девушки. Из чего Данила сделал вывод, что размножаются кио не в пробирках, как гласили многочисленные легенды о киборгах, бытующие в Кремле, а вполне естественным образом. Ну не может мужик так смотреть на девчачьи прелести, если они ему по барабану.

Разведчик прислушался к собственным ощущениям – и удивился. Странно, вот уже почти решил для себя, что не интересна ему полумеханическая девчонка. А как кто-то другой полапал ее взглядом – и взыграло, хоть в морду бей тому камуфлированному. Хотя вроде как и не с чего, поди, не твоя зазноба. И, наверно, бесполезно – только кулаки о тан-

таловый череп отбивать.

Бронированная дверь с легким шипением отворилась сама собой.

– 5627NST876 приказано проследовать в мастерские для осмотра и техобслуживания, – не меняя позы, сообщил охранник у двери. – Людям приказано проследовать в помещение ноль.

– Это то же, что два нуля, но без удобств? – поинтересовался Снайпер.

Охранник не ответил, да и Данила не понял, о чем это говорит его спутник. Хотя чего тут понимать – дверь открыли, позади стена и десяток вооруженных кио на той стене плюс столько же во дворе, не считая сторожевой крысособаки. Иди, пока по-хорошему приглашают.

– Оружие и боеприпасы сдать в приемник при входе, – добавил охранник у двери.

Данила даже немного удивился, что Снайпер не попытался что-то возразить. Не пристало воину без оружия ходить, даже к князю, который ему то оружие доверил! А тут в какое-то помещение ноль – и, считай, голым иди. Не воин, а не пойми что.

– Не рыпайся, – тихо сказал ему Снайпер, когда они миновали дверь.

За дверью был узкий коридор с серыми бетонными стенами, подсвеченный заключенными в круглые плафоны тусклыми лампами под потолком. Ничего себе, и с электриче-

ством у них порядок, коли тратят его там, где вполне можно обойтись просмоленными факелами!

По бокам коридора стояли два стальных продолговатых ящика, похожих на раскрытые гробы. Над каждым имелась надпись: «При входе сдать все оружие и боеприпасы в приемник! Несданное оружие влечет за собой немедленное уничтожение биообъекта в дезинфицирующем боксе!»

Данила хотел было взъерепениться, но, глядя на то, как Снайпер спокойно снимает СВД и кладет ее в ящик, передумал. И вправду, в чужой монастырь со своим «Валом» лезть не стоит – тем более когда в монастыре имеются действующие крупнокалиберные пулеметы.

Насте сдавать было нечего, и она, пройдя по коридору дальше, свернула направо и скрылась за углом. Даже не попрощалась. Эх, девчонки, девчонки...

Разведчик хмыкнул невесело, после чего положил в гроб автомат, магазин и свой боевой нож. Ему больше класть было нечего. В отличие от Снайпера, который задержался у своего приемника. Что именно он доставал из разгрузки и складывал в гроб, за его спиной было не рассмотреть, да Данила не особо и старался. Какое оружие носит воин с собой, есть личное дело воина, и другим до этого дела нет.

Дальнейший путь был один – вдоль по коридору до поворота, за которым скрылась Настя.

– Ну, пошли, что ль... на дезинфекцию, – усмехнулся Снайпер. – Забавное место, ей-богу.

Что его так развеселило, Данила не понял. Сам он безоружным реально чувствовал себя не в своей тарелке. Когда с малолетства приучен спать с ножом под подушкой, отсутствие привычной тяжести на поясе воспринимается как личная катастрофа.

Но при этом разведчик заметил, что слабое свечение на поясе Снайпера не исчезло.

– Контейнер не сдал, что ли? – поинтересовался Данила.

– Это не оружие, – немного резко ответил Снайпер, запахивая полу пальника.

До поворота им оставалось всего несколько шагов, когда бетонная плита впереди мягко и бесшумно отъехала в сторону, открыв небольшую кабину, обшитую изнутри коричневым пластиком.

– Лифт, что ли? – усомнился разведчик. Похожие кабины кое-где оставались в Кремле, разве что побогаче и побольше. Но ими давно никто не пользовался.

– Похоже на то, – согласился Снайпер. – Интересно, за что нам такая честь? Думаю, вряд ли хотят сказать «спасибо» за спасение Настены.

– А что тогда, как думаешь? – поинтересовался Данила.

– Думаю, что мы зачем-то нужны местному Хозяину. И не в качестве пищи – иначе давно бы пристрелили. Так что расслабься и не натвори глупостей, есть нас не будут. Во всяком случае сейчас.

Прежде чем шагнуть в кабину следом за Снайпером, Да-

нила глянул направо, в ту сторону, куда отправилась девушка-киборг. В темноту громадного здания уходил широкий коридор, по обеим сторонам которого тянулись одинаковые стальные двери...

«Прям как в казематах Троицкой башни, – подумал Данила. – Только у нас там картошку хранят, а здесь девчонкам техосмотр устраивают».

Настю было жалко. И о ней думалось, несмотря на то, что на Данилу она внимания особого не обращала – как и на Снайпера, кстати. Похоже, люди ей вообще были особо не интересны.

«Потому и думается, что ты ей не нужен, – усмехнулся про себя Данила. – Иначе б ходил нос задравши, мол, в меня кю из сказки влюбилась».

Плита беззвучно и медленно вернулась на свое место. Гораздо медленнее, чем только что до этого отъезжала в сторону. Данила со Снайпером оказались в каменно-пластиковом мешке, едва освещенном единственной лампочкой, такой же полумертвой, как и в коридоре. Прошла секунда. Вторая.

– Замуровали, демоны, – хмыкнул Снайпер.

– Или дают понять, кто мы такие здесь и чего стоим, – предположил Данила.

– А ты начинаешь креативно мыслить, второй номер!

Похоже, номер первый был слегка удивлен. А Данила обрадовался. Что такое «креативно», он не знал, но в голосе Снайпера он явно услышал одобрение. Что ж, приятно,

черт возьми, когда тебя хвалит воин из прошлого, способный убить одним выстрелом боевого робота.

Кабина вздрогнула и медленно тронулась вверх.

Мимо спутников один за другим проплывали прямоугольные бетонные блоки – то ли монолитные конструкции, то ли такие же замаскированные двери, поди разбери, что тут напридумывали эти кио.

Наконец кабина остановилась. На этот раз плита ушла в стену побыстрее, открыв вход в стальной бокс, две стены которого напоминали дуршлаг, посредством которого бабы промывают сушеные ягоды. Третья стена напротив кабины лифта была идеально гладкой.

– Вот и обещанный дезинфекционный бокс, – сказал Снайпер. – Ты там случайно ножик в кармане не забыл?

– Лучше ты в разгрузке у себя пошарь, – парировал Данила. – У тебя там карманов побольше будет.

– Тоже вариант, – согласился Снайпер, делая шаг вперед.

Неприятно, конечно, когда на тебя направлена куча отверстий, из которых вот-вот вырвется не пойми что. Потому лучше такие минуты коротать за разговором. О чем? Да о чем угодно, лишь бы мозги отвлечь.

Но началось все не с отверстий. Внезапно в верхних углах бокса возникли ярко-красные точки, от которых протянулись два луча того же цвета, перекрестившиеся друг с другом посередине. Этот тонкий крест начал медленно опускаться прямо на голову Даниле, и тот невольно попятился.

– Сканер, – коротко бросил Снайпер. – Та самая обещанная проверка на оружие. Серьезно у них тут все, как я полагаю.

Крест, разливая вокруг себя сияние, заполнившее весь бокс, пересек человеческие фигуры, спустился до пола – и погас, оставив на сетчатке глаз две мерцающие красные линии. После чего из всех отверстий бокса со свистом ударил вонючий холодный пар, от которого у Данилы мгновенно перехватило дыхание и выступили слезы. Возможно, все закончилось бы гораздо хуже, если б Снайпер не сунул прямо в лицо широкий рукав своего пыльника, при этом сам зарывшись лицом во второй рукав.

Пытка продолжалась меньше минуты, но за это время Данила успел проститься с жизнью. Несмотря на то что он прижимал к лицу плотную ткань и пытался задержать дыхание, в горле першило, легкие горели огнем, по спине струился мгновенно выступивший холодный пот.

Наконец свист прекратился. В потолке загудели невидимые вентиляторы, почти мгновенно очистившие бокс от вонючего газа. Но, несмотря на это, Данила продолжал кашлять.

– С-суки... – выдохнул Снайпер. После чего осторожно понюхал воздух и вздохнул полной грудью. Похоже, он успел задержать дыхание, прежде чем газ проник в его легкие. – Держись, парень. Глубоко не вдыхай. Потихоньку дыши, небольшими порциями.

Данила внял совету, сдерживая рвущийся наружу кашель и потихоньку вентилируя легкие. Постепенно режущая боль в дыхалке сменилась тупой, а после и вовсе сошла на нет.

– Хорошенький прием, ничего не скажешь, – проворчал Снайпер, – Интересно, какие у них еще сюрпризы имеются?

С легким шипением гладкая стена бокса отъехала в сторону.

За ней был зал. Огромный, круглый, сверкающий хромированной сталью, да так, что Данила поневоле зажмурился.

Не иначе эффект был рассчитан именно на это. Чтоб посетитель проникся величиим момента и осознал, какая великая милость ему оказана. Хотя не исключено, что с гладких поверхностей было просто легче стирать пыль.

Правда, пыли в этих хоромаш, похоже, отродясь не водилось. Восходящие потоки воздуха уносили вверх под потолок малейшую соринку, которая могла коснуться странных и непонятных приборов, заполнявших зал. Приборы были разных размеров. Первым делом бросался в глаза самый массивный, величиной с того самого боевого робота, что Снайпер подстрелил на мосту. А вокруг него, как дети возле дородной мамы, были наставлены агрегаты поменьше. И вся эта куча аппаратуры, еле слышно гудя, перемигивалась лампочками, словно переговаривалась друг с другом, обсуждая что-то очень важное.

А посреди зала стоял черный столб, уходящий под крышу зала, где толстыми змеями вились гофрированные тру-

бы вентиляции. К столбу от приборов тянулось множество проводов, широких труб и тончайших трубочек, по которым циркулировала голубоватая жидкость. Не иначе все это обилие аппаратуры было подчинено одной цели – обслуживать столб. И на кой столбу нужно все, что понаставлено вокруг, оставалось загадкой.

Вокруг аппаратов сустились несколько металлических пауков, сильно напоминающих пристяжь боевых роботов. На первый взгляд и функции у них были аналогичными – пауки осторожно ковырялись в проводах, один вон панельку небольшую отодвинул, усами в электронных кишках аппарата возится... Эх, какая же прорва электричества тратится не пойми на что! Это тебе не перепаянные по десять раз осколки солнечных батарей и ветряки кремлевские, которые энергии дают – кот наплакал, на самое необходимое не хватает...

Надо отметить, что все это нагромождение приборов непонятного назначения вместе с их членистоногой пристяжью было отгорожено от посетителей бронестеклом неслабой толщины, также уходящим под потолок. И для тех, кто был удостоен высокой чести посетить помещение ноль, оставалась лишь небольшая свободная площадка без намека на стулья или хотя бы деревянную лавку.

– Здравствуйте, господа, – раздалось над головами Снайпера и Данилы. – Рад приветствовать вас в своих апартаментах.

– А можно узнать, с кем имеем честь беседовать?

Данила с уважением посмотрел на Снайпера. О старом языке он читал в библиотеке, где любил посиживать в свободное время. Но в Кремле так изъяснялись разве что князь с боярами, да и то лишь на больших собраниях, а не в повседневной речи.

По бронестеклу пошла рябь, которая постепенно трансформировалась в изображение пожилого человека в очках. На древней фотографии, спроецированной на бронестекло, были хорошо видны пятна на белом халате старика, а седая челка, небрежно спадающая на высокий лоб, не совсем вязалась с аккуратно подстриженной бородкой. Сквозь стекла очков посетителей сверлил недовольный взгляд их хозяина. Создавалось впечатление, что человека в белом халате оторвали от важной работы, чтобы сделать снимок, и данный факт изрядно вывел его из себя.

– Разрешите представиться – академик Кулагин, доктор биологических наук и хозяин этой базы, – произнес голос. – Так я выглядел... хммм... пару сотен лет назад, но, думаю, вам будет проще общаться, представляя себе некий конкретный образ. Кстати, прошу извинить за столь навязчивое приглашение, но смею предположить, что иначе мы бы просто не встретились.

– Ну, приглашение от настоящего доктора наук всегда льстит приглашенному, – заметил Снайпер. – Конечно, если его не ведут на randevу под прицелом пулеметов.

– Еще раз прошу прощения, но это была необходимость, –

отрезал голос.

– Что ж, тогда, если можно, ближе к делу, – ледяным голосом произнес Снайпер, которому, судя по всему, надоело упражняться в красноречии.

– Разумное предложение, – согласился голос. – Но прежде позвольте немного ввести вас в курс дела.

Итак, надеюсь, для вас не секрет, что Москва представляет собой что-то вроде термитника, обожженного Большой Войной. Снаружи – хаос и разрушения, внутри, под землей, – по большей части сохранившиеся тоннели официального и кремлевского метрополитенов, всевозможные бункеры и бомбоубежища для больших шишек и не очень, командные пункты противовоздушной и противоракетной обороны, а также шахты межконтинентальных баллистических ракет и подземные зенитно-ракетные комплексы так называемого ракетного щита Москвы, благодаря которому, кстати, мы с вами сейчас разговариваем. Ведь, как известно, столица тогда не особенно пострадала от ракетного удара, в отличие от иных городов России, Китая и других стран, вовлеченных в ту страшную войну, в результате которой большая часть когда-то густонаселенной планеты представляет собой пустыню, где под воздействием Полей Смерти гибнет все живое.

– Вы знаете, что это за Поля? – вырвалось у Данилы.

– Понятия не имею, – отозвался голос. – По всем законам ядерной физики радиационный фон за два столетия дол-

жен был снизиться до величин, вполне сопоставимых с жизнью биологических объектов. Однако фон остается прежним, и при этом его практически мгновенное фатальное воздействие на биообъекты необъяснимо с точки зрения науки прошлого. Это уже не радиация, а что-то иное, требующее длительного изучения. Чего, естественно, в современных условиях борьбы за выживание никто позволить себе не может.

Но вернемся к нашей теме. Так, на чем я остановился? Ах да, московский термитник. То, что я рассказал сейчас, так или иначе до войны просачивалось в средства массовой информации. Однако что у нас, что на Западе имелись строго секретные объекты государственного значения, о которых СМИ даже не догадывались...

Голос выдержал театральную паузу, наслаждаясь моментом. Но, не дождавшись ожидаемого вопроса, слегка обиженным голосом ответил на него сам:

– Это были секретные институты по созданию биологического оружия, один из которых находится под этим зданием. Многоэтажный производственно-исследовательский комплекс со своими мощностями, не прекращающий своего функционирования все двести лет после войны. Но если до нее Запад шел по пути механизации, создавая боевых роботов с набором ограниченных человеческих функций, то Россия тратила миллиарды на людей с функциями боевых роботов. Чувствуете разницу?

– А хрен точно слаще редьки? – поинтересовался Снайпер, – По-моему, что танк с мозгами имбецила, что имбецил с функциями танка...

– Вы не понимаете! – взорвался голос. – Если биоробот способен лишь жрать и воевать, то человек с функциями боевой машины может самостоятельно принимать решения на поле боя!

– Ага, видели только что, – хмыкнул Данила. – Броситься грудью на пасть мутанта и, напоследок плюнув ему в морду огнем, геройски погибнуть.

– Согласен, мои киборги без оружия в рукопашном бою не многим превосходят обычного человека, – ледяным голосом произнес невидимый академик. – Зато они способны максимально эффективно использовать любое известное вооружение от ножа до межконтинентального бомбардировщика, выживать в Полях Смерти и жить не старея более двухсот лет, пока не износится мозг...

– Погодите, господин Кулагин, – перебил Снайпер поток ученой мысли. – Но если киборг живет немногим больше двухсот лет, то с кем мы сейчас разговариваем? Судя по фото, во время Последней Войны вы уже были далеко не юноша.

В охлажденном кондиционерами воздухе повисла долгая пауза. Даже суесящиеся за прозрачной стенкой пауки замерли, почуяв какой-то энергетический прострел и в недоумении перебирая лапками.

– Вы точно хотите это знать? – наконец спросил голос.

– Хотелось бы быть уверенным, что нас собирается куда-то отправить живой человек, а не электронная матрица, – сказал Снайпер.

– А с чего вы взяли, что я собираюсь вас куда-то отправить? – удивился голос.

– Мы вам зачем-то нужны, – пояснил Снайпер. – И не в качестве корма для ваших киборгов. Иначе бы вы не стали раскрывать нам тайны вашей базы. Поэтому, прежде чем выполнять заказ, мы должны знать, кто заказчик и каков наш интерес в предлагаемом вами задании.

– Что ж, вы на редкость проницательны, – усмехнулся голос. – Уверяю вас, я не машина, а всего-навсего то, что делает человека человеком. К сожалению, с течением времени моя телесная оболочка пришла в негодность и от нее пришлось отказаться.

Данила с интересом смотрел, как нижняя часть столба, подпирающего крышу за прозрачной перегородкой, плавно ушла в пол, открыв прозрачный цилиндрический аквариум. Внутри аквариума в голубоватой жидкости свободно плавал человеческий мозг, утыканный иглами, от которых тянулись к стоящим на полу приборам прозрачные трубки и разноцветные провода.

– В таком состоянии благодаря изобретенному мной физраствору человеческий мозг может существовать сколь угодно долго, – пояснил голос с едва уловимой ноткой печали. –

И, к сожалению, технологией пересадки мозга в другое тело я пока не владею. Хотя, возможно, вы сможете мне в этом помочь.

– Очень интересно, – хмыкнул Снайпер. – Что же такого может сделать пара несовершенных людей, чего не могут ваши совершенные киборги?

– Вы умеете задавать вопросы, – усмехнулся ученый, чей мозг продолжал функционировать, несмотря на то что все остальное тело давным-давно превратилось в прах или – что вероятнее – пошло на корм его киборгам. – Согласно моим расчетам, пара людей может проникнуть в Зону ЗИЛ, окруженную петлей Москвы-реки. Уже много лет любой механизированный объект, который приближается к берегу Петли на расстояние больше ста метров, уничтожается огнем тяжелых минометов. В том числе и мои киборги. Тантал в их костях рассеивает радио-и микроволновое излучение, и их легко обнаружить с помощью спутников, которые от войны несколько не пострадали. Как я понимаю, те, кто живет сейчас в Зоне ЗИЛ, научились ими пользоваться, в результате чего обеспечили себе полную безопасность от боевых роботов и моих киборгов. А люди и мутанты как серьезные противники ими не воспринимаются – для того чтобы они не лазили за периметр, достаточно естественной водной преграды, забора с колючей проволокой и шести пулеметных вышек, отстоящих друг от друга на расстоянии километра.

– Какие пулеметы на вышках? ПК? – быстро спросил

Снайпер. – И только ли пулеметчики на вышках? Моих коллег там не наблюдается часом?

– Вы получите полные разведданные по Зоне за последние несколько месяцев, – ответил голос. – Помимо этого, мы снабдим вас маскировочными накидками, которые полностью скроют вас от спутников, а также необходимым оружием и снаряжением.

– Подождите, – прервал ученого Снайпер. – Что-то я в толк не возьму. А почему нельзя ту накидку на вашего киборга надеть? Запаковали в ОЗК – и вперед!

– Я, конечно, могу вам прочесть лекцию по школьному курсу физики и методам обнаружения и распознавания объектов на местности с помощью спутников, но мне кажется, что мы просто зря потратим ваше и мое время, – немного раздраженно заметил голос. – Да, и человек, и киборг излучают в инфракрасном диапазоне тепло, которое легко можно скрыть с помощью теплоизолятора, если он инерционно поддерживает температуру окружающей среды на поверхности объекта, делая тем самым объект невидимым для сканеров инфракрасного диапазона. Но есть еще сканеры микроволнового диапазона. Спектральные анализаторы этих сканеров настроены на полосу поглощения тантала. Проще говоря, практика показала, что охранные компьютеры Зоны реагируют на два ключевых признака движущихся объектов – тантал и тепло. Это значит, что если к базе приближается киборг, единственный на сегодняшний день реальный про-

тивник жителей Зоны, кроме боевых роботов, то это выглядит у них на мониторах как движущийся танталовый объект, к тому же еще и теплый. Маскируем киборга накидкой – убираем тепло, получается движущийся тантал, что также вызывает команду «огонь». Человек в прорезиненной камуфлированной накидке, которая, кстати, намного удобнее ОЗК, не содержит тантал и не излучает тепло, следовательно, для спутников не виден. Так доступно?

– Вполне, – кивнул Снайпер.

– Продолжим, – произнес голос. – Вашей задачей будет проникнуть в Зону и принести мне оттуда всего-навсего небольшой предмет, размером, формой и цветом напоминающий обыкновенную учебную гранату РГД-5.

– Гранату? – слегка удивился Снайпер. – Секретом не поделитесь, что это за таинственный артефакт и зачем он вам так нужен? И, кстати, на сколько рентген в час та «эргэдэшка» фонит?

– Зачем он мне нужен, вам знать необязательно, – отрезал голос. – А относительно его радиоактивности можете быть спокойны – данный предмет абсолютно безопасен для человека. Теперь вкратце несколько слов о задании.

Изображение академика смазалось, и вместо него на стеклянной стене появилась достаточно подробная карта местности, окруженной замкнутой петлей реки.

– В районе этого дома находится цель вашего задания, – сказал голос. На карте высветилась красная мигающая точ-

ка. – Как видите, здание-ориентир находится совсем недалеко от Даниловского железнодорожного моста – единственного оставшегося после того, как жители Зоны ЗИЛ взорвали Автозаводский мост. Но пройти по нему не получится – на расстоянии трехсот метров перед въездом на мост все живое уничтожается огнем крупнокалиберных пулеметов, установленных в ДОТах.

– Что или кто находится в ДОТах? – поинтересовался Снайпер. – Живые существа или механизмы? И если второе, то на что они реагируют? Датчики движения, данные тепловизоров, информация со спутников?

– Не знаю, – коротко ответил голос. – Я вообще до сих пор не понимаю, для чего нужен этот мост жителям Зоны – за двести лет оттуда не вышло ни одно живое существо. Но факты вещь упрямая.

– Иначе говоря, вы посылаете нас в наиболее охраняемый район Зоны без какого-либо плана отхода после выполнения задания, – задумчиво проговорил Снайпер.

– Иначе говоря – да, – согласился Мозг. – План отхода вам придется составлять на месте. Но я точно знаю – того, чего не может сделать армия, сможет достичь квалифицированная разведовательно-диверсионная группа. Цель своего похода вы узнаете легко. Это желтое длинное двухэтажное здание с решетками на окнах, сразу за памятником старинному грузовому автомобилю ЗиС-5В – если он, конечно, сохранился. Думаю, здание хорошо охраняется.

– Как и вся территория, – задумчиво добавил Снайпер, разглядывая карту, на которой некоторые объекты были подписаны и снабжены фотографиями. – С ума сойти! Самая настоящая промзона, четыре квадратных километра заводских площадей. Даже клуб «Зона» имеется. Или имелся. Что-то мне это все напоминает...

– Совершенно верно, – снова согласился Мозг, – До Войны здесь было расположено семнадцать заводов. Постепенно многие цеха переместились под землю, превратившись в подобные нашему производственно-исследовательские комплексы. Только вот что там исследовали и производили помимо оружия, я могу только догадываться.

– Если производили, то и сейчас наверняка производят, так что с оружием у них все в порядке, – задумчиво заметил Снайпер.

– Что вы хотите этим сказать? – раздраженно спросил голос.

– То, что у каждой твари будет в лапах далеко не берданка... – пояснил Снайпер. – Но главное не это. Я вот до сих пор не могу взять в толк – наш-то интерес какой в этом предприятии?

– Самый прямой, – на этот раз очень мягко ответил голос. Данила про себя отметил – с такими интонациями взрослый дядя поясняет малышу, насколько он был неправ, пытаясь настоять на своем. – Сами понимаете, для моего существования требуется абсолютно стерильная среда. Пото-

му в дезинфицирующий бокс подается под давлением газовый коктейль моего изобретения, идеальный стерилизатор. Правда, по действию на человеческий организм напоминающий иприт, отравляющий газ отсроченного действия. Вы, конечно, вовремя прикрылись рукавом и задержали дыхание, но боюсь, что мой коктейль скорее кожно-нарывного действия, и поэтому вы, господин Снайпер, проживете лишь немногим дольше, чем ваш товарищ. Короче говоря, у вас есть тридцать шесть часов, чтобы выполнить задание и принести мне предмет. После чего вы получаете антидот, а также любое оружие и боеприпасы, которыми располагает база.

Данила услышал, как скрипнули зубы Снайпера и как хрустнули его собственные кулаки. Да, было бы неплохо сейчас размазать об стенку этот зажившийся на свете комок извилин. Но добраться до него нереально. Поэтому сейчас надо просто действовать сообразно обстоятельствам, а потом принять правильное решение.

– Вот и спасай после этого красивых девчонок, – хмыкнул Снайпер. – Что ж, похоже, выбора у нас нет, поэтому перейдем к технической стороне проекта.

– Я же сказал, эти вопросы вы решите с моим начальником склада, – произнес Мозг, в голосе которого вновь появились нотки нескрываемого раздражения.

– Э, нет, – покачал головой Снайпер. – Знаем мы этих начсклада, у них снегу ядерной зимой не выпросишь. Поэтому предпочитаю обговорить основное – если, конечно, вы не

заинтересованы в очередном провале операции.

– Слушаю вас, – сухо процедил голос.

– Поскольку вы точно не знаете, кто сидит на вышках, нам потребуется дальнобойное снайперское оружие, полный список вооружения и амуниции, которым располагает ваша база, из которого мы свободно выберем необходимое, а также огневая поддержка. Скажите, возможно ли произвести несколько выстрелов из Д-30 по территории Зоны?

– Это исключено, – отрезал голос. – Во-первых, количество снарядов к гаубице ограничено. И во-вторых, никто не даст гарантии, что артобстрел не повредит цель вашего задания.

– Ладно, – кивнул Снайпер. – Тогда вариант два. Нам понадобится ваш Mountain A-14.

– Хммм... – протянул голос. – Странная просьба для тех, кто планирует тайную операцию. Дело в том, что он не совсем исправен. Мы собрали его из валяющихся на площади обломков боевых роботов много лет назад и с тех пор активировали лишь дважды. Пусковые установки у него пустые, работают только ходовая часть, левый пулемет и генераторы силовых полей, защищающие основные узлы. К тому же логические блоки у него давно сгорели и управляется он с пульта. Боюсь, что если вы собрались с его помощью штурмовать ЗИЛ, то он вряд ли дойдет даже до берега реки – его просто расстреляют на подступах.

– Ну, что мы будем с ним делать, это уже наша забота, –

отрезал Снайпер. – Иначе вы просто можете подождать тридцать пять с половиной часов и скормить наши трупы своим киборгам.

– У вас уже есть какой-то план? – поинтересовался Мозг, который Данила даже мысленно не мог назвать академиком, Кулагиным или как-то еще. Мозг, живущий отдельно от человека, это все-таки не человек, как ни крути.

– Вполне возможно, – ответил Снайпер. – И если этот вопрос мы закрыли, то как по другим пунктам?

– По другим пунктам я предупрежу начальника склада, – произнес Мозг. Одновременно от пола начала подниматься глухая серая створка, отгораживающая аквариум. – А сейчас я устал. Всего доброго, удачи в вашем предприятии – и, надеюсь, до встречи.

* * *

Лифт ехал вниз достаточно долго.

– Этажей пять ниже уровня земли, не меньше, – отметил Данила.

– Откуда такие познания? – удивился Снайпер.

– Под Кремлем все десять будут, – пояснил разведчик.

И осекся. Про крепость говорить воспрещалось даже внутри нее, все знали, что шамы непостижимым образом могут слышать речь за несколько километров. Но, с другой стороны, ему-то сейчас какая разница? Если дом отказался от

тебя, остается ли он твоим домом?

Тоска нехорошо царапнула душу. Еще немного – и воспоминания хлынут потоком. Но Данила стерпел, усилием воли загнав поглубже и тоску, и воспоминания. Прошлого не вернуть, надо думать о настоящем. Потому как если о нем не думать, то стараниями говорящего Мозга останется у него того настоящего всего-то немногим более суток.

Наконец лифт остановился, двери распахнулись. За ними, загораживая проход, стоял крупный кио в камуфляже той же расцветки, что была на охранниках. На поясе у него справа и слева висело по кобуре с автоматическими пистолетами Стечкина, чаще называемыми просто АПС, а в руках киборг держал два черных платка.

– Ты откуда такой симметричный взялся? – поинтересовался Снайпер.

– Хозяин приказал повести вас к начальнику склада, – вместо ответа произнес кио, протягивая спутникам платки. – Согласно инструкции, для лиц, не имеющих специального допуска, завяжите глаза и следуйте за мной.

Судя по резиновому лицу кио, спорить с ним было бесполезно. Если у Насти с мимикой было все в порядке, то, похоже, при создании мужских особей эту функцию биоконструктор Кулагин посчитал лишней.

Но надевать на лицо какую-то тряпку не хотелось. И вообще напрягало это все Данилу донельзя. Привели насильно под прицелом, траванули не пойми чем, и еще какой-то

пятнистый кусок синтетического мяса будет ему указывать?! Интересно, а если ему лбом в переносицу как следует зарядить, то как у него мозгиотреагируют?

– Тряпки убери, – тихо сказал Данила. – И веди, куда ска-
зали.

Кио не пошевелился.

– Согласно инструкции... – снова начал он ровным, мо-
нотонным голосом.

Данила начал заводиться всерьез. Сказалось все до кучи
– изгнание из родного дома, безумная гонка к чужой цели,
новая цель, навязанная против воли не пойми кем, куском
противной природе плоти, плавающим в аквариуме.

– Тебя головой ударить или так дойдет? – поинтересовал-
ся он, чувствуя, как изнутри поднимается что-то нехорошее,
заволакивая глаза красной пеленой ярости.

– Тихо, тихо, второй номер.

Снайпер положил ему ладонь на плечо – и Данила почув-
ствовал, как его голову обволакивает мягкое тепло, словно
рука была проводом, тянущимся от контейнера на поясе его
нового командира, по которому струился чистый, неземной,
успокаивающий свет.

– Военный просто не понимает, что он сейчас отказыва-
ется выполнить прямой приказ Хозяина провести нас к на-
чальнику склада. Что у вас тут полагается за неповиновение?
Разборка на запчасти?

Киборг, уже опустивший раздутые мышцами руки побли-

же к рукоятям пистолетов, пару раз хлопнул глазами.

– Но инструкция... – начал было он.

– Есть инструкция, а есть прямой приказ. Разницу чувствуешь? – мягко произнес Снайпер. – Пошли уже, пока тебя за задержку операции стратегического значения реально на техосмотр не отправили.

Идея техосмотра кио не понравилась. Он переступил ногами, как застоявшийся фенакодус, почесал резиновую репу, после чего засунул свои платки в карман и посторонился.

– По сторонам не смотреть! – предупредил он, совсем человечески пытаюсь сохранить лицо.

– Непременно, начальник, – кивнул Снайпер. – Шаг вправо, шаг влево – побег, прыжок на месте – провокация. Хороший бы из тебя вертухай получился, образцовый, можно сказать.

– Я не понимаю... – начал было киборг, хмуря лоб. Все-таки мимика у него имелаась, хоть и в ограниченном объеме.

– И не надо, – сказал Снайпер. – Просто веди, куда сказано, и на этом закроем вопрос.

...Это был склад. Огромный, противоположного конца не видно. Многоуровневые стеллажи, сработанные из крашенного в защитный цвет металлического профиля, тянулись рядами между многочисленных монолитных колонн, подпирающих потолок. Когда-то между этими стеллажами, наверняка забитыми до отказа, шныряли погрузчики. Ныне же большинство из них стояли в ряд вдоль стен, местами тро-

нутые ржавчиной. Лишь пара желтых роботов в обозримом секторе склада ворочала какой-то неподъемный ящик, пытаясь запихнуть его на второй этаж стеллажа.

– А склад-то и на одну десятую не заполнен, – тихо сказал Снайпер. – Видать, неважно идут дела у киборгов.

– Похоже на то, – кивнул Данила, вспоминая кремлевские склады, где все было не в пример хуже. Погрузчики еще при дедах были разобраны на дефицитный металл, а на стеллажи особо складывать было нечего. Картошку да соленья хранили в подвалах, а оружие воинов и орудия труда мастеровых и пахарей не отдыхали без дела.

Они остановились у двери, на которой имелась побитая и поцарапанная металлическая табличка с надписью: «Начальник склада». По этой табличке и постучал камуфлированный киборг-сопровождающий.

– Входите, – раздалось из-за двери. – 8765DLB771 – свободен.

– Название серии у тебя интересное, однако, – задумчиво проговорил Снайпер в спину удаляющемуся киборгу. Тот, естественно, ничего не ответил.

Перешагнув порог, Снайпер с Данилой оказались в комнате, где не было ничего, кроме массивного стола с тумбами, компьютера на том столе, соседствующего со старинным массивным письменным набором, кресла и мордатого киборга в том кресле, задумчиво уставившегося в монитор. На киборге, в отличие от его собратьев, был надет расстегнутый

зеленый китель поверх рубашки того же цвета. На правой стороне воротника кителя имелась желтая металлическая блямба с гравировкой «U.S.», на левой – такая же блямба с изображением перекрещенных винтовок. Много еще было интересного на том кителе – цветные полосы, нашивки, эмблемы... Картину довершала табличка на клапане правого нагрудного кармана с надписью «King».

– Мы за снаряжением, – коротко сказал Снайпер.

– Угу, – протянул киборг, не отрываясь от монитора.

– Что «угу»?

Пальцы мордатого лениво пробежались по клавиатуре, при этом Данила отметил, что мизинцы на обеих кистях киборга отсутствуют, а из затянувшихся мясом ран торчат ровные срезы металла.

В одной из тумб загудело. Мордатый довольно ловко для своих габаритов наклонился – и на стол лег листок бумаги, на четверть заполненный печатным текстом.

– Это все, что есть на складе. Выбирайте, хотя в обмен на ваше барахло это и так очень щедро, – уточнил киборг. – И про пульт управления боевым роботом лучше забудьте. Как и про то, чтобы снова тревожить Хозяина. Выполните задание – вас к нему проведут. Нет – туда вам и дорога.

Снайпер не спеша взял листок, пробежался по нему глазами, после чего аккуратно вернул на место, сложил руки на груди и уставился на начальника склада.

Немая сцена продолжалась с полминуты. Наконец морда-

тый оторвался от монитора и поднял глаза на посетителей.

– Что не так? – спросил он с плохо скрываемой ноткой раздражения.

– Ты тоже из серии DLB? – поинтересовался Снайпер.

– Не понял, – совсем по-человечьи встряхнул головой киборг. – Слушай, нео, если ты побрил морду и обновил гардероб, то это не значит...

И тут Данилу накрыло. Плотно так, хорошо, до серого тумана в глазах, когда думать уже поздно, а себя тормозить – нереально.

Он медленно обошел вокруг стола, улыбнулся недоуменному взгляду киборга и вдруг, молниеносным движением вырвав из бронзового набора остро заточенный карандаш, приставил его к глазу начальника склада. Второй рукой разведчик ухватил мордатого за шевелюру и с заметным усилием запрокинул его голову назад, краем сознания отметив, что волосы у киборга, похоже, синтетические.

– Значит, так, – сказал Данила. – Сейчас я говорю, ты слушаешь. Вякнешь – вобью карандаш в твою башку через глаз. Во-первых, жирный, мне не нравится твоя форма. В нее были одеты те, кто убивал моих прадедов. Во-вторых, мне не нравится твой тон. Ты зажрался здесь на складе, как мутировавшая мышь, но сейчас ты попал в мышеловку. И если пробью тебе мозг, то тебя не станут восстанавливать, а pošлют в переработку. Думаю, ты это понимаешь. В-третьих, ты врешь. Моему командиру не нравится то, что ты написал.

Поэтому сейчас ты напишешь правду. И если ты дернешься и случайно нажмешь вон ту кнопку под крышкой стола, то вспоминай пункт второй. И в-четвертых. Мы – не нео. Мы – люди, которых твое начальство отравило газом и которым жить осталось чуть больше тридцати часов. Так что нам терять нечего. И после того как ты дашь нам все, что нужно, мы идем в Зону. То есть никто из твоих не узнает, как ты здесь обгадил штаны машинным маслом, когда человек собрался расковырять твою танталовую башку. А теперь говори.

– Так я ж... Я ж не знал... Я думал, что вы – нео, которые хотят обменять трофеи... Они приходят к нам иногда и меняют...

– Опять врешь, – сказал Данила. – Причем внаглую. Ты же сам сказал, что все знаешь о приказе Хозяина. Просто ты решил списать под нас дефицит, а может, и пришить потихоньку, когда мы с базы выйдем. Тогда вообще была б тебе не жизнь, а Лукоморье. Но хрен ты угадал. В-пятых, сейчас ты выдашь нам пульт управления Mountain A-14. И в случае, если твои прихвостни дернутся, я им не завидую.

– Конечно... я сейчас...

Пальцы мордатого кио забегали по клавиатуре. После чего из правой тумбы начали вываливаться листы бумаги, складываясь в стопку на полу. Всего выпало листов семь-восемь. Снайпер, не торопясь, обошел стол, поднял стопку и принялся внимательно изучать написанный текст.

– Лихо, напарник, – наконец кивнул он. – Здесь есть все,

что нам может понадобиться. Откати-ка своего подопечного от стола, пока я набью программу отгрузки.

Данила потянул кресло на себя, освобождая место. При этом кончик карандаша слегка коснулся нижнего века мордатого, и тот тихонько заскулил.

Снайпер работал на компьютере минут десять, изредка задавая начальнику склада вопросы на малопонятном для Данилы языке. Мордатый начальник сидел не шевелясь, на вопросы отвечал исправно и вообще вел себя вполне прилично. Наконец Снайпер удовлетворенно крикнул и стукнул средним пальцем по самой большой клавише. На мониторе забегали цифры, складываясь в стройную геометрическую фигуру.

– Теперь его можно отпустить, – сказал он, и Данила с трудом разжал онемевшие пальцы на шевелюре киборга. – Компьютер зафиксировал то, что он только что нам отгрузил, и, если это всплывет, ему хана. Поэтому сейчас я бы на его месте думал о том, как замести следы своей отгрузки, а не как нажиться за наш счет.

Киборг сидел на своем кресле, вцепившись в подлокотники и не шевелясь, лишь его глаза мигали часто-часто, глядя в одну точку.

– Шок, – констатировал Снайпер. – Скажи, а как ты догадался, что он нашел способ избавиться от контроля Хозяина и практически снова стать человеком?

– Форма, – ответил Данила. – Только человек способен

пытаться выпендриваться и за счет побрякушек казаться лучше, чем остальные.

– Верно мыслишь, напарник, – сказал Снайпер, и Данила с удовольствием отметил, что «вторым номером» командир его больше не называет. – А теперь пойдем, надо груз получить и еще многое обсудить.

Снайпер открыл дверь и, прежде чем выйти, посмотрел назад.

Ничего не изменилось. Почти. Начальник склада по прежнему смотрел в одну точку, только теперь все его тело сотрясала крупная дрожь.

– Отходняк, – констатировал Снайпер, плотно закрывая дверь за собой. – Не удивлюсь, если через минуту-другую мы услышим одиночный выстрел. Кстати, все забываю спросить – как твое плечо?

– Нормально, – ответил Данила. Да и как оно могло быть иначе, после штопки уже сколько времени прошло. – Не болит.

– Это хорошо, – сказал Снайпер, почему-то с легким удивлением посмотрев на разведчика. – Короче, смотри, в Зону мы пойдем так...

* * *

Порывы ветра яростно трепали пряди жухлой травы, словно пытались вырвать их с корнем. Спаленная дневным солн-

цем высокая трава сопротивлялась мягко, как борец, почувший слабинку противника и поддающийся его движениям, чтобы в следующую секунду распрямиться и с лихвой наверстать упущенное.

Ветер дул в спину, и это было хорошо. Каждый порыв ветра – это движение вперед. Ненамного, хорошо если на полметра-метр. Потом, когда стихнет ветер, приходится замирать на месте, уподобляясь мусорной куче, в которую стараниями Снайпера превратилась маскировочная накидка. Новый порыв ветра – новое движение вперед. Пусть медленно, но, даже если стрелок на вышке будет смотреть не отрываясь на подозрительный холм из веток, тряпок и жухлой травы, он никогда ничего не заметит. Если, конечно, в его голове глаза человека, а не какого-нибудь экстремально зоркого мутанта.

Ползать Данила умел, и терпения у него было достаточно. В тех случаях, когда он был твердо уверен, что нужно терпеть.

Сейчас было нужно...

Ограда Зоны отсюда казалась серой полоской. За ней маячили тяжелые громады зданий, похожих на гигантские саркофаги, в которых до поры таится неведомая мощь забытых древних технологий. А еще там высокими колоннами, подпирающими облака, торчали заводские трубы. Кое-где полуразрушенные, похожие на изъеденные дурной болезнью пальцы, но в основном то ли уцелевшие, то ли восстановленные. Над одной из них вился легкий дымок, отчего труба на-

поминала не покалеченный палец, а дуло фузеи, поразившей в самое сердце хмурое вечернее небо...

Когда Данила выполз на берег реки, сумерки сгустились настолько, что на противоположной полоске земли деталей уже было не разглядеть. С одной стороны, хорошо – стрелкам на вышках будет не рассмотреть слабого следа от трубки. С другой...

С другой стороны, разведчик не очень верил, что какая-то мазь, нанесенная поверх костюма, и крохотный приборчик на шее смогут отпугнуть тварей, обитающих в водах Москвы-реки. Но с третьей стороны, выбора не было. Можно было никуда не плыть – и просто умереть на следующий день от яда Хозяина. Хотя умирать не страшно, к мысли о неизбежности смерти всех в Кремле приучали с малолетства. Тот не воин, кому не все равно, когда умирать – сейчас, завтра или через полвека. Глупо бояться неизбежного. К тому же давно известно – того, кто боится смерти и бежит от нее, она настигает быстрее всего.

Страшно другое – подвести тех, кто надеется на тебя. Однажды было уже – увлекся, не прикрыл товарища, мечтая о личной славе. И поныне один и тот же сон каждую ночь как наказание свыше... Хотя нет, прошлой ночью сновидений не было. Может, смена обстановки излечила от дурного кошмара? Хорошо, если так...

Его драная кольчуга вместе с рубахой и подкольчужником осталась на суше. Вместо них на разведчике сейчас был

прорезиненный водолазный костюм, неплохая защита как от вредного воздействия отравленной воды, так и от уцелевших спутников, по словам Мозга используемых обитателями Зоны для обнаружения непрошенных гостей.

В воду Данила вошел неслышно – ни всплеска, ни бульканья. Вдохнув, нырнул, передвинул груз на живот, натянул ласты, вставил в рот загубник и поплыл вперед, сверяясь по слабо светящемуся циферблату компаса на левом запястье.

Ранее плавать в реке ему не доводилось, только в большом тренировочном бассейне, где инструктор, сильно похожий на болотника, натаскивал разведку в странном мастерстве, которое вряд ли когда понадобится. Оно и понятно, нырять за верной смертью в любую воду, что находится по ту сторону кремлевской стены, это ж надо совсем ума не иметь. Ан гляди ж ты, пригодилось.

Не сказать, что преодоление табу, также внушаемого с детства, далось Даниле легко. Опять же, не страх смерти, а осознание того, что полез в запретную воду, поначалу немногосковывало движения. Но это прошло почти сразу. Коль уж влез, так чего теперь самому себе препоны чинить? Назвался мухомором – полезай в торбу. Кстати, интересно, почему мухомор так называется? Ни разу не видел, чтобы средний мух величиной с большой палец сдох от безобидного гриба, который что в суп, что в жаркое с картошкой идет за милую душу.

Развлекая себя такими мыслями, Данила плыл в воде, ед-

ва подсвеченной сверху заходящим солнцем. По его прикидкам, три четверти пути остались позади. Течение было не особо сильным, если и снесло в сторону от намеченной точки, то ненамного.

Громада противоположного берега была почти совсем рядом, когда разведчик понял – темное и огромное приближается к нему не только спереди...

Возможно, здесь когда-то упал снаряд или взорвалась ракета, но так или иначе место, над которым проплывал Данила, было намного глубже, чем естественное дно реки, видимое даже при закатном свете солнца. Над гигантской подводной воронкой воды реки закручивались в спираль, которую, даже напрягая все силы, преодолеть было непросто. Но страшно было не это, десяток-полтора мощных гребков – и водяная ловушка осталась бы позади. Жуть холодной лапой сжала сердце разведчика, когда он глянул вниз. Потому что со дна воронки поднималось нечто бесформенное, темное, в клубках щупалец и с жуткими глазами, горящими как два белых фонаря, рассеченных посередине прямоугольным зрачком.

Существо отдаленно смахивало на сухопутного осьминога, но отнюдь не было юркой вороватой и трусливой тварюшкой размером с чайное блюдце. Этот осьминог жил в отравленной воде, и, видимо, данный факт пошел ему на пользу. Щупальца толщиной с две ноги Данилы каждое вполне могли задушить взрослого тура, а в мощный клюв, расположен-

ный чуть ниже глаз, свободно поместилась бы человеческая голова. Они и помещались туда эпизодически, судя по обломкам черепов и скелетов, валяющихся на дне вокруг ому-та вперемешку с пустыми хитиновыми панцирями руконо-гов. Не иначе защитники Зоны подкармливали чудовище те-ми, кто пытался проникнуть на запретную территорию, ина-че вряд ли оно прокормилось бы при таких габаритах.

Нынче же подводный кошмар решил не дожидаться пода-чек и поохотиться лично.

Толстенное щупальце, усеянное тремя рядами присосок, лениво потянулось к Даниле – мол, никуда ты не денешься, добыча, сучи лапами, не сучи лапами – все равно достану. Потому как плаваешь ты медленно, нечего было на брюхо столько груза навешивать...

– Хрррен тебе, – прорычал Данила, забывшись, и чуть не потерял загубник, хорошо успел зубами прихватить в по-следний момент. Его рука скользнула к бедру и выдернула из ножен боевой нож необычной формы, о котором Снайпер прочитал целую лекцию, прежде чем вручить его Даниле.

– Короче, слушай, – говорил он, снаряжая рукоять длин-ными патронами, напоминающими металлические стрелы с гильзами на торце. – Это СНБП, стреляющий нож боевого пловца конструкции полковника Данилова. Жан-Жак Ив Ку-сто говорил, что пловец может поразить акулу единственным способом – применив острогу с прикрепленной к ней взрыв-чаткой. Этот нож и есть та самая острога, только поудобнее.

Внутри пуль – яд или взрывчатка, в данном случае, судя по маркировке, второе. Выстрел производится в сторону клинка, скорострельность – 15 выстрелов в минуту, в рукояти четыре патрона. Так что, отстрелявшись, можешь еще цель лезвием доработать. Клинок надежный, воткнутый меж кирпичей в стену выдерживает вес человека. В общем, любой подводной твари я не завидую, когда у пловца есть такой нож...²

Конечно, Данила не сомневался в словах того, кого сам назвал командиром. Но что такое нож против чудовища, мясом которого можно забить средних размеров подвал и всю зиму до отвала кормить табун боевых кремлевских фенако-дусов?

Щупальце изогнулось и словно хлыст, занесенный для удара, нависло сверху, медленно закрывая просвечивающий сквозь воду диск заходящего солнца. Похоже, осьминог играл с жертвой, перед ужином наслаждаясь последним драматическим моментом удачной охоты.

И тогда Данила выстрелил. Все четыре стрелы ушли туда, в глаза, в разверстый клюв, в башку, из которой растут жадные до живой плоти отростки...

Щупальце вздрогнуло – и замерло, не достав до лица Данилы считанных дециметров. Словно открытые беззубые рты, застывшие в немом крике, раскрылись на нем бледно-розовые присоски...

А потом оно ударило, мощным хлестом рассекая воду.

---

² Реально существующее оружие.

Уже не захватить добычу, продлевая удовольствие, а просто убить врага, причинившего боль.

Данила извернулся червем, но груз на поясе помешал сделать это достаточно быстро. Поэтому ему ничего не оставалось, как ткнуть ножом в приближающееся щупальце и рвануть его резко от себя, отводя смертельный удар.

Разведчик не отвел его, это было нереально. В воде произошло другое, неожиданное – он сам оттолкнулся от толстого мясного бревна и отлетел в сторону, как улейка, замешкавшаяся под плавниками стремительной щуки. Клинок, рассекший осьминожкой плоть легко, словно брусок масла, тут же окутался облаком голубой крови.

А потом внизу рвануло...

Патроны взрывались не одновременно, а с секундными паузами, согласно очередности их проникновения в голову подводной твари. И каждый взрыв сотрясал тело монстра, выбрасывая кверху ошметки розового мяса и клубы крови противоположного цвета. После третьего взрыва мимо Данилы в облаках пузырьков воздуха стремительно проплыла изуродованная челюсть чудовища, похожая на кончик сломанной костяной сабли. А четвертый, последний взрыв выбросил вверх облако чернил, которое, впрочем, разведчика не настигло – водяная воронка величаво всасывала в себя ошметки подводного ужаса, только что выплывшего из нее навстречу своей гибели.

Но это было еще не все.

Сверху, от верхней кромки надвигающегося берега, воду рассекли стремительные стеклянные росчерки. Подводную битву заметили с берега и теперь туда, где бурлила окрашенная синим и черным река, стреляли с вышек дозорные. Еще секунда-другая – и, несмотря на неразбериху, кто-то из особо бдительных стрелков разглядит в воде черную тень, напоминающую контурами человеческое тело...

Данила, уже не особо скрываясь, плыл вперед, усиленно работая ластами. Берег, такой близкий с первого взгляда, на самом деле вырастал слишком медленно. И если бы не мясо, кровь и судороги умирающей подводной твари, от которых по реке шли неслабые волны, разведчика давно бы уже заметили. А сколько от «заместили» до «заметят»? Две секунды? Три?..

Внезапно пули словно по команде перестали дырявить воду перед лицом Данилы, хотя грохот выстрелов над головой и не думал прекращаться. Скорее даже усилился. Неужели Снайперу удалась его задумка?

Даниле показалось, что он целую вечность разгребал руками мутную, почти черную воду, уже не таясь и высунув голову из воды. На самом деле прошло меньше минуты до того момента, как его ладони коснулись выщербленной временем и пулями бетонной поверхности, – когда-то берега Москвы-реки были укреплены железобетонными блоками и облицованы гранитом. Гранит сорвали еще в первые военные годы, кое-где отковыряли и сборные блоки, из которых

на скорую руку строили ДОТы. Кое-где – но не здесь. Зоне, похоже, уже в те годы хватало и бетона для укрытий, и собственной огневой мощи для того, чтобы никто чужой не мог проникнуть на ее территорию.

Вот и сейчас Данила хоть и лез по берегу вверх, скинув ласты и скользя босыми ступнями по острым выступам раскрошившегося бетона, но смотрел все равно преимущественно вправо, не в силах оторвать взгляда от невиданного зрелища...

Через реку метрах в трехстах от разведчика не спеша переправлялся боевой робот Mountain A-14, карикатурно похожий на человека. Что-что, а тактико-технические характеристики боевых роботов в Кремле каждый знал в совершенстве – слишком много их бродило вокруг города-крепости в поисках пищи для себя и своих машин обслуживания, также питающихся органикой. Mountain A-14 был высотой с трехэтажный дом, обладал почти человеческим интеллектом, обладал способностью самостоятельно оценивать обстановку и принимать решения при отсутствии прямого командования, а также уничтожать как наземные, так и воздушные цели вплоть до боевых блоков межконтинентальных ракет в радиусе до пяти километров. Именно на этих роботах была впервые на Западе применена защита силовыми полями, многократно повышающая живучесть Mountain A-14 на поле боя.

Но прошли почти две сотни лет, и от былой мощи боево-

го робота, уничтоженного в давней битве и кое-как восстановленного, осталось немного. Правда, оставшегося с лихвой хватало на то, чтобы, не обращая внимания на автоматный и пулеметный огонь, не спеша форсировать реку. Белые вспышки на месте контакта раскаленного свинца с голубоватым сиянием, окутывавшим основные узлы Mountain A-14, свидетельствовали о попаданиях, которые, впрочем, нисколько не мешали роботу не спеша выполнять поставленную задачу.

Справа из-за стены глухо ухнули гранатометы, но на действиях боевого робота это не отразилось. Лишь три огненных шара расцвели и опали на поверхности защитного поля, прикрывающего головную часть. Зато в ответ смертоносная боевая машина серии А подняла левую «руку», на предплечье которой был смонтирован шестиствольный пулемет Minigun M134. Мгновение – и на бетонную стену обрушился шквал огня, подсвеченный трассерами, традиционно вставленными в ленту через каждые пять обычных патронов.

Что стало с ограждением Зоны и гранатометчиками, скрывающимися за ним, осталось неизвестным – обстрелянный участок забора потонул в облаке бетонной пыли. Но Данила уже не смотрел на то, что происходит с роботом и теми, кто пытается его остановить. Распластавшись у забора и вжавшись в него левым боком, он, повернув голову в сторону противоположного берега, обратился в слух, пытаясь сквозь какофонию боя расслышать то, что должен был расслышать.

Но трескотня пулеметов глушила все посторонние звуки напрочь. Поэтому Данила не услышал, а увидел, как там, на другом берегу, трижды мигнула едва различимая звезда... А потом через мгновение услышал, как над головой у него звякнуло что-то, а после упало – тяжело, словно с большой высоты уронили внушительный мешок со свежим фенакодусовым навозом.

«Надо же, попал! За полтора километра! Ладно, восторги потом, время пошло...»

Мысль была четкой, словно команда, данная Снайпером три часа назад, когда Данила тренировки ради преодолевал забор базы киборгов. Тогда он после первой же попытки уложился в пятьдесят секунд. «Должно хватить, – сказал Снайпер. – Надеюсь, они будут слишком увлечены нашим маленьким шоу, для того чтобы понять, что на одной из вышек у них не работает прожектор и снайпер с пулеметчиком прекратили огонь».

Рывок клапана – и из рюкзака на поясе вываливается свернутая в рулон широкая черная лента прорезиненного полиуретана. Удар ножом по стягивающему шнуру – и гибкая лента разворачивается в упругую полосу длиной метра четыре. Точное движение – и лента ложится поверх спирали Бруно, протянутой вдоль забора и под собственным весом провисает на противоположную сторону, образуя своеобразный мост между берегом Москвы-реки и территорией Зоны ЗИЛ, о которой уже двести лет ничего не известно ни одной

живой душе по эту сторону забора...

Бояться было некогда. Половина времени – двадцать пять секунд – прошла. Оставалось вогнать в полиуретан два алюминиевых штыря, напоминающих штопоры и надежно прижимающих край импровизированного моста к земле, выдернуть из рюкзака два заряженных пистолета АО-44 – тот же музейный пистолет Стечкина, об отсутствии патронов к которому постоянно вздыхали старые разведчики, только с глушителем, – присоединить к стволам те глушители, засунуть за пояс стволы и пару оставшихся штырей, сбросить на землю пустой рюкзак... И прыгнуть. Так, как учили в Кремле. Если надо – с седла фенакодуса прямо через головы врагов, чтобы ударить им в спину. Или наоборот, в седло, чтобы уйти от погони.

Короткий разбег – и вот уже тело Данилы взвилось в воздух, закручиваясь в сальто. Непростой трюк, особенно с тяжелыми и габаритными пистолетами, тянущими книзу. Без них, глядишь, и чисто бы прошел над забором, а так пришлось оттолкнуться ладонями от спружинившей верхушки...

Спираль Бруно опасно двинулась под руками, невидимые под лентой заточенные топорики смертоносного ограждения рубанули внутреннюю поверхность полиуретана...

Данила приземлился на ноги и обернулся. Нет, обошлось. Черный, словно облитый блестящей смолой мост через ограду упруго качался на спирали, но не рвался, несмотря на

шуршание заменителя колючей проволоки под ней, похожее на шипение змеи, промахнувшейся на охоте.

Разведчик резко вогнал в ленту оставшиеся штыри, окончательно фиксируя мост, передернул затворы пистолетов... и замер, осознав, что стрельбы справа больше не слышно...

Поздний вечер был неестественно тих, каким он обычно бывает после боя. Все твари, попрятавшиеся от грохота, еще не вылезли из своих нор и укрытий, посеченные ветви деревьев, словно оторванные конечности, не шелестят под порывами ветра, а валяются на земле, увлажняя ее бледно-розовой древесной кровью, вытекающей из срезов. Да и ветер пристыженно притих, не выдержав конкуренции с воздушными потоками, следующими в кильватере летящих пуль и снарядов.

Но такая же тишина бывает и перед боем, когда в воздухе разлита энергия смерти, порожденная мыслями тех, кто готовится убивать. Страшное время после боя перед новым боем... Концентрированная смерть, витающая в воздухе и искажающая сознание эманациями, которые не объяснили ученые прошлого и теперь вряд ли уже объяснят ученые будущего...

Данила находился на территории Зоны – царства техногенного хаоса. Унылые серые заводские здания, на стенах которых не прижился даже вездесущий мох, слепо смотрели на разведчика дырами давным-давно разбитых окон и черными пастями подъездов, лишенных дверей... Черная вывес-

ка над одним из них, на которой крупными желтыми буквами намалевано: «ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН! Галерея охраняется собаками» — и следы мощных когтей на последних трех буквах надписи... Подъемный кран, напоминающий очертаниями скелет гигантского ворона, занес копьевидную стрелу над крышей полуразрушенного цеха — да так и застыл на века, неизвестно каким чудом держась на изъеденных ржавчиной опорах... Сгнивший остов электрокара с кабиной, похожей на пробитый пулями череп мутанта... Мусорный бак у стены завода, на удивление целый, с ярко-красной надписью: «Для биологических отходов...» Лужи в асфальтовых выбоинах, отражающие свет редких бетонных фонарей, не столько рассеивающий сгущающиеся сумерки, сколько подчеркивающий глубину ночных теней, медленно захватывающих территорию Зоны...

Данила не раз бывал в развалинах. Но эти развалины были другими. Так отличается высушенный временем скелет от полуразложившегося трупа, в мертвой плоти которого живут, едят, размножаются и умирают мириады больших и малых паразитов, вполне довольных жизнью, но для кого-то жутких и омерзительных.

Зона ЗИЛ была таким трупом. И сейчас на Данилу из темноты смотрели десятки пар горящих глаз, резко выделяющихся на фоне черных приземистых силуэтов.

Крысособаки... Жуткие, хитрые твари, способные в одиночку загрызть безоружного здорового мужика — если он,

конечно, не воин. Воин, возможно, справится с парой-тройкой, но даже вооруженному нечего ловить в противоборстве со стаей в три десятка особей. Тем более таких крупных. Неестественно крупных.

Одна из крысособак медленно вышла вперед, в пятно рассеянного света, словно демонстрируя тело, перевитое канатами мускулов. На нем словно не было кожи – лишь мышцы, фасции, когти и страшные клыки, выбегающие из верхнего края вытянутой морды. И пятно на груди, словно на кусок освежеванного мяса кто-то бросил клочок белого меха. Абсолютно черные глаза без намека на зрачки смотрели на Данилу равнодушно, словно дула пистолетов, направленных в них, крысособаку нимало не волновали. И при этом Данила чувствовал – зверь прекрасно знает, что такое оружие. Как и то, что выстрелы не причинят ему вреда. Потому что он быстрее человека. Потому что за ним стая. Потому что еда не может быть опасной.

«Я не еда», – промелькнуло в голове Данилы.

Крысособака, уже слегка присевшая на задние лапы для молниеносного прыжка, замерла на мгновение – и вдруг села на пятую точку, недоуменно свесив голову набок.

«Еда...» – неуверенно прошелестело в голове разведчика.

«Сам ты еда», – машинально ответил Данила.

«Я... не еда».

Крысособака совсем по-собачьи замотала головой, словно в ее торчащее розовое ухо попала вошь.

«Я... биотех».

То, что возникало в голове разведчика, не было словами. Это были понятные образы, которые его мозг адаптировал в привычные словесные формы. Данила не был уверен, что правильно понял последний мыслеобраз.

«Кто?»

«Биотех. Я с братьями... охраняю дом».

«Какой дом?»

Внезапно Данила словно вознесся над Зоной и увидел ее сверху... Жуткий окостенелый нарыв на мертвой земле, в глубине которого била ключом иная жизнь, непостижимая человеческим разумом.

«Это дом... Почему ты говоришь как брат?»

Это для Данилы и вправду было непонятно. Гигантская крысособака, сидящая на задних лапах и обвившая передние длинным лысым хвостом, ждала ответа. Как и ее братья, постепенно выходящие из тени. Такие же, как и вожак, лысые, с розовой лоснящейся плотью, лишенной кожи, только без белой отметины на груди...

Белая отметина... И белая крысособака, на прощание благодарно лизнувшая руку... которая только на базе кио перестала чесаться.

Разведчик поднес кисть к лицу. В последнее время он слишком много дрался, бегал, стрелял и снова бегал. Когда спасение жизни выходит на передний план, недосуг как-то рассматривать свои руки...

По тыльной стороне его ладони тянулся узкий розовый шрам, словно с его руки сняли тонкую полоску кожи.

«Ты спас Белую Сестру?»

Крупный крысопес – теперь Данила различал пол мутантов – заворчал недоверчиво:

«Белая Сестра – легенда. Мясо врет!»

Крысособака с белой грудью медленно встала, оказавшись намного крупнее въедливого крысопса.

«Он не пахнет как ходячее мясо! Он пахнет как брат! Ты потерял нюх, Падальщик. Еще раз твякнешь – и сам станешь мясом!»

Примерно так Данила перевел на человеческий язык поток ярких мыслеобразов, сопровождающих угрожающее рычание. Надо же, у крысособак тоже есть свои легенды...

И свои разборки.

Тренированное ухо разведчика уловило далекий топот подкованных ботинок по асфальтовому покрытию, несмотря на выбоины сохранившемся на удивление хорошо.

«Старшая Сестра, не надо грызни, – примирительно проворчал он, сопровождая мысли соответствующими интонациями, – для голосовых связок, натренированных подражать звериному рыку нео, это не составило труда. – Мы все одной крови, ты, я и твои братья. Но сейчас сюда идет мой брат, который спас меня. Прошу тебя и братьев не трогать его».

Зарождающееся ворчание стаи прервал короткий рык крысособаки, явно довольной тем, как назвал ее Данила.

«Мы одной крови! Пока твой брат с тобой, его не тронут».

Миг – и гибкие тени слились с огромными бесформенными силуэтами заводских развалин. А Данила побежал к куче поросшего лишайником мусора, наваленной прямо меж опор подъемного крана. Надо же, как вовремя пришло в голову древнее заклинание, которым «знающие слово» Хранители Веры умирляли любую хищную животину. Говорили же – главное, донести мыслью до четверолапого, что ты его крови и знаешь язык мысли, ведомый любой теплокровной твари, кроме человека. Не верил ведь, что такое возможно. До сей минуты не верил, когда явил себя дар белой крысособаки, спасший жизнь. Что ж, спасибо тебе, Няшка, отдала сполна той же монетой. Не зря сказано – спасая чужую жизнь, спасаешь свою...

Но предаваться размышлениям особо времени не было. Топот ног приближался. Еще несколько мгновений, и из-за угла забора выбегут те, кто, окончив воевать с роботом, решил узнать причину отсутствия активности своих товарищей на вышке.

Данила рыбкой метнулся за кучу мусора и притаился...

Их было шестеро, и на открытый участок вышли они грамотно. Один вывернулся из-за угла со стволом на изготовку и держал сектор, пока второй, пригнувшись, перебежал за остов электрокара. Перебежал, присел за кузов и тоже выставил ствол – какой именно, отсюда не разобрать.

Разведчика поразили габариты стрелков – метра по два с

половиной ростом и кило под двести весом, словно ожившие памятники, отлитые в одной форме. Причем на каждом наворочены какие-то невиданные защитные костюмы, судя по буханью ботинок об асфальт, тяжелые нереально.

Но при этом стрелки двигались так, словно весу на них вообще никакого не было. Шустро, грамотно, ни одного лишнего движения. Опасные противники. Очень опасные. Если они стреляют так же, как двигаются, то вообще плохи дела.

Остальные четверо с небольшими интервалами по одному выбежали из-за укрытия и также зафиксировали сектора обстрела. Причем основным сектором был, естественно, наведенный Данилой мост через забор – сразу два ствола скрестили линии выстрелов на том месте, где с минуты на минуту должен был появиться Снайпер. Вот ведь, называется, удержал позицию-то... Для того ли командир продумал все это – и робота, который отвлек на себя огневую мощь защитников Зоны и благодаря которому обнаружили себя стрелки на вышке, и мост, и оружие для Данилы...

Разведчик перевел взгляд на пистолеты. Да, перед выходом с территории базы киборгов он расстрелял пару магазинов, продырявив в дуршлаг старое ведро и несколько банок из-под тушенки. Но шесть голов за непрозрачными забралами из черного блестящего материала – это тебе не ведра. Это профессиональные воины, которые обучены стрелять на любое движение и реагировать на любую выходку противника. А Снайпер все ближе, вот-вот через забор полезет, уверен-

ный, что Данила справился с заданием...

– Ладно, – прошептал разведчик, злясь на самого себя невероятно. Ведь мог сразу отстрелить того, кто высунулся из-за угла. Хотя остальные, наверно, покрошили бы его в фарш, так хоть Снайпер, услышав стрельбу, не полез бы сюда, на верную смерть. Тут даже ему не выстоять, сразу видно – «памятники» неслабо натасканы в искусстве убивать. Кто-то скомандовал – «фас», вот они и...

Скомандовал...

Мысль зацепилась за слово. Если это солдаты, то почему бы...

Горлышко грязной бутылки торчало из мусорной кучи, словно рукоять бомбы, заполненной порохом, правда, без фитиля. Ее-то Данила и швырнул на середину асфальтовой площадки, заорав дурным голосом:

– Ложись! Бомба!

Второе слово он орал уже в полете, со всех сил оттолкнувшись ногами от какой-то металлической балки. В сознании отпечатались кадры – здоровяки глухо шлепаются на бронированные животы, выполняя команду. Но потом, опомнившись после безобидного «дзинь!» бутылки об асфальт, синхронно поворачивают стволы в сторону того, кто раскомандовался, не имея на то никаких полномочий...

Тот, что был ближе к Даниле, повернуть ствол не успел. Почти бесшумно прошелестевшая очередь из АО-44 прошла асфальт, заодно прихватив макушку защитного шлема ам-

бала, поднимающегося с асфальта. Черные осколки бронестекла брызнули во все стороны – хотя, наверно, это было не только бронестекло. Кровь в сумерках тоже всегда кажется черной.

Автоматная трескотня разорвала воздух – это палили остальные стрелки. Но не зря Данила был обучен уворачиваться от летящих стрел. Пуля, конечно, быстрее стрелы, но суть одна – предугадать миг, когда стрелок отпустит тетиву или нажмет на спуск.

И разведчик пока что предугадывал, вертясь по площадке как угорь на сковороде и огрызаясь очередями из обоих пистолетов. Его противники не умели угадывать момент выстрела, хотя двигались тоже быстро.

Но не быстрее пули...

Вот еще одного амбала очередь отбросила на мусорный бак, по которому тот медленно сполз вниз, суча ногами и закрашивая черными разводами надпись: «Для биологических отходов». Правда, и штанину Данилы на бедре резко рванула пуля. Только ли штанину? Потом разберемся, все равно в бою боли нет. Если что, боль придет потом. Сейчас есть только ты, твой враг и смерть, словно беспристрастный судья на ринге, сурово наказывающий более медлительного и неумелого.

Но противники Данилы, учтя преподанные уроки, теперь действовали более осторожно. Спрятавшись за укрытиями, они стреляли короткими очередями, отсекая разведчи-

ку путь к отступлению между развалинами и прижимая его к забору. При этом Данила успел разглядеть на плече одного из трупов закрепленную рифленую бомбу, которую предки называли «гранатой». Значит, убивать не хотят, хотели бы – давно закидали теми гранатами, судя по книгам и недавнему эпизоду на Москворецком мосту, намного превышающими по результативности кустарные изделия жителей Кремля. Значит, живьем собрались взять.

Ну уж хренушки, родимые!

Данила криво усмехнулся. Сегодня хороший вечер для смерти. Если правы Хранители Веры, то Бог наверняка простит убиенному все прегрешения. А если же правы Говорящие с Мечами, то сейчас уже двое его врагов идут по небесному Пути Воина, расчищая ему дорогу, Так что умирать не страшно. Главное – как умереть...

Затвор правого пистолета слегка рванул кисть, зафиксировавшись в крайнем заднем положении. Пуст. Данила сунул его за ремень – времени перезаряжать оружие не было. Что ж, Снайпер, наверно, ругался бы, что его ученик практически расстался с боекомплектom, убив лишь двоих врагов. Но на то он и Снайпер, а нам ножом привычнее...

Так он и ринулся в атаку – в левой АО-44, длинный, как французский кремневый пистолет, а в правой – нож полковника Данилова, больше напоминающий прямой короткий меч. Говорящие с Мечами точно одобрили бы – тому, кто умер с мечом в руке, на небесном Пути Воина вообще

не требуются провожатые...

Амбалы не стреляли. А самый здоровый вообще положил автомат на землю, выдернул из чехла на поясе длинный штык-нож и крутанул им в воздухе лихую восьмерку – мол, давай, один на один?

Данила, как кошка, приземлился на четыре точки – и не стал продолжать танец смерти, как намеревался вначале. Ладонь разжалась, пистолет с глушителем остался лежать на асфальте. Здоровяк кивнул и махнул своим, мол, расступитесь. Те отошли, образовав полукруг и направив стволы на Данилу. Лишь один остался стеречь мост, заняв ту же позицию за кучей мусора, которую до того облюбовал разведчик.

Тяжелый нож щучкой мелькнул в пальцах Данилы – прямой хват, обратный хват, снова прямой, восьмерка. Не красоты ради, а чтоб пальцы размять. Потому как в ножевом бою с серьезным противником выживает не тот, кто умеет писать клинком в воздухе замысловатые узоры, а кто тем клинком скорее дотянется до артерий и вен противника, сохранив свои в целости.

При этом Данила осознавал, что убить ножом амбала, защищенного толстенной броней, есть дело совсем не простое. Яйцевидный шлем с непрозрачным стеклянным забралом и подвижным воротником, сработанным из стальных сегментов, полностью защищал голову и шею. Все уязвимые зоны тела, прикрытые бронепластинами, для ножа недосягаемы. Остаются лишь гибкие сочленения на суставах, кстати, тоже

прикрытые тонкими полосками металла. Но до них еще поди доберись.

Двигался здоровяк, пожалуй, не хуже Данилы. И броня ему не помеха. Интересно, что или кто скрывается под той броней? Человек, каким бы крепким он ни был, никогда не сможет с такой скоростью перемещаться в настолько громоздком бронекостюме...

Думать было некогда. Амбал сделал выпад – и разведчик едва успел отскочить назад, напоровшись спиной на ствол, ловко подставленный одним из автоматчиков. Боль ожгла лопатку. Запакованные в броню дружки амбала одобрительно загудели, а один, наверно, самый остроумный, также достав штык-нож, присоединил его к автомату. Остальные взревели от восторга и тоже примкнули штыки.

Намек понятен. Отступление назад теперь чревато ударом клинка в спину. Ладно, вперед так вперед, получайте ваш цирк под открытым небом Зоны!

...До здоровяка с ножом было метра три, и из-под его броневоротника слышалось довольное ворчание. Кабан явно веселился. Данила живо представил его ухмылку, скрытую стеклянной броней. Хорошо. Как там говорили древние? Смеется тот, кто смеется последним?

Он прыгнул вперед, прямо на подставленный клинок, словно решил покончить жизнь самоубийством. Амбал ничего не имел против, выбрасывая навстречу руку с ножом. Только вполне человеческое разочарованное хмыканье из-

дал при этом – наверно, пожалел, что представление так быстро закончилось.

Оно и вправду закончилось, правда, не совсем так, как рассчитывали его организаторы. В самый последний момент Данила неожиданно упал на спину, по инерции проехался спиной по асфальту – благо гладкий и мокрый водолазный костюм тому способствовал – и, оказавшись между ног замершего от секундной растерянности амбала, обеими руками всадил клинок ему в пах, в сочленение меж броневыми щитками, которое, наверно, как-то расстегивалось, когда воин отлучался по нужде.

Нож вошел по рукоять. А потом Данила рванул его от себя, рассекая промежность врага и заодно отталкивая подальше ревущую от боли тушу, из которой моментально хлестнуло мерзко пахнущим коктейлем из крови, дерьма и мочи.

Но даже сквозь рев раненого врага разведчик услышал теперь уже хорошо знакомые щелчки, слившиеся в один. Так щелкают предохранители автоматов. Что ж, остается надеяться, что клинок не особо замарался в испражнениях врага и что те, кто будет встречать душу Данилы, не сочтут кинжал в его руке оскверненным запрещенным ударом – наверняка они знают, что в неравном бою запрещенных ударов не существует.

А потом он услышал несколько хлопков – с таким звуком трескаются протухшие куриные яйца. Но на этот раз лопалась бронированная скорлупа яйцевидных шлемов, выплес-

живая наружу серо-алое содержимое.

Амбалы мешками повалились на асфальт, роняя оружие...

Данила взглянул на мост. Так и есть – на вершине забора мелькнул черный силуэт и послышался характерный звук. Снайпер менял магазин.

– Долго ты что-то, – сказал разведчик, брезгливо вытирая нож о жухлую, безжизненную траву, чудом пробившуюся сквозь трещины в асфальте.

Тень, возникшая рядом с ним, хмыкнула еле слышно. Ночь уже полностью поглотила то, что не было освещено фонарями, поэтому силуэт Снайпера смотрелся зловеще – пыльник превращал его в подобие ночного привидения-кровавой пиявки, по утверждению очевидцев, ночами шатающегося по Кремлю. Только вместо черного бердыша в его руках тускло поблескивала бесшумная снайперская винтовка ВСК-94.

– А я не супермен, чтоб и вышку зачистить, и километр с гаком на брюхе проползти, и речку переплыть, и при этом прибыть точно и в срок, – проворчал привидение.

– Прибыл нормально, – улыбнулся Данила, – В самый раз.

– Да уж вижу, – произнес Снайпер, входя в полосу света и оглядывая поле боя, – Коварный удар по яйцам до полного уничтожения оных – это по-нашему, Особенно когда в тебя из четырех стволов целят. А остальных как думал зачищать?

– Никак не думал, – признался Данила, тоже перезаряжая

свои пистолеты, – К смерти готовился. Причем почему-то как Говорящий с Мечами, хотя к ним не принадлежу.

– Вообще-то название твоей секты шизой пахнет, – заметил Снайпер. – Или каким-то старым восточным замутом. Но об этом мы с тобой попозже побеседуем. Чует мое сердце, сейчас местные братки начнут выяснять, куда делась их боевая группа. Кстати, а что за друзей мы тут пошинковали?

Он нагнулся. Компактную снайперскую винтовку, созданную на базе малогабаритного бесшумного автомата 9А-91, сменил знакомый нож из голубоватой стали, который Снайпер засунул под бронированный воротник ближайшего трупа и почти без труда вспорол внутренний крепеж – как консервную банку откупорил.

Шлем амбала, расколотый пулей, откатился в сторону – и Данила невольно поморщился.

Лицо убитого, возможно, было когда-то изначально человеческим. Но с той поры оно изменилось настолько, что любой нео по сравнению с ним мог бы считаться писанным красавцем.

Абсолютно лысая голова была усеяна жирными, крупными гнойниками, некоторые из них все еще сочились желтоватой слизью. Хрящи и кости лица разрослись настолько, что едва различимые черные точки глаз выглядывали из-под наростов, как дула пулеметов из амбразур бетонных ДОТов. Зубов в вытянутой вперед оскаленной пасти страшилища не

было – похоже, торчащие из десен костяные пластины повываливали их в процессе безудержного роста. В целом мутант напоминал мордой некую помесь человека и крысособаки, причем от последней он взял намного больше.

– Что это, как думаешь? – спросил Данила. – Никогда ничего подобного не видел.

– Похоже на последствия гормонального взрыва нереальной силы, – ответил Снайпер. – Только вот что его могло спровоцировать – без понятия. Может, он под какое-то излучение попал? Но, с другой стороны, думаю, его дружки такие же красавцы, судя по габаритам.

– Ты прав, – сказал разведчик, поворачивая расколотый шлем еще одного собакоголового мутанта и вглядываясь в его содержимое. – Они все одинаковые.

– Ладно, – сказал Снайпер, поднимаясь с колена и пряча нож на место. – Достаточно того, что мы о них знаем. Хотя как можно эдакие латы таскать без экзоскелетного привода, лично для меня загадка.

– Без чего? – спросил Данила.

– Без специальной механики, облегчающей мускульное усилие, – пояснил Снайпер. – Но это все детали. Слушай, в который раз уже прошу – не бросай огнестрел, когда в драку лезешь. И не стреляй очередями. При твоей сноровке вполне можно было всю эту банду завалить легко и непринужденно.

– Опыта маловато, – буркнул Данила. – Мы ж все больше клинками работали. Постреляю с твое, глядишь, тоже бу-

ду... легко и непринужденно.

Снайпер широко улыбнулся, блеснув зубами в темноте.

– Ответ правильный, – бросил он. – А теперь, напарник, уходим. Только тихо и незаметно.

Почему «тихо и незаметно», разъяснять не требовалось. Отдаленный топот тяжелых ботинок уже слышался почти со всех сторон, глухим и пока еще тихим эхом перекатываясь в развалинах.

– Туда! – бросил Снайпер через плечо и неслышной тенью скользнул в направлении серой громады разрушенного завода.

«Туда так туда», – мысленно пожал плечами Данила, слабо представляя, как его напарник собирается в темноте пробираться через завалы битого кирпича и ржавого, покореженного железа. Не иначе по заводу в свое время основательно долбанули чем-то крупнокалиберным, и сейчас его останки представляли реальную опасность для здоровья того, кто рискнул бы бродить по ним ночью.

Но, похоже, у Снайпера было какое-то волчье чутье на предмет отыскания невидимой ниточки, по которой можно идти по кучам слежавшегося мусора, не ломая ног. В точности повторять движения ведущего разведчик был обучен. Что он и делал сейчас, порой удивляясь, что еще не подвернул ногу и не напоролся в темноте на какую-нибудь железяку – торчали они вокруг в изобилии и отовсюду. Гнутые перила, ребра арматуры, напоминающие кости гигантского

разложившегося трупа, какие-то ржавые заготовки и не поддающиеся описанию обломки, которые словно кто-то специально насовал в битый кирпич, чтобы поменьше здесь лазили всякие любители острых ощущений.

Они и не лазили, судя по многоголосому рычанию за спиной. Преследователи наверняка сунулись было за убийцами товарищей, перекрещивая пространство впереди себя лучами мощных фонарей, но вскоре за спиной Данилы что-то рухнуло, после чего раздался приглушенный шлемом крик боли.

– Ложись, – скомандовал Снайпер, но и без команды Данила уже распластался на битом кирпиче, догадываясь, что сейчас будет.

Над головами беглецов засвистели пули.

– Хорошо, что они гранат не захватили, – тихо произнес Снайпер, доставая что-то из-за отворота мокрого пыльника. – В отличие от нас.

В темноте послышалось легкое «дзинь!», после чего Данила не увидел, а скорее почувствовал, как рука Снайпера рассекла воздух.

«Бомбу метнул. Ребристую. Как тогда на мосту».

На всякий случай Данила поплотнее вжался в мусор. И не зря. Позади рвануло, над макушкой разведчика прошелестел осколок.

– Бежим! – крикнул Снайпер, перекрывая голосом недалекие стоны и крики боли.

И они побежали.

Данила сам удивлялся – откуда что взялось? Кто б ему раньше сказал, что он сможет без последствий носиться по эдаким лабиринтам в темноте, ежеминутно рискуя свернуть себе шею, никогда бы не поверил. Однако ничего, несется, на ходу перенимая манеру напарника бежать, едва касаясь подошвами неверной, зыбкой поверхности.

– Давай наверх!

Это уже не лезло ни в какие ворота. Наверху, над головами нависла площадка, чуть подсвеченная уличными фонарями и держащаяся на честном слове. Через дыру в стене было видно, что площадка есть не что иное, как начало крытого коридора между цехами, проложенного на высоте трехэтажного дома и непонятно почему не рухнувшего вниз. Сквозь огромные дыры в его полу было видно черное небо, а единственная покореженная металлическая опора скорее не поддерживала навесную конструкцию, а сама висела на ней.

Но Снайпер уже лез на площадку по металлической лестнице с единственным оставшимся поручнем – второй валялся у ее подножия.

От души про себя пожелав проржавевшим ступенькам продержаться еще чуть-чуть, Данила начал карабкаться следом. Под его ногой одна ступенька все-таки хрустнула и осыпалась вниз ржавыми обломками, но разведчик уже успел перенести вес на другую ногу, и подъем завершился благополучно.

Стены длинного моста-коридора между цехами когда-то представляли собой застекленные ячейки, тянущиеся от пола до потолка. Нынче же почти все стекла были выбиты либо растащены аборигенами для своих нужд, и пустые ячейки больше смахивали на решетки, которыми были забраны окна в подземную кремлевскую тюрьму. В общем, не особо приятное место с учетом больших дыр в полу и небольших фигурок, видимых в свете фонарей через те дыры.

Фигурок было много. Они постепенно заполняли улицу между цехами, и блеск их налобных фонарей сильно напугивал большие глаза карликовых мутантов-циклопов, которые ночами в коллекторе Неглинки воюют за территории с крысособаками.

– Смотрю, они за нас серьезно взялись, – пробормотал Снайпер. – Похоже, вся Зона встала на уши, лишь бы попить нашей крови.

– Обломаются, – зло ощерился Данила. – Если же нет, так умрем достойно.

– Что-то тебя все тянет помереть раньше времени, – заметил Снайпер. – Это несложно и всегда успеется. А вот остаться в живых и при этом прищучить вражью силу – это и есть настоящее искусство войны.

Данила не нашелся, что ответить. Да и не до разговоров было – Снайпер уже бежал вперед, ловко обходя либо перепрыгивая дыры в полу. Ненадежный мост еле заметно покачивался и дрожал под порывами ветра, того и гляди обва-

лится, потому разведчику ничего не оставалось, как рвануть следом.

Их заметили, когда до противоположного входа оставалось буквально несколько метров.

Пули ударили в то место, где долю секунды назад пробежал Данила. За спиной засвистели пули, разбилось чудом уцелевшее стекло в ячейке, царапнув шею осколком. А потом сзади раздался грохот, и разведчик почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. Он оттолкнулся ногами вперед и вбок, бросая себя на ненадежную обрешетку и одновременно пытаясь отыскать глазами участок, свободный от осколков стекла. В темноте и пыли, мгновенно поднявшейся после взрыва, это было непросто – да, в общем-то, уже и неважно. Куда попадет ладонь, туда и ладно, лишь бы хоть от чего-нибудь оттолкнуться. Тонкие прогнившие рамы тут же ломались от давления, но Данила, подгоняемый адреналином, двигался слишком быстро.

Вот так, перебирая конечностями, как обезьян в княжьем зверинце, он боком ввалился в черную дыру входа и, выйдя в кувырок, встал на ноги. Кувырок даром не прошел – под лопаткой заныло, когда он приложился спиной о металл площадки, аналогичной той, что осталась по другую сторону обрушившегося перехода.

– Ловко, – констатировал Снайпер. – Прямо человек-паук.

Что это за мутант такой, неизвестный доселе, Данила уточнять не стал. Это можно было сделать и позже. Если, ко-

нечно, удастся уйти от толпы собакоголовых амбалов с на-
лобными фонарями, которые, похоже, учтя печальный опыт
предшественников, прихватили с собой гранатометы.

В этом цеху лестница сохранилась лучше, по крайней ме-
ре ступеньки у нее не рассыпались, пока напарники неслись
по ней вниз. Да и какое-никакое освещение в огромном по-
мещении имелось – свет уличных фонарей проникал через
дыры в стенах, когда-то бывших окнами.

Мусора здесь почти не было, зато на полу валялась огром-
ная шестерня с приводящим валом. Оставалось загадкой,
для каких целей могла использоваться эта конструкция, на-
поминающая лежащий на боку гигантский гриб с ножкой, и
каких размеров должен был быть механизм, в котором вра-
щалась эдакая махина. Позади шестерни стоял древний гру-
зовик ЗИЛ. Свет фонаря падал на его капот, напоминаю-
щий грустного мутанта с печальными глазами, пасть которо-
го кто-то заклеил прямоугольным белым пластырем и напи-
сал на нем номер «х795кк».

Все это Данила схватил взглядом, пока летел по лестнице
вниз, едва касаясь ступеней подошвами, – способ передви-
жения Снайпера оказался очень удобным. Раздвижные воро-
та в противоположном конце цеха он тоже разглядел. И да-
же прикинуть успел, что если поднатужиться, то вдвоем со
Снайпером они их по идее должны сдвинуть, не особо мас-
сивная конструкция. И если так же, как и лестница, не про-
ржавели, то...

Додумать он не успел. Ворота заскрипели и медленно поехали в сторону, поддаваясь усилию с противоположной стороны.

– А, черт! – выдохнул Снайпер, хватаясь за шестерню. Данила по привычке ринулся было за ним, выдерживая из-за пояса пистолеты, но потом передумал.

На грузовике, очень похожем на этот ЗИЛ, только поновее, лет двадцать назад в Кремле возили пушки, снимаемые со стен для ремонта. Только для того и использовали, берегли единственную действующую технику, а более того топливо, заготовленное предками в огромных подземных хранилищах... До тех пор, пока не кончились последние его капли. Даниле даже довелось посидеть за рулем навеки умершего и чудом не разобранного на запчасти грузовика, вхолостую осваивая бесполезные навыки. А сейчас мелькнула безумная мысль – а вдруг? Вдруг тот, кто зачем-то приволок сюда на грузовике вот эту шестерню, оставил ключ зажигания в замке, и бензин в баке никто не слил? Интересно посмотреть, как тот бензин выглядит. Старики говорили, с виду как вода, только вонючая и горит...

Он рванул дверцу на себя...

Бесполезно. Водитель, уходя, не забыл запереть машину, Что ж, универсальный ключ под рукой, и с некоторых пор Данила стал уже привыкать к тому, что он все-таки более эффективен, чем кусок заточенной арматуры.

Почти беззвучный выстрел пистолета Стечкина вынес из

двери кусок металла вместе с замком. Данила сунулся в кабину – и скрипнул зубами от досады.

Ключа не было. Зато под торпедой болтался пучок вырванных проводов.

– Чего ты там копаешься?! – проревел Снайпер.

Данила бросил взгляд в сторону шестерни, за которой укрылся напарник. Из своего ВСК-94 он стрелял через технологические отверстия шестерни, словно через бойницы крепости, экономно расходуя патроны и сдерживая огнем рвущихся в ворота амбалов. Пара мертвых тел уже валялась у наполовину раскрытых ворот. Но за ними, как за брустверами, уже успели разместиться двое стрелков, высунув над головой автоматы и вслепую поливая шестерню свинцом.

Той же тактики придерживались еще двое амбалов, укрывшись за воротами и их стальным косяком. Видимо, патронов у них было немерено. И рано или поздно шальная пуля влетит в амбразуру шестерни или зацепит Снайпера по ногам. Или же кто-то додумается пробежать снаружи вдоль стены и бросить несколько гранат через пустые оконные проемы, расположенные на высоте второго этажа...

– Еще немного продержись! – крикнул Данила, – Все равно нам отсюда не выйти. А так хоть шанс какой-то...

Шанс был мизерный. Слишком многое должно было совпасть. И двигатель ЗИЛа исправным оказаться, и бензина в баке хоть немного остаться, и самому вспомнить, какие провода надо соединить, чтоб грузовик завелся. А главное, что-

бы вражья пуля в самый ответственный момент не попала в водителя. Хотя грузовик находился на одной линии с воротами и шестерней, которая словно огромный щит прикрывала его от свинцового ливня, но пуля, как известно, дура, в отличие от штыка. Особенно выпущенная вслепую...

Амбалы, не особо видя в темноте, на что именно расходуется боезапас, решили стрелять трассерами – у кого заряженными в магазин одна через три, а у кого и полным комплектом. Чтоб если даже и мимо, то хоть на врага страху нагнать.

Одна из огненных пуль ударила в верхний край лобового стекла грузовика, которое мгновенно по всей площади покрылось сеткой мелких трещин. Вторая цвиркнула по крыше. Но Даниле было не до них. Он был очень занят, копаясь в проводах и пытаясь в полумраке найти нужные.

Скорее всего, вряд ли бы он смог вспомнить, какой провод с каким надо соединять, – инструкторы старались не грузить головы будущих разведчиков заведомо ненужной информацией. Так, по старой привычке, поверхностно вводили в курс дела – и переходили к более насущной информации. Но, похоже, водитель, столь заботливо заперевший дверь грузовика, сам не имел ключа зажигания и, просто чтобы не морочиться, зачистил два нужных провода на полдециметра каждый.

Разглядев в темноте пару блестящих проволочек, Данила с замиранием сердца соединил их. Грузовик рыкнул возму-

ценно – и заглох. Но рыкнул все-таки!

– Давай, родимый, не подведи! – от души попросил разведчик.

...Так он уговаривал своего Бурку в тот злополучный день.

И верная зверюга оправдала доверие, отдав жизнь за своего хозяина. Интересно, есть ли у машин, питающихся бензином, душа? Хорошо бы, если б оказались правы легендарные шамы. Тогда, может, и этот ЗИЛ не обидится на развороченную дверь и поймет, насколько он нужен сейчас ему и Снайперу?

– Пожалуйста, – снова попросил Данила. – Хоть мы с тобой не одной крови, но очень прошу – помоги.

И грузовик услышал.

Мотор глухо заурчал, и Данила подумал, что наверняка водители прошлого в таких вот ситуациях тоже просили свои машины услышать и помочь. И машины помогали – если, конечно, в них была душа. Ведь и люди порой бывают бездушными, хуже любой старой машины с круглыми печальными глазами...

Снайпер услышал, как рыкнул движок ЗИЛа, и плавным движением перетек назад, продолжая укрываться за двухметровым диском шестерни и в то же время пятясь к машине. Когда до второй дверцы оставалось несколько шагов, он выдернул из-за пазухи пыльника продолговатый цилиндр и метнул его через шестерню, навстречу амбалам. После че-

го каким-то образом оказался в машине. Может, через окно пролез. А может, через дверь просочился.

Даниле было все равно. Сейчас он вдруг напрочь забыл, что надо делать. Ну вылетело из головы – и все, хоть убей. Три педали, руль, рычаг переключения передач. И в какой последовательности что здесь надо нажимать и дергать?

Снайпер все понял с полувзгляда.

– Меняемся местами, – коротко бросил он. И перетек влево, по пути долбанув каблуком по стеклу так, что оно одним гибким растрескавшимся листом вывалилось на капот.

Данила повторил движение напарника, только в обратном направлении. Не успел он как следует усесться и достать свои пистолеты, как грузовик мягко тронулся назад вдоль незримой линии ворота – шестерня – капот ЗИЛа. Впереди, за удаляющимся диском шестерни, расплывалось серое облако дымовой завесы, из которого когда поодиночке, а когда и веером вылетали трассирующие пули. Незабываемое зрелище, особенно когда некоторые из них чиркают по кабине, в которой ты сидишь.

Самосвал набирал скорость, двигаясь вперед кузовом прямо на стену цеха, набранную из толстой стеклянной плитки, которую не разрушили ни война, ни время...

– Держись! – крикнул Снайпер, вдавливая в пол педаль газа и отжимаясь от руля. Данила тоже инстинктивно вжался в кресло, упершись ногами в торпеду. Но пистолеты из рук не выпустил. Как раз сейчас из дымовой завесы вынырнули

несколько черных силуэтов, хорошо подсвеченных уличных фонарем. Мертвенный блеск стволов, направленных в сторону машины, не оставлял сомнений в том, что сейчас на нее обрушится шквал огня – и на этот раз прицельного.

И тогда Данила начал стрелять. Понимая, что не успеет перевести ствол с одной фигуры на другую, он поднял сразу два пистолета и, глядя между ними расфокусированным зрением, просто нажимал на спусковые крючки, откуда-то зная, что не промахнется.

Очень хотелось полоснуть очередь по габаритным мишеням, но Данила уже знал, что очередь уводит ствол в сторону и уж если и бросать пули веером, то только с близкого расстояния. А одиночными выстрелами, если постараться, то можно и сдвигающегося автомобиля поражать ростовые фигуры. Пусть не как Снайпер бы стрелял, точно по суставам или в горло – с такого расстояния, наверно, все же можно прорвать броневоротник, – а хоть так, чтобы удары пуль заставляли черные фигуры вздрагивать от попаданий и искать укрытия, теряя драгоценное время, которое работало на руку беглецам...

Удар кузовом о стену был страшным. Данилу бросило вперед и левым, едва зажившим плечом он приложился о торпеду. Пистолет вылетел из руки и, прогрохотав по капоту, канул в темноту. Чудом не улетев следом за своим оружием, разведчик откинулся назад – и тут на кабину обрушились осколки стеклянной стены, похожие на глыбы льда.

Впрочем, особого вреда грузовику и его пассажирам стеклянные блоки не принесли. Так, пара лишних вмятин на капоте да легкий порез от рикошетом влетевшей в кабину стеклянной бритвы на щеке Снайпера. Тот лишь машинально утер рукавом пыльника кровь и резко крутанул руль вправо.

Самосвал пошел юзом, разворачиваясь чуть не на месте. Данила растопырился в кабине как осьминог, удерживая оставшийся АО-44 обеими руками и при этом стараясь сам не вылететь наружу из машины, оказывается, умеющей под чутким руководством Снайпера выделять неслабые кульбиты.

Одного собакоголового автоматчика разведчик пристрелил чуть ли не в упор. Двое амбалов, не ожидавших столь эффектного появления беглецов прямо из стены цеха, вдруг оказались буквально в двух-трех метрах от капота, весьма неплохо освещенные парой уличных фонарей. Чем разведчик не преминул воспользоваться.

С такого расстояния бронестекло не выдержало и раскололось. Не иначе пуля, потеряв инерцию, ударилась о заднюю стенку шлема и отрикошетила внутрь головы, превратив мозг и кости черепа в кашу. Эта каша и плеснула на грудь автоматчика, как фарш из мясорубки.

Второй амбал вскинул свой автомат – и тут Данила осознал, что затворная рама пистолета застыла в крайнем заднем положении.

– На будущее считай выстрелы! – проревел Снайпер,

словно затвор, передергивая рычаг переключения передач и вдавливая в пол педаль газа.

Грузовик прыгнул вперед, долбанув собакоголового бампером. Того швырнуло назад, а его оружие полетело в противоположную сторону. Вырванный из рук хозяина автомат прогрохотал по капоту и совсем уже было свалился вправо, в темноту, как Данила, ринувшись вперед и чуть не по пояс высунувшись из кабины, успел подхватить его за ремень.

– Ну ты циркач! – весело проорал Снайпер, бросая машину вдоль улицы... из дальнего, неосвещенного конца которой медленно выходили на свет черные фигуры.

Их было много, не меньше пары десятков. И они не спеша поднимали свое оружие. Спешить им было и вправду некуда – как некуда было деваться их жертвам. Продолжить движение вперед, таранить толпу автоматчиков – явное безумие. Еще мгновение – и машина превратится в решето. И если даже успеть набрать скорость, собакоголовые просто откачнутся вбок, прижмутся к стенам цехов и дополнительно прошьют очередями борта кабины. Назад – просто не успеть. Ведь для того чтобы ехать задом наперед, нужно сначала остановиться. А там, по краям толпы, двое амбалов уже неторопливо прилаживали на плечи трубы с тяжелым набалдашником на конце, похожим на наконечник копья. И что это такое, Данила знал, Снайпер ввел в курс дела, пока на складе грузили выбранное оружие. Даже дал поддержать снаряженный гранатомет, до этого виденный только на картин-

ке...

– Ви... ходите, – разнесся над улицей голос, усиленный мегафоном. – Ина... че мы уб... бить вас.

– Говорить сначала научись, шкаф безмозглый, – буркнул Снайпер, слегка притормозивший бег грузовика при виде толпы, но сейчас явно собирающийся повторить прыжок, до этого размазавший о бампер тело автоматчика.

– Покрошат ведь, – равнодушно сказал Данила, проверяя трофейный АК. Ему и вправду было все равно, покрошат или нет. Важно было, сколько он успеет взять с собой врагов. Может, гранату у напарника попросить? Ему-то кидать несподручно будет.

– Разрешаю очередями. В порядке исключения иногда можно, – сказал Снайпер, вновь оттягивая на себя рычаг с прозрачной шишечкой на конце, внутри которой какой-то большой мастер навечно замуровал крохотный цветок. Что за этим последует, Данила уже знал, видел, с какой скоростью Снайпер умеет комбинировать работу этого рычага и педалей и что после этих комбинаций выделяет машина. Попросить бы его научить, да теперь уже и смысла нет. Спасибо, хоть стрелять научил, сейчас пригодится. В последний раз.

Данила проверил переводчик огня. Так, стоит в среднем положении, стало быть, менять ничего не надо. Передернул затвор, проследил, как наружу, за окно вылетел патрон. Жаль, конечно, но без этого сейчас никак, хуже было бы, ес-

ли б патрон был не дослан...

– Поехали, – прошептал Снайпер, передернув рычаг и резко продавив педали, будто сплясав на них чечетку.

Время замедлилось... Машина летела вперед по улице, словно стрела по направляющей арбалета. А навстречу ей несясь рой огненных мух, в который затесались два крупных жука-мутанта, за которыми тянулся белый дымящийся след...

Такая вот картинка возникла перед глазами Данилы перед тем, как он выжал спусковой крючок. Теперь оставалось лишь удерживать автомат, живым, злобным зверем рвущийся из рук, и направлять его концентрированную ярость точно в гладкие овалы черных шлемов...

Он видел, как его выстрелы достигают цели и как пули со стальным сердечником сначала тыкаются в броню шлемов и нагрудников, как новорожденные слепые щенки в стену, а потом исторгают из себя тонкие стержни... Которые медленно, очень медленно прокалывают пуленепробиваемые стекла и кевларовые пластины и исчезают в телах автоматчиков, словно иглы в стогах сушеной травы.

И в то же время боковым зрением Данила видел, как пули и реактивные гранаты, посланные точно внутрь их кабины, достигнув невидимой границы на расстоянии двух-трех метров, круто меняют траекторию полета и вонзаются в стены цехов справа и слева от летящей вперед машины.

А потом были тяжелые удары бронированных тел о бам-

пер, сотрясшие грузовик. И разлетающиеся в стороны тела тех, кто отпрыгнул в сторону, но все же не успел убраться с дороги. И брызги чужой крови на лице, хлестнувшей из пробитого пулей шлема, по которому вдобавок пришелся удар решеткой радиатора. И дорога. Длинная, черная, пустая дорога, уходящая вглубь Зоны, утонувшей в ночи...

* * *

Грузовик мчался на бешеной скорости. Встречный ветер бил в лицо, выстегивая из глаз невольные слезы. Немного ныло многострадальное плечо, но это все были мелочи. Главное – ушли, отбились, прорвались сквозь толпу бронированных шкафов. Как – до сих пор непонятно. Старики говорили, что случаются такие вот чудеса на войне с теми, кто твердо решил умереть именно сегодня, не выпустив из ладони рукояти меча. И в то же время шибко умного, кто в бою отскакивает за зубцами кремлевской стены и мечтает найти себе работенку поближе к кухне, обязательно найдет метательный диск боевого робота либо пращный камень, неприцельно, от нечего делать пущенный в сторону Кремля каким-нибудь нео, которому силы девать некуда.

Снайпер потрогал пальцем царапину на щеке и усмехнулся:

– Ну, повезло так повезло, – сказал он. – Прямо как кто-то специально поставил в цеху этот грузовик смерти, заправил

и провода заточил. Фантастика.

– Бывает, что жизнь круче любой фантастики, – философски заметил Данила, любивший полистать в библиотеке старые книги со страницами, во избежание порчи бережно покрытыми лаком. – У меня, например, такое впечатление, что в последний момент пули и заряды этих... гранатометов почему-то отклонились от грузовика.

– Всякое в жизни случается, – сказал Снайпер, притормаживая и заворачивая руль влево. – Но переигрывать не стоит. Личная удача, она как деньги или патроны – чем больше тратишь, тем быстрее заканчивается.

Слева чернели громады полуразрушенных заводских зданий. А справа развалины кончились, и в свете взошедшей луны блеснул отблеск то ли воды, то ли каких-то технических отходов, заполнявших огромную яму, больше похожую на озеро. В версию насчет отходов верилось больше, так как запах со стороны котлована шел нестерпимый, словно он был заполнен давно протухшей кровью.

– То что надо, – сказал Снайпер, притормаживая. – Сейчас эти амбалы уже наверняка всю Зону на уши подняли, и до конечной точки нам не добраться. Так что вылезай, надо от грузовика избавляться. Думается мне, что второй раз из гранатометов они не промахнутся.

Данила неохотно повиновался. Старенький грузовик с печальными фарами было жаль. Хоть и не принадлежал разведчик к Говорящим с Мечами, считающим, что у каждого

предмета есть свое ками, душа неживого, но машина спасла им жизнь. И вот, получается, отблагодарили спасителя... Так и в жизни часто бывает – сделавшего доброе дело вместо благодарности просто списывают как ненужную вещь, а то и топят в первом попавшемся болоте.

Снайпер почти с места разогнал грузовик до приличной скорости и за мгновение до того, как машина взлетела на гребень земляного отвала, выкатился из нее, будто шарик из детского духового ружья, – с ускорением, но плавно, грамотно приземляясь на ноги и уйдя в кувырок, гасящий инерцию падения.

Машина взлетела с земляного трамплина, на долю секунды зависла в воздухе – и, рухнув в котлован, почти мгновенно пошла ко дну. Разведчик видел, как маслянистое содержимое ямы сомкнуло свои щупальца над кабиной – наверно, так же поглотил бы его тело осьминог, если бы не нож полковника Данилова.

Снайпер же пробежал мимо разведчика, бросив на ходу: – Не тормози, напарник! Беги за мной, пока собакоголовые нас здесь не прихватили.

И Данила побежал. А что еще оставалось делать? Похоже было, что Снайпер родился в этих развалинах – так уверенно он двигался среди гор мусора и битого кирпича. Наверняка что-то такое было в его биографии, позволяющее сейчас принимать решения на ходу. Разведчик вынужден был признать – окажись он здесь один, давно бы уже бронированные

амбалы обеспечили ему скорый переход в лучший из миров. Интересно, а сейчас-то куда несется этот пришелец не пойми откуда и на что ему сдались эти полуразваленные громады мертвых зданий? Опять по мусорным кучам скакать?

Но Данила ошибся. На бегу Снайпер ткнул пальцем в странное сооружение, на удивление хорошо сохранившееся – не иначе за ним ухаживали. Напоминало оно обложенный плиткой толстенный гриб на прямоугольной ножке высотой с человека, с черной решетчатой шляпкой наверху.

– Вентиляция, – пояснил Снайпер. – Мощная, как в метро. Но метро здесь нет. Значит, какая-то подземная хрень. И, похоже, мы мимо входа в нее проезжали.

Данила недоумевал – что можно было рассмотреть при свете луны, несясь по дороге на бешеной скорости? Но оказалось, что Снайпер не ошибся.

Пуля просвистела возле лица Данилы, едва не опалив щеку полосой раскаленного воздуха. Разведчик даже не успел понять, что произошло, как катился по земле, сжимая в руках автомат, словно сам собой прыгнувший в руки.

«Ничего себе навыки наработались за сутки с небольшим!» – подивился Данила неожиданной реакции своего тела на выстрел. Только вот куда стрелять в ответ, было неясно – до этой части зоны цивилизация не добралась, и единственным освещением был диск луны, похожий на разрубленный круг старого сыра.

Данила откатился за поваленный телеграфный столб и

рискнул отвести взгляд от предполагаемого места дислокации вражеского стрелка – что там Снайпер делает?

Но того нигде не было видно. Что за черт? Куда делся? Только что рядом бежал – и на тебе...

Новый выстрел заставил разведчика нырнуть за ствол основательнее – пуля вспорола поверхность древесины гнилого ствола, поставив щепки «домиком» почти у самого носа. Чуть левее – и точно в нос попал бы чудо-стрелок, умеющий прицельно палить в темноте.

Но делать что-то было нужно, не валяться же вот так, сжимая в руках оружие и дожидаясь, пока подоспеют дружки ночного охотника.

Закинув автомат на спину, Данила по-пластунски прополз вдоль столба. Достигнув гнилого излома с длинными торчащими щепами, он, резко стартанув из положения лежа, прыгнул вперед и помчался зигзагами, качая маятник и очень надеясь, что стрелок не обучен палить именно по «маятнику», загоняя бегущего в узкий коридор из пуль, чтобы потом просто выстрелить в середину того коридора. В Кремле так обучались скоростной стрельбе из лука, одновременно постигая науку уклоняться от затупленных стрел, а порой и отлавливать их руками. Пули руками не поймаешь, это понятно. Да и очередями луки не стреляли...

Но об этом лучше не думать. Гораздо продуктивнее в таком положении, по мнению Данилы, было, держа автомат в руках, бежать навстречу невидимому врагу, дожидаясь

вспышки выстрела. А там уж или ему повезет, или тебе. На то она и есть, воинская удача.

Вспышки не последовало. Он просто увидел, как шагах в двадцати впереди тускло блеснула полоска лунного света, отраженного от металла. Туда он и пальнул на бегу, за мгновение до выстрела увидев краем глаза, что справа от него из ниоткуда возник человеческий силуэт на фоне луны в характерной позе стрелка.

Автомат коротко плюнул огнем, и Данила тут же развернулся вправо, одновременно на всякий случай падая на спину и пытаясь нащупать силуэт невидимой линией выстрела.

«Снайпер? Или не он?» – промелькнула тревожная мысль.

– Я это, – пришло подтверждение из темноты. – Готов коллега. Вставай, и погнали смотреть, что там за ночной убийца.

Данила поднялся на ноги, почему-то чувствуя себя последним идиотом. Напарника из виду потерял, да еще и чуть не пристрелил.

– Нормально среагировал, – бросил Снайпер на бегу, словно мысли прочел. – Быстро учишься. Или память предков просыпается, хоть я в нее и не верю.

Они перебежали через дорогу, по которой ехали, и нырнули в тень полуразрушенного здания, в глубине которой маячил белый крашеный прямоугольник в рост человека с черной дырой посредине. Как раз у этой дыры и увидел Данила отблеск, который вполне мог отразиться от ухоженного ствола фузеи.

«То есть автомата. Или винтовки», – мысленно поправил себя разведчик. Пора было привыкать к названиям оружия, доселе считавшегося музейным.

Даниле показалось, что в ладони Снайпера сам собой возник бледный лучик белого направленного света, который вряд ли можно было заметить с пяти шагов. Тем не менее в районе белого пятна на земле, появившегося благодаря тому лучику, все было отлично видно.

У дыры, оказавшейся входом в какое-то подземелье с уходящими вниз ступеньками, вниз лицом лежало тело ночного стрелка. Под его головой растекалась темная лужа, а правая рука все еще сжимала рукоять автомата с громоздким прицелом, похожим на тот, что был на СВД Снайпера, оставшейся на базе кио, только более громоздким.

– Ишь ты, местный охранник с двухсотым АК и ночным прицелом на охоту вышел, – хмыкнул Снайпер, – Жаль, что ты такой автомат в кучу железа превратил, глядишь, пригодился бы.

В пятне бледного света Данила рассмотрел, что цевье автомата и вправду расколото пулей. А тогда откуда же у трупа дыра в голове, да такая, что весь мозг наружу вылетел и внутри черепа видно уцелевшее глазное яблоко, изумленно повернутое в сторону отсутствующего затылка?

Данила взглянул на Снайпера – и все понял. Пока он носился в темноте, изображая из себя маятник, его напарник, как умел только он, превратился в невидимку и ждал, пока

стрелок проявит себя.

– Я был приманкой? – коротко спросил Данила.

– Не совсем так, – покачал Снайпер черным силуэтом головы. – Ты отвлек его внимание, а я застрелил стрелка. Кстати, он мог стать неплохим снайпером, просто в этих местах подзабыли некоторые вещи, о которых нужно знать на войне. Но это все лирика. Сейчас надо затащить его внутрь и закрыться самим, а то думается мне, что с минуты на минуту здесь появятся наши габаритные бронированные друзья.

Снайпер был прав. Впрочем, как и всегда. И это начинало раздражать. Данила прекрасно понимал, что в этом мире его новый командир, который с некоторых пор по собственной воле стал называть его напарником, чувствует себя как рыба в воде. И с одной стороны, вроде бы слушайся опытного дядю и делай, что от тебя требуется. Но в то же время что-то грызло разведчика изнутри, пока еще не оформившееся в связную мысль. Хотя до мыслей ли, когда около головы чуть не ежеминутно свистят пули? Ладно, попозже подумаем. А пока будем слушаться дядю.

Между тем «дядя» ловко приспособил к своему снайперскому комплексу источник бледного света, оказавшийся компактным тактическим фонарем, и, держа оружие на изготовку, нырнул в черный проем.

– Понятно, – буркнул Данила. – А труп, получается, мне тащить.

И снова Снайпер был прав – кому-то надо идти впереди и

стрелять в случае появления вражьей силы. А кому-то, у кого поменьше способностей к отстрелу неприятеля, переть демаскирующий фактор, залитый кровью и мозгами по самое «не хочу».

Но ворчи – не ворчи, а выполнять боевую задачу Данила был обучен. Без этого не то что рядового воина в разведку, пахаря в ополчение не возьмут.

Боевая задача оказалась нелегкой, килограмм под двести вместе с амуницией. Разбитый пулей автомат Данила забросил на плечо рядом со своим, подхватил труп за ноги и поволок его по жухлой траве. Иначе никак – тяжел больно мутант, хоть и камуфляж надет на нем, а не полный бронекостюм, как на охранниках периметра Зоны.

Ступени были освещены призрачным светом, льющим-ся снизу. Не успел Данила ступить на первую ступеньку, как впереди раздался характерный хлопок. Разведчик бросил было труп и схватился за автомат, но из-за нижнего поворота лестницы, словно из старого кремлевского склепа, раздался знакомый голос, искаженный эхом подземелья:

– Порядок.

Ну, порядок так порядок, с другой стороны, кто бы сомневался. Данила вновь подхватил покойника за массивные берцы и пошел вниз, стараясь не смотреть, какая именно часть застреленного Снайпером тела тяжело бумкает сзади, отмечая каждую ступеньку.

За поворотом лестницы была толстенная стальная дверь

со странной надписью, освещенной тусклой потолочной лампочкой:

В
ВЕНТКАМЕРА
В РЕЖИМЕ № 2
ДВЕРЬ – ОТКРЫТЬ!

Возможно, это все-таки было не «В», а цифра 8, набитая буквой за неимением другого трафарета. Причем набитая очень давно. Видно было, что краску пытались содрать чем-то острым, но это, видимо, был как раз тот случай, когда говорят «легче закрасить, чем соскабливать». Скоблить неведомым блюстителем чистоты намертво въевшуюся в сталь древнюю краску, видать, надоело, а красить дверь было лениво. Вот и осталась загадочная надпись со времен незапамятных, и не узнать уже никогда, что это за «режим № 2», при котором предписывалось отворить этот толстенный кусок стали с массивным засовом, намертво приваренным изнутри.

За дверью была огромная комната с множеством толстых, когда-то серебристых труб квадратного сечения, протянутых вдоль стен и по потолку. Вдоль стен стояли шкафы с множеством лампочек и тумблеров. Ныне же трубы обветшали, серебристая оплетка висела лоскутами, словно оторванная кожа. Многие из шкафов были разбиты, дверцы оторваны. На полу вдоль стен и шкафов лежали кучи мусора, частично утрамбованные берцами, и запах от тех куч шел далеко не

цветочный. Также в помещении имелся металлический стол, вплотную придвинутый к противоположной от входа стене, стул, куча мерцающих экранов, встроенных в стену над столом, солдатская койка с продавленной сеткой, рваным матрасом и трупом, валяющимся на том матрасе в живописной позе морской звезды.

Дополнительными деталями интерьера можно было считать валяющийся на полу автомат, такой же, как и покалеченный трофей, что болтался за спиной Данилы, только целый, вторую дверь без надписей, в остальном аналогичную первой, а также Снайпера, застывшего возле стола и внимательно смотрящего на экраны.

Данила отпустил ноги мертвеца, об пол глухо стукнули подкованные каблучки. Но Снайпер даже не пошевелился. Лишь сказал не оборачиваясь:

– Второго я вроде поаккуратней отработал. Крови на камуфляже поменьше, да и мельче он телесами, чем наш ночной охотник. Ты дверь закрой и переоденься пока, а то в водолазном костюме да босиком надолго тебя не хватит.

И замолчал, продолжая изучать то, что происходило на экранах.

В другое время Данила бы тоже первым делом к мерцающим окнам полез, посмотреть на чудо, хоть и виданное ранее в музее, но не работавшее уже почти две сотни лет. Но Снайпер был прав – в обтягивающем тело неопрене долго бегать посуху несподручно. Хотя не исключено, что черный во-

долазный костюм, оставляющий открытым лишь лицо, спас ему жизнь – ночному стрелку наверняка было сложно целиться в мишень, практически сливающуюся с ночными тенями. Но в то же время Данила изрядно взопрел, особенно при перетаскивании мертвого мутанта – одежда водолаза со специальной теплоизолирующей подкладкой была рассчитана на пребывание в холодной воде, а не на перетаскивание тяжестей посуху.

Брать себе вещи убитого врага в Кремле считалось мародерством. Оружие бери, пожалуйста, особенно если вдруг оказалось, что оно лучше, чем твое. Все остальное принадлежало мертвому.

Злые языки поговаривали, особенно выпивши, что тот закон идет не от благородства, а от того, что с мертвого неособо брать нечего. А возьмешь что – потом блохи да вши замучают, глядишь, от паразитов расплодившихся еще эпидемия в Кремле начнется.

Сейчас же было другое. До «Кантемировской» в водолазном гидрокостюме и одних носках точно не дойти, уже сейчас все тело чешется от пота. Потому альтернатива только одна и другой не будет.

Внутренняя охрана Зоны обходилась без усиленной защиты, полагаясь на тех, кто патрулировал периметр. На трупах мутантов были обычные камуфлированные костюмы с бронепластинами, вставленными в особые карманы на груди и в области живота. Похоже, бронежилеты здесь не призна-

вали, каждодневно без проблем таская на себе лишние килограммы. Неудивительно с такой-то антропометрией. Вот только рожи у них... Приснится такое – зайкой можно стать.

Стараясь не смотреть на перекошенную предсмертной гримасой морду мутанта, Данила стащил с него костюм. Под камуфляжем обнаружилось тело, усыпанное кожными нарывами, в особо критичных местах прикрытыми пластырем. Хорошо еще специальное белье под водолазный костюм полагалось, а то б ни в жизнь не надел трофейную одежду, лучше уж по жизни в неопрене бегать.

Берцы Данила снял с трупа ночного любителя приключений, они оказались немного меньшего размера. Но все равно пришлось нарезать куски ткани с камуфляжа убитого и напихать в носки, чтобы ботинки не болтались при ходьбе и не натирали ноги.

– Молодец, – прокомментировал действия Данилы Снайпер, наконец оторвавшись от экранов. – На войне не только окровавленные или залитые гноем вражьи шмотки порой надевать приходится, но и в мусорном баке или в болоте часами сидеть, кормя пиявок и комаров, лишь бы боевую задачу выполнить.

– Это цель подстрелить, что ли? – спросил Данила, стараясь не думать о том, с кого он только что снял одежду. Хотя, конечно, хотелось бы знать, с кого. Что не человек, это и так понятно. Но что это? Или кто?

– Ее, родимую, – сказал Снайпер, садясь на корточки пе-

ред трупом и доставая нож. – Снайперская работа – это прежде всего терпение. И отсутствие эмоций. И только потом винтовка и прицельный выстрел.

Клинком ножа он разжал челюсти трупа. После чего, внимательно рассмотрев гортань и челюсти со сплошными костяными пластинами вместо зубов, выдал:

– Точно не человек. Даже ваши нео ближе к людям, чем вот это. Речевой аппарат развит на уровне собаки, мозг, судя по тому, что вылетело из башки твоего визави, немногим ушел от четвероногого. Но, думаю, это сугубо целевой мозг, без ерунды, которая в нас намешана.

– То есть? – не понял Данила.

– Похоже, это абсолютная боевая машина с четкой программой действий, заложенной при ее создании. Был бы у них обычный человеческий мозг, была бы морока – блокировать эмоции, страхи, воспоминания.

Он невесело усмехнулся, словно вспомнив что-то давнее и забытое, о чем лучше было не вспоминать.

– А им вспоминать нечего, – продолжил Снайпер. – У них нет такой функции. Все, что надо помнить, он помнит, остальное отсекается. Хотя какой-то минимум эмоций и логики у них имеется. Например, приглашение на ножевой бой или инициатива отстрелить парочку нарушителей, вместо того чтобы доложить о них по команде, это уже человеческое. Хотя, скорее всего, просто незначительный сбой в программе.

Тут настала пора Даниле вспомнить о своем «незначительном сбое в программе», без которого сейчас он был бы там, где должен был быть, а не шатался по изуродованному миру вместе со странником, этому миру вообще не принадлежащим. Что стоило просто доложить о существовании подземного хода из Кремля? Так нет же, полез сам, никому не сказав. И вот результат. Или взять тот бой, когда чуть в плен к нео не попал. Тоже никто не виноват, кроме самого себя. А все проклятое стремление доказать всем, кто он есть на самом деле. И кто он есть, по большому счету, после всего этого?..

Ответить сам себе он не успел, почувствовав на себе пронзительный взгляд. Данила поднял глаза.

– То, что сейчас с тобой происходит, называется чувством собственной важности, – сказал Снайпер. – И это нормально. Любой настоящий воин борется с ним всю свою жизнь. Главное, понять, что ничто в этом мире не имеет значения, кроме смерти и того, что ты должен сделать до того, как она наступит. Ты уже не тот, что был два дня назад там, у Кремлевской стены. Ты не только выживаешь, но и успешно воюешь там, где погибли твои соплеменники. Ты растешь над собой, и это хорошо. И ты можешь стать неплохим снайпером, если научишься отключать в себе эмоции. Людей и нелюдей надо убивать абсолютно спокойно, иначе в самый неподходящий момент ты дернешь спусковой крючок своей винтовки, а через секунду вражеский снайпер сделает то же самое,

но плавно. Так стоит ли ловить лбом результат собственной излишней эмоциональности?

– Ты что, мысли читаешь? – спросил Данила, слегка потрясенный словами напарника.

– Да нет, у тебя все на лице написано, – пожал плечами Снайпер. – Но хватит лирики.

Он обвел взглядом помещение.

– Так, обе двери на засовах, и, кроме нас, открыть их сможет только направленный взрыв. Здесь нас точно искать не будут, по крайней мере этой ночью, пока утренняя смена не появится. Судя по пульта, задача местной охраны – следить на мониторах за тем, что происходит, и в случае чего вызывать усиленный наряд. В общем, спасибо вон тому безмозглому, что решил обойтись с двумя нарушителями своими силами.

Данила еле слышно скрипнул зубами, хотя сказанное относилось не к нему. Спасибо и тебе за урок, Снайпер, спасибо, что бьешь по больному и не даешь забыть, кто тут боевая машина, а кто пристяжь, которую можно и в качестве приманки использовать. И за то, что учишь эту пристяжь, частенько тыкая ее носом в ее же дерьмо, тоже спасибо. Знаю, пригодится не раз твоя наука. Но как же иногда хочется послать тебя к черту с твоей наукой! И добирайся ты сам до своей «Кантемировской» без второго номера, которого ты с некоторых пор изволишь называть напарником!

– Осточертело все, да? – спросил вдруг Снайпер – и улыб-

нулся. – Понимаю. Это от того, что цели внятной у тебя сейчас нет. Какая-то учебная граната какому-то плавающему мозгу ради противоядия... Такая цель кого хочешь с катушек сорвет. Кстати, на, держи. Чуть не забыл за этими перестрелками.

Он порылся в кармане и достал оттуда ампулу из толстого стекла и таблетку в прозрачном полиэтилене.

– В ампуле противоядие, – просто сказал он. – А таблетка – сублимированный рацион. Воду пока побережем, у нас ее одна фляга на двоих. Да и после таблетки она пока без надобности будет. Проглотишь – и считай, двенадцать часов есть-пить точно не захочется... ну, это обычному человеку. С твоими габаритами часа на четыре должно хватить. Правда, потом полведра воды выхлебаешь за раз, это как пить дать. Хмм... каламбур получился, однако.

– Откуда? – только и смог выдавить из себя Данила. Вот так просто – бери противоядие, ради которого последние несколько часов вдвоем прорубались сквозь толпу вооруженных мутантов!

– Со склада, – просто сказал Снайпер. – Там, судя по компьютеру начальника склада, как раз одна ампула и оставалась, вот я ее и прихватил для тебя. Думаю, обманул нас Мозг. Даже если б он и выполнил обещание и отдал нам эту ампулу по факту выполнения задания, выжил бы только один из нас.

– А ты? – спросил Данила, еще не веря в то, что его спа-

сение действительно лежит у него на ладони.

– Мне оно не нужно, – покачал головой Снайпер. После чего медленно провел ладонью над контейнером у себя на поясе, словно котенка погладил. – То, что лежит здесь, не только помогает мне путешествовать между мирами и отклоняет пули, но и излечивает любые болезни. Жаль, что это его свойство распространяется только на меня...

– А что там лежит? – спросил Данила, не в силах сдержать любопытства.

– Сердце заплатки между твоим и моим миром.

– Сердце? Она что, живая?

– Возможно, – пожал плечами Снайпер. – Но давай не будем об этом. Это слишком длинная история, и, может быть, я когда-нибудь расскажу ее тебе. Когда у нас будет побольше времени.

– Подожди... Но тогда получается, что нам уже не нужно искать ту гранату?

– Тебе – не нужно, – устало сказал Снайпер, переворачивая окровавленный матрас и присаживаясь на койку. – Теперь это только мое дело. Спасибо, что помог проникнуть в Зону.

– Э нет, так не пойдет, – сказал Данила. – Начал говорить – так договаривай. Напарники мы или нет? Вроде ж ты сам говорил, что снайпер должен быть всегда спокоен. А сейчас из тебя явно какие-то непонятные эмоции прут. К тому же не верю я, что такой, как ты, будет идти через миры ради

оружия и патронов. Ты и в своем мире можешь их достать, причем гораздо легче, чем здесь. И к тому же я не люблю, когда меня используют втемную.

Снайпер хмыкнул. В его глазах промелькнула искра удивления.

– Ничего себе воспитал ученичка, – произнес он. – Ну что ж, во многом ты прав. Хорошо, слушай. Там, в моем мире, живет одна девушка...

Он замолчал – и Данила не стал его торопить. Видно было, что Снайперу сейчас тяжело даются слова. И это было странно. От такого хладнокровного и расчетливого убийцы Данила не ожидал проявлений каких-то чувств. Похоже, они просто были очень глубоко спрятаны в душе этого человека и сейчас ему было нелегко извлекать их оттуда.

– Сейчас она умирает от лучевой болезни. И в моем мире эту стадию ОЛБ не умеет лечить никто, даже самые что ни на есть сумасшедшие ученые. Но есть там один доктор... ну, скажем, нетрадиционной медицины, порой излечивающий заболевания, недоступные ученым. Думаю, он тоже умеет ходить между мирами или же близко знаком с Перехожими. Он же сбросил мне на КПК подробную карту послевоенной Москвы и сказал, что здесь, в этом мире, как раз перед войной в научно-технологическом комплексе по разработке новых технологий «Сколково» был разработан препарат, излечивающий любую стадию ОЛБ и одновременно регенерирующий поврежденные ткани. И что информация об этом пре-

парате находится в общей базе данных Сколковского НТК.

– А... при чем тут «Кантемировская»? – спросил Данила.

– Во время битвы при Апрелевке, когда Четвертая отдельная танковая бригада сдерживала армаду боевых роботов, в Кремль свозили самое необходимое – оружие, еду, боеприпасы. И тогда было уже не до научных достижений. Так вот, по моей информации, базу данных НТК перевезли в систему тайных укрепленных складов Четвертой танковой бригады. И представляет она собой небольшой предмет, похожий на гранату с объемом памяти в десять эксабайт.

Насчет объема памяти Данила понял лишь, что это очень много и что речь идет о компьютерах, древних машинах, про которые разведчик знал весьма немного и, честно говоря, не особенно стремился узнать больше. Странно было другое.

– Неужели, если он такой маленький, нельзя было захватить его с собой? – удивился он.

– Его-то захватить как раз несложно. И, как я понимаю, его и захватили, только в суматохе он потерялся и вот сейчас всплыл в Зоне ЗИЛ. Но без считывателя информации это абсолютно бесполезный предмет. Я уверен – считыватель до сих пор находится где-то на секретных складах в районе «Кантемировской». А про носитель информации я знал лишь, что искать его надо где-то на юге Москвы. И оказалось, что он интересует не только меня. Как видишь, тому, кто достаточно уперто что-то ищет, судьба порой подбрасывает интересные совпадения. Что, по моему разумению, и

называется удачей.

«Получается, и я на его пути из разряда этих интересных совпадений, – подумал Данила. – Впрочем, как и он на моем».

– Счастливый ты человек, Снайпер, – сказал Данила совершенно неожиданно для себя. – Цель у тебя есть. А это в жизни главное.

– У тебя ее как будто нет, – фыркнул Снайпер.

– Сейчас нет, – покачал головой Данила. – Раньше была.

– Какая? – поднял бровь Снайпер. – Врагов покрошить больше других? Так то не твоя цель, а общины. Сейчас же у тебя цель знатная. Выжить самому и помочь выжить Кремлю.

– Чем это я ему помогу? – удивился разведчик. – Тем более после того, как меня оттуда выперли?

– Дружок тебя твой оттуда выпер, а не община, – сказал Снайпер, позевывая. – Почему – не знаю. Может, бабу не поделили, а может, и еще что. Про то сам думай. А я пока посплю, пожалуй. Через час разбудишь. Вон часы на правом верхнем мониторе мигают, засекай. Потом твоя очередь.

Слегка обалдевший от слов Снайпера разведчик не сразу понял, что он говорит. Осознав, машинально кивнул – понятно, мол, часы на солнечных батареях в Кремле имелись, целых четыре штуки осталось. Но кивок пришелся уже в спину пришельца из другого мира, который, обняв свой снайперский комплекс, отвернулся к стене и практически

сразу задышал ровно и тихо, как человек, погруженный в глубокий сон.

«Лихо это у него получается, – отметил краем сознания Данила, – Раз – и в отключке».

Но основной работой мозга сейчас было иное.

Как-то не осознавалось ранее, что Ратмир фактически в одиночку принял решение не выкупать пленного. Остальные либо были в его подчинении, либо пошли на поводу у более авторитетного воина. Ни воеводу не вызвал Ратмир, ни даже сотника. Сам все решил, несмотря на острую нехватку обученных воинов на стенах города-крепости.

Но почему? Неужели из-за Радомиры? Но ведь между ней и Данилой ничего не было, так, подначки взаимные, над которыми порой весь Кремль покатывался. Ну так то не любовь же и даже не привязанность. Хотя...

Перед глазами Данилы, словно маслом писанная, встала женская фигурка, увиденная на площадке сильно побитой войной и временем угловой Москворецкой башни. Уж не Радомира ли то была? Хотя нет, померещилось, наверно. Зачем тешить себя надеждой, что ты кому-то нужен в родном доме, если не знаешь этого наверняка?

Да и вообще, зря это все Снайпер сказал, только душу разбередил. Чем изгнанник сможет помочь Кремлю против орды нео, сговорившихся с шамами и био? Обещанным «Валом»? Смех, да и только. Надежду, что ли, решил дать Снайпер, цель жизни наметить? Да только зря это он, кому нужны

несбыточные надежды и призрачные цели?..

Предаваясь таким невеселым думам, Данила подошел к стене с мониторами, уселся на стул и принялся внимательно рассматривать чудо, доселе невиданное.

Шестнадцать экранов передавали черно-белое изображение, причем на четырех из них картинку было не разобрать – сплошь полосы какие-то, похожие на сетку из небольших молний. Мерцание одно, но тоже необычно. Завораживает. Как окно в другой мир, непонятный, странный, неподвластный разумению.

Но очарование мерцающими экранами прошло быстро, так как ничего интересного на них не происходило. Так, застывшие статичные картинки – коридор, подсвеченный тусклыми плафонами, опять коридор, угловой поворот коридора, дверь с почти такой же надписью, что и на той, которую миновали недавно:

1 ПК 10

В РЕЖИМЕ № 2

ДВЕРЬ – ОТКРЫТЬ!

И снова кусок коридора с квадратной дырой вентиляционной решетки. А также знакомый участок, заляпанный темными пятнами крови перед дверью, в которую они вошли. И вторая картинка рядом, отображающая дверь с абсолютно аналогичной надписью, – не иначе обратная сторона запертой двери, ведущей в венткамеру изнутри лабиринта вентилируемых помещений.

Данила напряг память, вспоминая, что значат слова «камера слежения», «пульт охраны» и «тревожная кнопка». Все эти слова были связаны вот с этими экранами и когда-то давно вдалбливались в головы будущих воинов. Зачем? Тогда это было непонятно, особенно на экзаменах, где все эти кнопки и камеры были лишь рисунками на плакатах. Может, не оставляла учителей надежда, что кто-то из молодого поколения когда-нибудь будет вот так сидеть перед работающей охранной системой и вспомнит что-то из бесполезного и никому не нужного материала?

Зрительная память у Данилы была хорошая, не зря в разведку взяли. Прикрыв на пару мгновений глаза, он вызвал в памяти виденные в отрочестве старые рисунки, покрытые лаком в несколько слоев. Потом сопоставил воспоминания с тем, что находилось перед ним, – и все встало на свои места.

Получается, кабели камер слежения расположены вдоль вентиляционной системы, и видеокамеры находятся примерно в тех же местах, где и выходы воздуховодов. Что это нам дает вкупе с информацией Снайпера о вентиляционном грибе? А то, что под Зоной расположен довольно обширный вентилируемый комплекс, в котором идет какая-то работа, которую нельзя делать на поверхности. Здания-то полуразрушенные никто не восстанавливает, видно же, что со времен Последней Войны к ним не притрагивались. Хотя может быть, что это просто маскировка. От кого? Кто может сверху интересоваться Зоной?

Данила припомнил рисунки и фотографии древних летательных аппаратов и усмехнулся. Фантазировать – дело, конечно, полезное, абстрактное мышление воина развивает, помогающее предугадывать ходы противника, – но не до такой же степени. Хотя что там Мозг говорил об уцелевших спутниках?..

Размышления Данилы прервало какое-то движение на втором снизу мониторе. Разведчик глянул, открыл рот – а закрыть-то и забыл от удивления.

По хорошо освещенному коридору двое собакоголовых неторопливо везли стальную каталку, на каких в кремлевском Госпитале возят тяжелобольных. Только у этой имелось усовершенствование – две пары широких металлических браслетов, приваренных с боков к раме каталки. В браслеты был запакован здоровенный нео, морду которого пересекал уродливый шрам.

Мутант лежал на спине, глядя прямо в объектив камеры, и, наверно, выл от безысходности – столько смертной тоски было в его широко открытых глазах. Воя, несущегося из приоткрытой пасти монстра, Данила не слышал – камера передавала лишь изображение. Разведчик почувствовал его кожей. Нео знал, куда его везут. И боялся. И это было странно. Нео вообще не боится смерти и очень этим гордятся. Куда же везли сейчас мохнатого воина и что так могло его напугать?

Изображение на мониторе давно сменилось унылой картинкой, отображающей участок коридора, но Данила все

еще осознавал увиденное. Напуганный нео... Такое он видел впервые.

Прошло около двадцати минут. Данила продолжал добросовестно изучать экраны, в том числе и те, на которых демонстрировались участки перед двумя входами в венткамеру – снаружи и изнутри. Но все было спокойно. Похоже, Снайпер оказался прав. Погоня, не найдя следов нарушителей, либо решила продолжить поиски с утра, либо пришла к выводу, что беглецы утонули вместе с грузовиком, в темноте въехав в озеро маслянистых отходов.

На одном из мониторов вновь наметилось движение. Данила впился взглядом в мерцающий прямоугольник...

Снова каталка. И снова на ней... Что? Или кто?

Такие мутанты разведчику раньше не встречались.

Абсолютно лысая голова, очертаниями смахивающая на обтянутый тонкой кожей череп мертвеца. Большой миндалевидный глаз точно посередине лба, перечеркнутый вертикальным зрачком. Сразу под нижним веком глаза начинался тонкий, классический нос, какие Данила видел на изображениях греческих статуй. И прямо под носом – такой же миндалевидный разрез безгубого рта, отличающийся от глаза лишь отсутствием глазного яблока. Но это еще не все. Из пустых глазниц по обеим сторонам носа росли небольшие гибкие щупальца с утолщениями на концах. Сейчас эти щупальца беспокойно метались по лицу мутанта, словно пытались хоть как-то помочь хозяину, но не зная, как это сделать.

Сделать это и вправду было мудрено, так как хозяин шупалец был не только прикован к каталке приваренными наручниками. Его тщедушное тело несколько раз перехватывали массивные цепи, уходящие под днище каталки и, судя по всему, там же и зафиксированные замком. Более того – горло мутанта обвивала тонкая сверкающая струна, тянущаяся к толстому кожаному напульснику на запястье одного из собакоголовых. Идея понятна – если кто-то попытается освободить это странное и жутковатое существо на каталке и убьет собакоголового, то тот, падая, рванет струну, которая, словно бритва, перережет тонкую шейку пленника.

Странно показалось Даниле, что такого вотдохлого мутанта зафиксировали гораздо надежнее здорового неомута. И еще более странным было ощущение, что единственный глаз, горящий во лбу монстра, смотрит прямо на него с экрана монитора. Почудилось разведчику, будто его мозга мягко коснулись невидимые, но вполне осязаемые пальцы и неслышный голос в голове прошептал лишь одно слово: «Помоги!..»

Данила невольно зажмурился – слишком явным был морок. Он весьма смутно представлял себе, как работает связка камера – кабель – монитор, но при этом осознавал, что мутант на каталке никак не мог видеть его. Но в то же время факты – вещь упрямая. Когда он вновь открыл глаза, на мониторе уже никого не было, лишь в голове осталось странное ощущение, какое бывает на коже после легкого мимолетного

прикосновения.

Но и оно держалось недолго.

«Морок», – повторил про себя Данила, все больше утверждаясь в мысли, что только что увиденное и услышанное лишь почудилось. Говорят, с недосыпа да недоедания и не такое бывает...

При мысли о еде заурчал желудок, мол, хозяин, хватит развлекаться со старинными игрушками, питание кончилось.

Питание лежало на краю стола. Таблетка, данная Снайпером, и ампула рядом с ней. Забыл Данила о данном ему противоядии сначала за разговором, а после за разглядыванием живых тайн Зоны, которых возили туда-сюда собакоголовые мутанты.

Он усмехнулся про себя. Кому скажи – не поверят. Забыть о противоядии, ради которого шел под пули, дрался с осьминогом, договаривался с собаками-биотехами, бился с охранниками периметра... А ради противоядия ли бился-то? Не все ли равно воину, когда умереть, если к этой мысли приучали с детства? Наслаждение жизнью при ежеминутной готовности к смерти – норма, при которой немудрено забыть о какой-то ампуле.

Данила взял двумя пальцами ребристый стеклянный цилиндр, посмотрел на свет. Внутри ампулы переливалась вязкая, бесцветная жидкость.

«Бесцветная жизнь, – пришла мысль. – У многих она та-

кая. Тягучая и бессмысленная. Пока однажды кто-то не откроет ампулу или не разобьет случайно».

Он резко и сильно щелкнул пальцем по белой точке на кончике цилиндра, и его верхушка улетела куда-то под раздолбанный шкаф, в кучу мусора. Одним движением вытряхнув в рот вязкое содержимое, Данила отправил пустую ампулу в ту же кучу.

Противоядие оказалось безвкусным. Никаким.

«Как та самая чья-то жизнь, которую сожрал, не заметив, второй номер спящего убийцы-гения», – усмехнулся Данила. И подивился про себя мудреным мыслям, обнаружившимся в голове. Вот уж не ожидал найти в себе такое. Наверно, до этого просто не было времени как следует подумать? Учение, тренировки, наряды, рейды, даже несение караула не располагало к размышлениям. А тут накатило ни с того ни с сего. Хотя, может, просто жизнь в коллективе не располагает к размышлениям, и это удел одиночек, выброшенных судьбой в непривычные для них условия существования?

«Ладно, хорош мудрствовать», – приказал Данила сам себе и распечатал таблетку.

Темно-зеленый кругляк пах какими-то травами и был приятен на вкус. И крайне функционален. Разведчик проглотил таблетку, и через несколько минут пришло ощущение, словно он только что съел корову. Впрочем, вскоре оно сменилось просто легкой, приятной тяжестью в желудке, какая случается после обильного употребления вовнутрь све-

жей и хорошо прожаренной говядины вместе с кружкой-другой клюквенного морса – вместе с голодом пропала и жажда.

«Не иначе химия какая», – подумал Данила. Слово «химия» было старым, полузабытым, значение его помнили немногие, и употреблялось оно в Кремле в основном как заменитель слова «мелкое колдовство» в отрицательном значении. Набодяжит лекарь какое-нибудь отвратное пойло от незначительного недуга, вздохнет человек: «вот химию-то развел» – и выпьет, морщась, кривясь и поминая того лекаря незлым тихим словом...

А потом, когда голодный организм получил свое и успокоился, начало мучить что-то другое. Тот печальный глаз мутанта, с которого заботливые щупальца смахнули слезу, и беззвучное «Помоги!» не отпускали. Данила уж и так и эдак себя уговаривал – мол, кто знает, куда возили мутантов собакоголовые и мало ли что могло почудиться после таких-то приключений... Но все равно муторно было на душе почему-то. Настолько муторно, что, не дождавшись пятнадцати минут до назначенного времени, Данила разбудил Снайпера.

Тому много не надо было – едва разведчик приблизился на расстояние двух шагов, спящий открыл глаза, словно до этого не спал, а притворялся и ждал, пока Данила подойдет.

– Что случилось? – спросил Снайпер.

– Собакоголовые мутантов возят на каталках.

– Я видел. И что?

– Одному из них требуется помощь.

Снайпер сел на кровати, положив ВСК-94 себе на колени.

– Ну, если мутантов возят, то, наверно, всем им помощь требуется?

Данила замялся. Спасать нео? Глупость какая-то. Спасти затем, чтобы, когда он на тебя бросится, его убить? А нео обязательно бросится. У них даже когда вожди решаются на редкие переговоры с людьми, то проходят те дипломатические миссии по одному и тому же сценарию – наши на кремлевской стене, нео – внизу, под стеной. Иначе не переговоры то будут, а просто очередной бой.

– Ну ладно, предположим, одного надо спасти, – сказал Снайпер. – И чем он тебя зацепил? Небось красивая кيو вроде Насти?

– Я не знаю, кто это, – просто сказал Данила. – Но думаю, что это шам.

– Кто?

– Шаман. Колдун очень сильный. Про них только слухи всякие, будто они повелевают туманами и могут властвовать над живыми существами силой мысли. Но их вживую никто не видел...

– И что нам даст, если мы его спасем?

Этого Данила не знал. Просто шелестел в голове беззвучный призыв о помощи и была откуда-то уверенность, что помочь надо. И все.

– Так. Понятно, – сказал Снайпер, потирая виски пальцами. – Он тебе мысленный приказ передал.

Данила покачал головой.

– Просьбу. Его на смерть везли. Тут уж не до приказов.

Снайпер внимательно посмотрел на дверь, потом на косяк, к двери примыкающий.

– Просьбу, значит, передал. Через несколько метров бетона... Что ж, напарник, живому существу требуется помощь. Значит, надо попытаться помочь. Как я понимаю, спать ты не собираешься?

Данила помотал головой. И не такое приходилось терпеть на Испытании перед посвящением в воины. Подумаешь, сутки без сна, переживем.

– Тогда ладно, – сказал Снайпер, поднимаясь с кровати. – На каком, говоришь, мониторе ты это видел?..

* * *

Коридор был широким, словно улица. Только по обеим сторонам ее не дома стояли, а бетонные стены метра по четыре высотой.

– На танках они тут, что ли, ездят? – буркнул Снайпер.

Что такое «танк», Данила знал хорошо. В Кремле такой стоял перед Оружейной палатой. Понятное дело, что все ценное с него сняли давным-давно, с тех пор как при вылазках на вражеских боевых роботов был потрачен весь боекомплект, а в баках закончилось горючее. Так и замер посреди площади Т-90, легендарный танк Последней Войны, похо-

жий на хищного зверя, приготовившегося к смертоносному прыжку... которому без снарядов и топлива уже никогда не осуществиться в реальности...

Строили подземную Зону от души, не жалея средств. В самом начале пути, когда только окончился спуск в подземелье по бесчисленным ступеням, Снайпер высказался:

– Сто процентов все это одно гигантское бомбоубежище. Вернее, подземный город на случай войны, которая произошла, мягко говоря, давненько, но при этом никто из выживших из-за периметра не вышел. Получается, что город живет, сам себя обеспечивает и во внешних контактах не нуждается...

Коридор тянулся из темноты и уходил в темноту, несмотря на исправно светящиеся плафоны под потолком. Просто маловато света оказалось для таких глобальных архитектурных решений, и, что находилось метрах в двухстах впереди, разглядеть было решительно невозможно.

Похоже, в древности основной коридор имел ответвления, ныне заложенные кирпичом. Лишь плохо покрашенные квадраты от тех ответвлений и остались.

– Не могли мы ошибиться, – сказал Снайпер. – Где-то здесь должен быть вход внутрь базы.

Незаложенный проем метра в два высотой обнаружился через полсотни шагов. Ни двери, ни даже раздолбанного турникета – входи кто угодно, иди куда хочется. За проемом была хорошо видна противоположная стена того самого кори-

дора, который Данила видел на мониторе.

– Как-то странно это все, – сказал Данила. – Я в венткамере все ждал, когда собакоголовые ломиться в двери начнут.

– А на кой им ломиться, под пули подставляться, если они уверены, что мы из этого подземелья никогда не выйдем? – отозвался Снайпер. – Отсюда гости из-за периметра, судя по всему, только на каталках выехать могут. Вот только куда и в каком виде – это вопрос. И дырка эта в стене тоже вопрос. На мышеловку очень похоже. Заметь – свету здесь в разы больше, чем в остальном коридоре. Интересно, для чего понадобилась такая подсветка...

Он вытащил из кармана стреляную гильзу и бросил ее в проем. Зеленый стальной цилиндр ударился о бетонный пол, отскочил от него, звякнул о противоположную стену, прокатился по бетону пару дециметров...

Ничего не произошло. Гильза лежала на полу пробитым капсюлем к зрителям.

– Ты всегда всякий хлам в карманах носишь? – поинтересовался Данила.

– Привычка, – буркнул Снайпер.

– Наверно, как раз для таких случаев, – понимающе кивнул разведчик.

– Знаешь, ты не ошибся, – вполне серьезно отозвался Снайпер, не оценив иронии напарника. – А ну-ка, поддержи.

Он сунул Даниле в руки свой снайперский комплекс, вдохнул-выдохнул глубоко и вдруг, разбежавшись, прыгнул.

В воздухе его тело изогнулось, и в проем он влетел вперед ногами, словно собирался протаранить каблуками противоположную стену коридора.

Подошвы Снайпера ударились о бетон, ноги согнулись, будто две мощные пружины...

«Хороший удар получится, если вот так по врагу каблуками долбануть...» – пронеслось в голове Данилы. Но додумать мысль он не успел.

Боковой коридор взорвался серией резких, мощных ударов, словно кто-то невидимый в его глубине принялся колотить ломом по огромному железному котлу. Данила увидел, как бетонную стену вспороли невидимые когти, выбив из нее облака мелкого крошева, – но Снайпера там уже не было. Оттолкнувшись ногами от стены, он уже, сгруппировавшись, катился по полу в безопасной зоне большого коридора.

Данила оторопело смотрел на то, как оседает пыль в столь гостеприимно подсвеченном проеме бокового ответвления.

– Вот такие пирожки с котятами, – сказал Снайпер, поднимаясь с пола и отряхивая пыльник. – У них там 6П50-3 с 6У16 на СП стоит с тепловизором и автоматическим наведением.

Настолько далеко знания разведчика о древнем вооружении не простирались.

– Чего там стоит?

– А, ну да... Крупнокалиберный пулемет «Корд» на специальной стойке, – пояснил Снайпер, забирая у напарника

свой ВСК-94. – Реагирует на тепло живого тела. Думаю, крыс у них здесь не водится... Хотя подожди. Те собакоголовые точно по этому коридору нарезали. Значит, у того «Корда» в боковом коридоре имеется электронный считыватель, который распознает, кто свой, а кто не совсем.

Он окинул взглядом фигуру Данилы. И распорядился:

– Камуфляж снимай.

– Это еще зачем? – не понял разведчик.

– Думаю, где-то в нем вшит электронный ключ, отвечающий на запрос охранной установки при входе в боковой коридор. Главное, чтобы у наших «двухсотых» был доступ в этот сектор.

Что такое «двухсотые», Данила не знал, но идея Снайпера ему не понравилась.

– То есть ты хочешь в моем камуфляже проверить свою теорию?

– А ты догадливый, – сказал Снайпер. – Слушай, давай не будем время тянуть, а? Снимай шмотки.

И принялся расстегивать свой пыльник. Этим Данила и воспользовался.

Он прыгнул с места, «рыбкой». Пролетел метра полтора, руками оттолкнулся от пола, кувырнулся, набирая скорость. Вторым мощным прыжком вошел в проем, словно кошка, коснулся стены всеми четырьмя конечностями, оттолкнулся и, спиной вперед точно войдя в проем, обратным кувырком завершил движение и встал на ноги.

На его лице блуждала победная ухмылка. Выстрелов не было, тест пройден, а победителей, как известно, не судят. Но когда он увидел глаза Снайпера, веселье с его лица сползло моментально.

– Ты что и кому доказать хочешь?

Замороженные слова падали словно куски колотого льда на дно жестяной посуды.

– Тебе мало, что по собственной дури из Кремля выперли? Решил и здесь показать, какой ты крутой?

– А ты мне что, в няньки нанялся? – проворчал Данила. – Я, между прочим, в Кремле в разведке был, а это...

– Был.

Самый большой кусок льда ударил прямо в душу.

– А теперь ты просто пацан с хорошей физподготовкой, который умеет круто махать шашкой, метать ножи и скакать как... неважно кто. Кремль для тебя в прошлом, и лучше о нем забыть.

Данила криво усмехнулся, повернулся спиной и пошел. Куда? А все равно куда, лишь бы подальше отсюда.

– Это самое легкое – сбежать, – прилетело в спину, – Особо-бенно когда ты нужен.

Разведчик остановился. Почему у него такое ощущение, что он по новой проходит курс молодого бойца, а этот небритый мужик из прошлого его пестун, вбивающий в тупую голову основы военного дела.

«Может, так оно и есть? – пришла мысль. – В Кремле я

учился оборонять крепость. А сейчас – выживать там, откуда не вернулись до меня лучшие разведчики».

Он повернулся и пошел обратно. Далось ему это нелегко, гордость так и норовила выплеснуться наружу, но Данила пересилил себя.

– Что надо делать? – глухо произнес он, твердо решив про себя, что, если Снайпер начнет настаивать на переодевании, он просто швырнет ему трофейный камуфляж в лицо и уйдет. Только что было сказано «ты нужен», а не «твоя одежда». Значит, если он отвечает за свои слова, то...

И снова ему не дали мысленно достроить планы отмщения.

– Надо дойти до пулемета, отключить привод, идущий к спусковому крючку, и позвать меня.

Данила кивнул, подобрал автомат и, не оборачиваясь, вошел в коридор. На душе было погано, причем больше от осознания, что Снайпер прав. В любой команде, пусть даже если она состоит из двух человек, есть старший. Неважно, чем он превосходит остальных – опытом, харизмой, силой, умом, – но это закон природы и любого общества, и против него не попрешь. И сейчас его дело учиться, перенимать опыт, а не выпендриваться.

Ну и ладно. Будем перенимать и не выпендриваться...

Он шел по коридору навстречу нервно подрагивающему стволу пулемета. Казалось, будто живая, хищная тварь уставилась в его грудь единственным бесконечно черным зрач-

ком, готовясь выплюнуть в жертву струю раскаленного яда. Судя по пулевым отметинам на стенах, случись такое – и от Данилы остались бы лишь куски теплого мяса, разбросанные вдоль коридора. Но какая разница для воина – сейчас или завтра? К тому же это очень хорошая смерть, когда умираешь быстро, не успев осознать, что же с тобой произошло...

Вот так, прогоняя в голове основы психологической подготовки воина, привитые с детства, разведчик дошел до уставки.

Мощная машина смерти поневоле внушала уважение одним своим видом. Есть какая-то внутренняя сила в хорошем оружии, все равно что это – меч известного мастера или древний черный пулемет на стальной зеленой подставке, напоминающей зеленую ногу гигантского насекомого. У ноги имелась специальная подставка, на которой был зафиксирован небольшой металлический ящик с блестящими точками видеокамер. От ящика к спусковому крючку пулемета тянулся тонкий тросик с зажимом на конце, напоминающим маленькие челюсти.

Данила осторожно разжал челюсти и снял зажим. Недовольно заурчали сервомоторы. Пулемет начал рыскать стволом, словно крысособака, упустившая добычу, – но все было бесполезно. Если у крысособаки выбить зубы, води не води рылом, а никому она уже не причинит вреда.

– Можно! – крикнул разведчик.

Снайпер вышел из-за угла, приблизился, окинул внима-

тельным взглядом пулемет, потом посмотрел на Данилу, потом снова на пулемет...

– Что? – спросил разведчик. – Что-то не так?

– Да нет, все нормально. Молодец, – задумчиво проговорил Снайпер, почесывая подбородок. – Только чует моя пень, что в сердце этой Зоны нам понадобится нечто большее, чем пара автоматов. Так, если мне маразм не изменяет, то снимается оно вот так...

Меньше чем через минуту на бетонном полу, расщепившись на сошки, словно стальная сколопендра перед атакой, стоял пулемет. Сервомоторы стойки жужжали все требовательнее, пока Снайпер не долбанул ботинком по ящику с видеокамерами. Тот слетел с подставки, ударился об стену и раскололся надвое, просыпав при этом на пол часть электронных мозгов. Только после этого надоедливое жужжание прекратилось.

– Вот такое вот наследие прошлого, на удивление хорошо работающее сегодня, – произнес Снайпер. – Тридцать три кило веса вместе с лентой, калибр двенадцать и семь. С двухсот метров прошибает десятимиллиметровую бронированную плиту, с трехсот крошит в труху кирпичную стену. А еще единственная в моем мире машинка такого калибра, из которой можно стрелять с рук.

Он испытующе посмотрел на Данилу.

– Сможешь эдакий агрегат на себе потаскать?

Данила хмыкнул. Не однажды приходилось одному на

руках переносить легкие трехфунтовые пушки, отлитые из бронзы весом под шесть пудов, – и это было нормально, ничего из ряда вон выходящего. Взял и понес. Находились богатыри, которые в одиночку и десять пудов поднимали, и носили их куда потребуется, хочешь на стену, хочешь на башню кремлевскую. Двухпудовый пулемет, конечно, не пушинка, но уж как-нибудь справимся.

Так он и сказал. И добавил:

– Ремень бы к нему какой через плечо. Тогда б вообще было нормально.

Ремень нашелся. Снайпер снял его с трофейного автомата и ловко приделал к «Корду».

– «Калаш» твой я пока потаскаю, – добавил он. – Потому как чует мое сердце, что на стрельбу установки по нам уже отреагировали и сюда мчится какой-нибудь собакомордый спецназ. В такой обстановке мой ВСК без надобности. Короче, смотри, лента почти полная, выстрелов на сорок, так что не увлекайся.

– В общем, все как обычно, – усмехнулся Данила. – Очередями не стрелять, высоко не прыгать.

– Точно, – кивнул Снайпер. – Ну, пошли, что ли. Авось успеем найти твоего визави, пока местная спецура не нашла нас...

Снайпер не ошибся. «Спецура» отреагировала оперативно. Правда, эхо грохота кованых берцов о бетонный пол было слышно за километр, и нарушители спокойствия Зоны бла-

гополучно скрылись от погони в одном из многочисленных боковых коридоров.

Не иначе это было ответвление ряда каких-то хозяйственных помещений, давно забытых и заброшенных. Вдоль полутемного коридорчика тянулись обветшалые фанерные двери, прикрывающие входы в тесные комнатухи. Оканчивался коридорчик аналогичной незапертой дверью, за которую и нырнули Снайпер с Данилой.

Фонарь Снайпера выхватил из темноты небольшую комнатку площадью метров пятнадцать квадратных, облезлые, когда-то зеленые шкафчики для переодевания, разломанную скамейку, стул, на удивление хорошо сохранившийся, и красный плакат у стены с надписью: «24 февраля 1985 года **ВЫБОРЫ** в Верховный Совет РСФСР и местные советы народных депутатов. **ВСЕ НА ВЫБОРЫ!**» Нижний угол плаката рядом с эмблемой в виде серпа и молота был слегка обуглен, но надпись, набитая желтой краской через трафарет, читалась отлично.

– Такое не горит, – сказал Снайпер, кивнув на плакат. – Это вечно, как деньги образца шестьдесят первого года.

Что он имел в виду, Данила не понял. Был какой-то давний период в истории, связанный с такой вот эмблемой на кровавом флаге, но разведчику сейчас было не до экскурсов в прошлое. Он перехватил пулемет поудобнее и, направив ствол на дверь, приготовился стрелять, как только в проеме покажется первый силуэт с квадратными плечами.

Силуэт не появился. Более того, невидимые берцы прогрохотали мимо входа в коридорчик и заглохли в отдалении.

– Ну и ладно, – сказал Снайпер, опуская автомат и доставая из кармана небольшое устройство с экраном и кнопками. – Лучший бой – это тот, который не начался. Пусть вынюхивают дальше, а нам пора. Кстати, по моим подсчетам, мы сейчас недалеко от конечной точки маршрута.

– В смысле? – не понял Данила. – Тот мутант близко?

– Ну, насчет мутанта тебе виднее, это у вас с ним ментальная связь, – хмыкнул Снайпер, тыкая пальцем в кнопки устройства. – Я про тот грузовик, который памятник, и про желтое здание рядом с ним, в котором запрятана информационная граната из Сколково. И заодно про усиленно охраняемый мозговой центр Зоны.

– Мозговой центр?

– Ну да, – пожал плечами Снайпер. – Думается мне, что всей этой бандой мутантов кто-то управляет, причем телепатически.

Данила наморщил лоб.

– А что такое «биотех»? – спросил он.

– Био...тех? – переспросил Снайпер. – Ну, не знаю. Может, какой-то объект биотехнологий. А к чему вопрос?

– Да так... – замялся Данила, не зная, под каким соусом подать свою беседу с крысособаками. Еще сочтет напарник за блаженного. – Слово такое услышал...

– От мутанта?

– От... от крысособаки.

Луч фонаря вновь распорол темноту и осветил руку разведчика. И длинный шрам на ней, в свете фонаря показавшийся вживленным под кожу черным трупом стальной сколопендры, сгоревшей в разложившейся плоти убитого мутанта.

– Она тебя лизнула? – быстро спросил Снайпер. – Не укусила, а именно лизнула, в знак благодарности?

Данила кивнул, про себя удивляясь осведомленности напарника.

– Понятно, – сказал Снайпер. – Как я раньше не догадался. Что ж, поздравляю. Ты получил дар от мутанта. Или проклятие, тут уж тебе решать. Короче, теперь ты можешь телепатически общаться с теми существами, которые умеют переговариваться с помощью ментальной передачи мыслеобразов. Но в то же время любая такая тварь будет знать, где ты находишься, – если ты, конечно, не научишься защищаться, ставить экраны. А я-то все не мог допереть, как тот собако-головый ночной охотник увидел нас в темноте без специальной аппаратуры.

– Думаешь, они тоже переговариваются мысленно? – спросил Данила, внутренне холодея.

– Думаю, не все, – ответил Снайпер. – Иначе бы нас давно вычислили, как по пеленгу, и нашинковали свинцом, словно булку изюмом. Наверно, есть у них способности, но ненамного выше человеческих. Так, что-то типа переразвитой

интуиции. Но это мы с тобой потом обсудим. Пора выдвигаться...

Коридор был унылым и однообразным. Квадратная бетонная труба три на три метра, полого уходящая вниз. По стенам вились все те же черные змеи кабелей, под потолком тускло мерцали все те же лампочки.

– Как путь грешника в ад, – хмыкнул Снайпер. – И знаешь, меня все больше тревожит отсутствие вражьей силы в этом коридоре. О нас определенно знают, но с того момента, как мы добровольно влезли в этот каменный мешок, реагируют как-то вяло. Заманивают, что ли?

– Или не придают значения, – отозвался Данила.

Ремень тяжелого пулемета, переброшенный через плечо, уже немного отдал тропецеобразную мышцу. Но это была приятная боль. Даниле нравилось его новое оружие. Нравилась его спокойная, укрощенная мощь, до поры таящаяся в стальном теле, нравилось то, как оно удобно лежало в руках, сливаясь с воином в одно целое, нравились запакованные в ленту патроны, похожие на наконечники сулиц – коротких копий, которые хороший боец обучен метать со стены точно в переносицы идущих на штурм нео...

– Или так, – согласился Снайпер. – Но, думаю, по-любому в конце нас ждет неслабое шоу.

Он даже не догадывался, насколько был прав...

Конец слабо освещенного коридора медленно выплыл из полумрака, как морда сома-переростка из глубин омуты.

Мощные раздвижные двери были весьма похожи на сомкнутые челюсти подводного чудовища. А по бокам створок, клепанных из бронелистов, стояли две пулеметные установки, аналогичные той, что была обезврежена Данилой.

— Подставились, — с досадой шепнул Снайпер. — Расходимся...

И текучим движением ушел влево, одновременно вскидывая автомат. Данила тоже повел стволом в сторону 6П50-3, осознавая, что пулемет с автонаведением на стойке наверняка выстрелит точнее, чем то же оружие, находящееся в руках человека. Палец уже выдавил половину слабины спускового крючка... когда разведчик осознал, что «Корды» на стойках не шевелятся. И что около зеленых стальных стоек валяются черные кучи, напоминающие очень габаритные трупы в характерных бронекостюмах.

— Не стрелять! — донеслось слева.

— Догадываюсь, — отозвался Данила. — Что там произошло?

— Сейчас узнаем...

Две 6П50-3, охраняющие створки, не были снабжены устройством автоматического наведения. У пулеметных установок дежурили собакоголовые охранники, которые сейчас лежали на полу неподвижными кучами бронированного неживого мяса.

Снайпер ножом вспорол защелки одного из шлемов, и на напарников жутко уставились глаза мертвого мутанта, вы-

лезшие из орбит. Белков не было видно. Глазные яблоки напоминали пузыри, под давлением заполненные кровью и готовые вот-вот взорваться веером багровых брызг.

– Что это с ним? – спросил Данила.

– То, что его убило, прилетело не снаружи, – отозвался Снайпер. – Оно просто взорвалось внутри их голов. Так умеют убивать мутанты-телекинетики. Но я не знаю ни одного мутанта, который смог бы сделать это через бронированную дверь без визуального контакта с целью.

– Может, было достаточно того, что я их увидел? – предположил Данила.

– Может быть, – задумчиво произнес Снайпер. – И я очень надеюсь, что твой друг, с которым ты познакомился через монитор, будет преисполнен чувства благодарности, если нам удастся его освободить.

– Думаешь, может быть по-другому?

– Запросто, – сказал Снайпер. – Чаще всего в жизни по-другому и случается. Ты на всякий случай одну ленту сними про запас да перекинь через плечо. Глядишь, пригодится...

Электронный ключ от двери нашелся в нагрудном кармане второго трупа. Простая прямоугольная карточка цвета пулеметной стойки с серией цифр на ней.

– Хорошо живут, кроты, среди прогрессирующего Средневековья, – хмыкнул Снайпер, вставляя прямоугольный кусочек пластмассы в узкую прорезь устройства, вмурованного в стену возле створок. – Электронные считыватели, авто-

матические пулеметы, бронированные... как их? Биотехи? Ну что, готов?

Данила сдержанно кивнул. Ствол его пулемета был нацелен на центр створок – с такого положения удобнее довернуть оружие в любую сторону, дверка-то широкая, и кто знает, что за ней.

Считыватель щелкнул, принимая код. Тихо загудели невидимые моторы, растаскивая вверх-вниз многотонные бронелисты...

– Ну, поехали, – сказал Снайпер, поудобнее перехватывая автомат...

Бронированные створки ушли в пол и в потолок. За ними находился огромный зал, освещенный множеством мощных потолочных ламп. Когда-то это, наверно, был цех по сборке автомобилей. Сейчас в нем тоже собирали... но далеко не автомобили.

Впереди, насколько хватал взгляд, лежал широкий проход, по обеим сторонам которого шла увлеченная работа. Собакоголовые мутанты сосредоточенно снимали шкуры с живых мутантов других пород, после чего запихивали окровавленные и еще живые тела в вертикально стоящие металлические формы-контейнеры, углубления которых очень напоминали контурами тела собакоголовых. Если несчастное существо в форму не помещалось, лишнее подравнивали ножами, а отрезанные куски плоти запихивали в пустоты контейнера. Потом заполненный полуживым мясом металличе-

ский параллелепипед накрывался прозрачным колпаком с множеством игл и трубок, к этим иглам присоединенных. Иглы в нескольких десятках мест пронзали окровавленную плоть, после чего по трубкам в контейнер начинала поступать бледно-синяя жидкость.

Несколько контейнеров, похоже, были уже запакованы довольно давно. В некоторых из них плоть мутантов растворилась настолько, что теперь стало невозможно понять, кем было несчастное существо до того, как оно попало в руки своих палачей. В остальных контейнерах растворенная плоть стала более вязкой, и в них уже угадывались знакомые контуры тел, которые через некоторое время должны были стать новыми собакоголовыми.

Все это Данила схватил одним взглядом. И осознал как-то сразу, словно кто-то намеренно вложил ему в голову картинку, до этого увиденную другим.

– Н-да... Кажется, теперь я догадываюсь, как в моем мире готовит программируемых бойцов одна очень известная группировка, – пробормотал стоящий рядом Снайпер.

Метрах в десяти от Данилы собакоголовый мутант специальным ножом снимал шкуру с нео, прикованного за запястья и щиколотки к вертикальной стойке, сваренной из двух стальных полос в форме буквы «Х». Залитой кровью клинок с крюком на конце легко вспорол мохнатую шкуру. После чего отработанным движением нож перевернулся в ладони собакоголового, стальной зуб зацепился за край разре-

за. Молниеносное движение сверху вниз – и шкура на лапе мутанта распалась, словно на ней расстегнули молнию. Собакоголовый, не обращая ни малейшего внимания на появление Снайпера с Данилой, принялся отделять шкуру от подрагивающего мяса. Дело было уже наполовину закончено. Шкура с торса нео комком окровавленной шерсти валялась у ног палача.

Нео был тот самый, которого видел Данила на мониторе, – разведчик узнал мутанта по уродливому шраму на морде. Но сейчас в его глазах уже не было смертной тоски. Данила понял – нео уже увидел Черную Границу, за которую уходят души убитых воинов его племени, и сейчас хотел лишь одного.

Взгляд мутанта пересекся со взглядом Данилы.

– Добей... – прохрипел нео.

Разведчик кивнул. Враг был воином, и он должен был умереть как воин. И наплевать, если кто-то думает иначе.

Пулемет забился в руках Данилы словно хищный зверь, пытающийся вырваться на свободу из железной хватки разведчика. Но Данила крепко держал свое оружие, направляя ствол туда, куда было нужно.

Тяжелые пули разорвали надвое тело собакоголового палача, насквозь прошли грудь умирающего нео и вырвали окровавленную стойку из бетонного пола. Эхо короткой очереди разнеслось по цеху. И вернулось обратно вместе со словами Снайпера:

– Твою мать.

Произнес он их в полной тишине. Понятно, что не одобрял он действия Данилы. Но, наверно, при этом должен был понимать, что не мог разведчик поступить иначе.

Правда, в следующую секунду Данила понял, что слова эти были сказаны вовсе не по поводу его решительных действий.

Да, из боковых проходов сейчас выскакивали бронированные собакоголовые, вскидывая автоматы. Но не эта вполне ожидаемая картина удивила Снайпера.

В самом конце цеха из самого дальнего бокового ответвления в проход между контейнерами вышло что-то странное – не то механизм, не то живое существо, плотно запакованное в металлическую броню.

С виду оно напоминало самку руконога, которую Снайпер с Данилой и Настей уничтожили недалеко от станции «... кузнецкая». Восемь тонких, нервно переступающих суставчатых ног осторожно несли платформу... нет, две платформы, между которыми находился черный кристаллический конус, защищенный стеклом, не иначе бронированным. Позади этого чуда чуть не до самого потолка возвышался длинный и гибкий хвост, а спереди, из того места, где живым существам положено было иметь морду, высывалось сверкающее комариное жало длиной метра полтора.

Эдакий бутерброд на ножках, состоящий из двух круглых плюх с прозрачной начинкой посередине. И при этом высотой

метров пять, не меньше.

«Все-таки, скорее, механизм», – мысленно подытожил Данила, вспомнив поведение «пристяжи» Мозга и боевого робота на Москворецком мосту. Этот, в отличие от самки руконога, двигался так же дергано и неуверенно, по несколько раз прощупывая дорогу перед собой передними ногами, разве что был во много раз больше.

Все это разведчик додумывал, паля с рук из пулемета по черным фигуркам мутантов. И результаты были не в пример лучше, нежели до этого при стрельбе из бесшумного АО-44. Крупнокалиберные пули вышибали из тел собакоголовых красные фонтаны и отбрасывали их назад, как во время уборки швыряет в угол грязную тряпку нерадивая дворováя девка.

Где-то сбоку стрелял Снайпер, но Данила воспринимал звук его выстрелов лишь краем сознания. Сейчас он был одним целым с пулеметом, как до этого меч был продолжением его руки. Разведчик непостижимым образом знал заранее, какой выстрел поразит цель, а какой, скорее всего, будет выпущен впустую. И делал все возможное, чтобы таких выстрелов было как можно меньше. Прицеливание здесь было не главным. Главное было – ощутить оружие частью себя и направить его в цель, словно оно не кусок инородного металла, который ты сжимаешь в руках, а с самого рождения было, есть и будет частью тебя самого...

При этом Данила не забывал боковым зрением держать

под контролем металлический бутерброд на ножках, который нерешительно переминался на месте и вроде пока никаких враждебных действий не предпринимал. Ну стоишь себе, механизм, – и ладно, стой дальше, без тебя вражьей силы предостаточно.

Подрагивающая лента с патронами, извиваясь, всасывалась внутрь пулемета, выползая пустой с другой стороны. Данила уже подумывал о том, как бы половчее сдернуть с плеча вторую ленту и перезарядить свое оружие, когда в его голове взорвался дикий, нереальный вопль:

– Прекратить!!!

Удар был двойным – по барабанным перепонкам и изнутри, ментальной волной. В голове словно взорвался огненный шар, плеснувший расплавленным мозговым веществом на глазные нервы. Данила еле устоял на ногах. Но устоял. И сейчас усиленно мотал головой, стараясь одновременно прогнать красные пятна, плясавшие перед глазами, и при этом не выпустить из рук оружие.

– Ну, здорова машина орать, – раздался слева голос Снайпера, судя по которому он чувствовал себя несколько лучше Данилы. Оно и понятно, его крысособака языком не благодарила и ментальные удары ему по барабану.

Сквозь огненные пятна разведчик видел, что собакоголовым тоже пришлось несладко. Один из них стоял, опершись на автомат, и покачивался из стороны в сторону, как игрушечный деревянный болванчик, а из-за воротника его шле-

ма на грудь струйкой стекала кровь, собираясь у ног в черную лужицу. Двое, наверно, менее стойкие, просто валялись рядом с ним без движения.

Такая участь постигла тех, кто был ближе всех к машине с паучьими ножками. Остальные, которым повезло больше, сейчас стояли на коленях и истово кланялись разозленному механизму.

– Старший охраны! – проревела машина. Громко, но уже без ментальной добавки.

Один из собакоголовых, несколько крупнее других, встал на одно колено и склонил шлем.

– Почему они здесь?

Собакоголовый не пошевелился. Или просто говорить не умел, или нечего было сказать. Ни тот ни другой вариант механизм не устроил. Со сверкающего жала сорвалась молния и ударила в черный шлем. Главного охранника отшвырнуло назад, а из расколовшегося шлема повалил черный дым.

– Угу. А ведь это для нас спектакль, – прокомментировал произошедшее Снайпер. – Акция устрашения. Знаешь, эта хрень мне здорово напоминает компьютерный процессор. А что? Посредине ядро, снизу блок питания, сверху вентилятор, сзади антенна для компостирования мозгов подчиненным, спереди разрядник, по окружности – видеокамеры. И ножки, чтобы свалить в случае большого шухера.

Данила больно прикусил губу, отвлекая организм от переживаний по поводу ментальнозвуковой атаки. Цветной ка-

лейдоскоп перед глазами понемногу сошел на нет, и разведчик разглядел тускло блестящие точки объективов, словно паучьи глаза, расположенные вокруг черного кристалла по верхней и нижней кромке бронестекла.

– Сильно эта штука на матку руконога смахивает, – добавил Снайпер. – Интересно, кто у кого дизайн позаимствовал, членистоногие у механиков, проектировавших этого красавца, или...

– Подойдите! – прервал речь Снайпера громовой голос, несущийся из-под жала.

– Мне может приказывать только мой начальник... – заворчал было Данила, медленно поднимая ствол пулемета.

– Тихо, тихо, напарник, – остановил его Снайпер. – Ты нас со своими средневековыми заморочками точно до цугундера доведешь. Приглашают – пошли, здесь мы гости, причем незваные. Давай покажем пример, уважим невежливого хозяина.

И пошел, закинув за спину свой снайперский комплекс и непринужденно держа автомат Данилы стволом вниз. Словно с тросточкой по проспекту прогуливался, как господин какой-нибудь со старинной фотографии, только что на ствол не опирался. И как это у него так получается со словами обращаться? Если вдуматься – и правда, «гости» – это еще мягко сказано.

Так они и пошли к машине, огибая по пути изуродованные «Кордом» трупы собакоголовых, – Снайпер впереди, Да-

нила на пару шагов сзади, готовый в случае чего проверить на прочность остатком боезапаса пулеметной ленты бронестекло механического паука. При этом расфокусированным зрением разведчик по привычке фиксировал обстановку по сторонам. Жутковатая, надо сказать, была обстановка, как в коморе по забою скота. Но если в Кремле та комора была скромной, от силы пару туров забить за раз или пяток свиноушек, то здесь объемы кровавой работы поражали. И не иначе давно бы заполнили Московскую землю собакоголовые, если бы процесс производства у них был стопроцентно эффективным. Но нет, вон кучей валяется подрагивающее мясо, вываленное из формы и уже частично загруженное в ящик со знакомой надписью «Для биологических отходов». А рядом с ящиком раскорячилась стандартная для этого места крестовина с мутантом, зафиксированным на ней. Не иначе сейчас его очередь нырять в форму вместо неудавшегося кандидата в собакомордую охрану...

Данила повернул голову – или кто-то помог ему ее повернуть. Его мозг еще сопротивлялся новому вмешательству извне, но глаза разведчика уже встретились с единственным глазом мутанта, распятого на крестовине. Ну да, тот самый монстр с монитора, который мысленно попросил о помощи и не иначе стараниями которого умерли пулеметчики у входа в это жуткое место. Ох и страшон красавец! Во сне такого увидишь, топором не отмахнешься, придется за двуручным мечом бежать. Одни беспокойные отростки на месте глаз че-

го стоят! Но единственное око мутанта необъяснимым образом смотрело совсем по-человечески, умоляюще. Вот поди ж ты, тварь какая жуткая, а эмоции на морде написаны прям как у людей...

— Кто вы? — проревело над головой — и Данила вспомнил, где он и зачем у него в руках пулемет. И разозлился не на шутку. Одноглазый мутант копался в его голове, словно в собственном кармане, и управлял его мыслями, как ему вздумается. Точно ли нужно спасать живое существо, которое потом запросто сможет сделать из тебя послушную куклу?

— А то ты не знаешь? — спокойно ответил Снайпер. — Поди, в мозгах-то наших уже порылся?

— В твои мысли я проникнуть не могу, — проговорило нависшее над напарниками механическое чудовище. — А в голове пулеметчика нет ничего интересного. Разве что я узнал, кто убил охрану входа, и убийце недолго осталось жить.

Данила скрипнул зубами от досады. Интересно, как Снайперу удалось защитить свою голову от непрошенных гостей, любящих ковыряться в чужих мозгах? Если выберемся отсюда, надо этот вопрос поставить первым в списке тех, что Данила давно собирался ему задать, да так и не собрался. То перестрелки, то погони, то вот чудище железное, говорящее...

Сверху послышалось тихое потрескивание, на кончике сверкающего жала, словно змеиный язычок, сверкнула и

пропала крохотная молния.

«Все-все, молчу», – подумал разведчик. Потрескивание прекратилось.

– Путники мы, – смиренно произнес Снайпер. – По свету ходим, судьбой гонимые. Вот она и привела нас к тебе в дом. Твои слуги же встретили нас неласково, отбились мы от них, как умели.

– Вы уничтожили шестнадцать охранных единиц первого порядка, – перебил Снайпера монстр. – Помимо этого, взвод охранных единиц второго порядка отказался выполнять приказ. После того как он будет обнаружен, весь взвод взбунтовавшихся биотехов подлежит полной переработке. Помимо этого еще одиннадцать единиц охраны периметра было уничтожено боевым роботом до того, как мы его обезвредили. И все это не считая расхода боеприпасов и разрушений.

«А взвод охранных собачек-то убежал, и не нашли их собакомордые», – подумал Данила и улыбнулся про себя.

– Их ищут. И найдут, – заверил голос сверху. И разведчик с досадой подумал, что тысячу раз прав был его пестун насчет того, что лучший солдат – это тот, кто выполняет приказ, не раздумывая. В этом проклятом месте как ни крути, мысли мои – враги мои...

– Кого там найдут, не знаю, но когда стреляют в нас, мы стреляем в ответ, – сказал Снайпер. – Так уж обучены.

– Не знаю, что мне мешает размазать вас по полу прямо здесь... – произнес механизм, задумчиво покачиваясь на

тонких ножках.

– Наверно, ты подумал, что если это ранее не сделал академик Кулагин, то мы несколько более интересный биоматериал, чем кажемся с виду, – предположил Снайпер. – А также, покопавшись в голове моего напарника, решил через нас предложить Кулагину обмен бесполезного для тебя артефакта на что-то более функциональное. Например, на его технологии создания киборгов.

– Он тебя на это уполномочил? – быстро спросил механический монстр. Его хвост-антенна нервно подрагивал.

– Нет, – просто ответил Снайпер. – Зато я могу предложить тебе что-то другое.

– Например?

– Например, твою базу.

Даниле показалось, что на его напарника необъяснимым образом недоуменно уставились все видеокамеры механизма, даже те, что находились сзади.

– Мою базу???

– Ну да, – пожал плечами Снайпер. – Неужели ты думал, что боевого робота Mountain A-14, пусть даже сильно поврежденного, можно уничтожить пулеметным огнем и пачкой гранатометов? И ты всерьез думаешь, он до сих пор валяется грудой металла возле вашего забора? Сейчас, погоди.

Он вытащил нож, согнул левую ногу в колене и подцепил клинком подошву. Каблук отошел на несколько сантиметров, и из него в ладонь Снайпера вывалился небольшой чер-

ный прямоугольник.

– С некоторых пор особо ценные вещи я ношу в берцах, – пояснил Снайпер, двумя ударами рукояти приколовив подошву обратно.

– Что это? – спросил механизм. Данила мог бы поклясться, что в его голосе, чем-то напоминающем серию холостых спусков пистолетного курка, была некоторая растерянность.

– Пульт от боевого робота, – пояснил Снайпер. – С виду просто кусок металла. Информация вводится голосом. Нужно просто поднести его ко рту и внятно произнести цифровые коды команд.

Я примерно с час назад задал координаты, включил таймер, и, думаю, Mountain A-14 уже проснулся и идет сюда.

Механизм замер. В тишине слышались лишь слабые стоны несчастных мутантов, привязанных к стойкам, и ровное гудение наверху – не иначе паукообразный ворочал электронными мозгами, сканируя какие-то невидимые датчики, предоставляющие ему информацию о Зоне. Хвост-антенна уже не подрагивал, а вибрировал.

– Грузится, – негромко подтвердил размышления Данилы Снайпер. – Интересно, кто ж тебя такого выдумал? Ну, что наши микропроцессоры самые большие микропроцессоры в мире, – это понятно. А алгоритмы принятия решений откуда? Мозга живого в нем точно нету, всем кристалл управляет. Это ж разумная машинка, искусственный интеллект, можно сказать.

– Поля Смерти, – сказал Данила.

– Что Поля Смерти?

– Поля Смерти превращают людей в мутантов, а мутантов – в разумные существа. Может, оно просто сломалось и начало думать? Мутанты тоже, когда в Поля Смерти попадают, сначала облезают чуть не до костей, а потом сильнее становятся.

– Хммм... Думаешь, оно сначала просто было обычной машиной? А потом облученный кристалл изменился, эволюционировал и за двести лет додумал себе ноги, антенну, жало и небольшую собственную империю?..

Развить мысль он не успел.

– Ты очень умен, хомо, если смог обставить меня, – раздалось сверху, – Останови своего робота, пока он не разнес мою Зону,

– Уан-фо-найн-фо-сикс-сикс-ту, – отчетливо произнес Снайпер себе в кулак.

Монстр погудел еще немного и, видимо удовлетворенный результатом, выдал:

– Не понимаю, как этот пульт может действовать под землей...

– Думаю, он автоматически подключается к любому наиболее мощному передатчику, находящемуся поблизости. Например, к твоей антенне.

Даниле показалось, что паукообразный сейчас не выдержит и все-таки осуществит свою угрозу размазать непроше-

ных гостей по полу. Вибрации усилились, теперь весь механизм трясло до самых кончиков тонких лап, словно живого человека, разозленного донельзя.

– Ты же разумная машина, – примирительно сказал Снайпер. – И наверняка примешь правильное решение. – «Правильное» он выделил голосом.

«Разумная машина» потряслась еще немного – и неожиданно успокоилась.

– Хорошо. Чего ты хочешь? – раздался сверху ровный механический голос.

– Базу данных обо всех достижениях человечества до Последней Войны, – просто сказал Снайпер.

– Но она не работает. Зачем тебе сломанная игрушка? – удивился монстр.

– Это уже мое дело, – отрезал Снайпер. – Взамен ты получишь свою Зону практически нетронутой. Думаю, это разумный обмен.

– Не понимаю, – произнес механизм. – Я полтора лет пытался ее включить – и все без толку. Она безвозвратно испорчена.

– Тем более, – сказал Снайпер.

– Добавь к нему пульт от робота – и забирай, – решил механизм. – А коды управления...

– ...я отправлю тебе через мой КПК, когда мы выйдем за пределы Зоны, – продолжил фразу Снайпер. – Подключение через спутник ты мне обеспечишь, не так ли?

Механизм снова задумался было, но Снайпер был настойчив.

– Введенный код приостанавливает заданную программу на десять минут, – как бы между делом сказал он. – И за пульт мы забираем мутанта.

– Какого? – вскинулся механизм.

– Какого? – повернулся Снайпер к Даниле.

– Вон того, одноглазого, – кивнул разведчик на жутковатого вида существо, зафиксированное кандалами на крестовине.

– Убийцу??? – взвыл механизм.

– Да ладно тебе, – почти дружеским тоном произнес Снайпер. – Ты себе еще слуг наштампуешь, тебе ж это раз плюнуть.

Механизм погудел немного, попереступал ногами – и сдался:

– Договорились. Держи.

Одна из его паучьих лап согнулась колесом, нырнула куда-то в металлическое подбрюшье и, ловко вылуцив из невидимого снизу встроенного контейнера какой-то предмет, плавным и точным движением протянула его Снайперу.

Три когтя из тусклого серого металла сжимали небольшую черную штуковину, формой и размерами сильно смахивающую на гранату без запала.

– Это точно оно? – усомнился Снайпер.

– А ты проверь, – донеслось сверху.

– Он еще и ехидничает, – проворчал Снайпер, забирая «гранату». После чего, произнеся в кулак «ту-фо-найн-файв-фо-файв-ту», вложил в когти пульт.

– Робот обездвижен, – сказал он, доставая маленький наладонный компьютер и нажимая несколько кнопок. – Получи запрос на авторизацию.

– Принято, – проворчал механизм. Данила мог поклясться, что он только что весьма точно воспроизвел недовольные интонации Снайпера. Искусственный мозг, самообучающийся на ходу. Надо же, чего только не встретишь в этой Зоне!

* * *

...Снимать мутанта с крестовины пришлось самим. При этом из единственного глаза спасенного вытекла большая натуральная слеза, впрочем быстро подтертая глазными отростками.

– С... спасибо, – прошептал мутант, когда его серые мохнатые лапки коснулись пола.

– Та нэма за що, – буркнул Снайпер. – Пользуйся. Ему вон спасибо скажи, – кивнул он на Данилу, – К тому же мы еще не ушли.

– Теперь уйдем, – заверил одноглазый.

– Мне б твою уверенность, – сказал Снайпер, оглядываясь.

Но паукообразного механизма уже не было видно. Зато синхронно поднимались с коленей уцелевшие собакоголовые. За непрозрачными бронестеклами их морд видно не было, но вряд ли они излучали любезность, судя по тому, как мутанты держали в лапах автоматы. Одно неверное движение – и уже за отсутствием фактора неожиданности никакой «Корд» не поможет. Покрошат в винегрет за шесть секунд. Тем более что патронов к пулемету осталось всего ничего.

Впрочем, из цеха они вышли беспрепятственно, хотя и ощущая спинами нацеленные им вслед дула автоматов. На выходе Данила собрался было перезарядить «Корд», но Снайпер его остановил:

– погоди. Громоздкая все-таки машина, с ней не побегаешь. Забирай-ка лучше свой автомат обратно.

Но разведчик заупрямился.

– Автомат ты себе оставь или ему отдай, – кивнул он на мутанта. – Меня своя ноша не тянет.

И достав ленту из второго пулемета, установленного на стойке у входа в цех, уже привычным движением перекинул ее через плечо и зафиксировал поясным ремнем. При этом про себя подумал не без самодовольства, что лента с патронами длиной без малого одиннадцать сантиметров каждый вряд ли поместилась бы на плече Снайпера, не говоря уж о спасенном мутанте, который росточком был на голову ниже последнего. У напарника, конечно, с мускулатурой порядок, но все ж понятно, что в их мире не учили с малолетства ра-

ботать мечом и боевым топором, часами ворочая сначала деревянные макеты, а потом и полноценное оружие.

– Дело хозяйское, – сказал Снайпер, однако мутанту автомат не отдал. А лишь проверил магазин и покачал головой. – Патронов у нас кот наплакал, – сообщил он. – Еще на одну хорошую драку, а потом ножи, зубы и плевки во вражьи рожки будут нашим оружием.

– Здесь недалеко, – сообщил мутант на отличном русском, довольно шустро шевеля лапками и не отставая от спутников.

– О, да ты не только в мозгах ковыряться умеешь, – удивился Снайпер.

Данила удивился не меньше. Ему казалось, что такое ротовое отверстие вряд ли приспособлено для нормальной речи. Разве что орать истошно да кроликов целиком заглатывать.

– Я не ем кроликов, – сообщил мутант. – И вам не советую, юноша. Вряд ли ваш желудок переварит то, во что превратились эти животные за двести лет последствий ядерной катастрофы.

Снайпер одарил мутанта еще одним удивленным взглядом, а Данила готов был сквозь землю провалиться. Ну как научиться контролировать мысли, если у любого нормально-го человека постоянно лезет в башку всякая муть?

– Не переживайте, – произнес мутант. – Я больше не буду лазить к вам в башку. Это просто привычка сканиро-

вать мыслительную активность окружающих объектов с целью своевременного обнаружения добычи и потенциальной опасности. А вот вашего друга я просканировать не могу – словно стена стоит. Как вам это удастся?

– Думать вредно, – сказал Снайпер, ускоряя шаг. Понятно, что, как и остальным, ему было неуютно в этих коридорах и хотелось побыстрее выбраться наверх. – Вот я и не думаю.

– Судя по результатам, не похоже, – отметил мутант.

– Лучше скажи, как тебе удалось Данилу уговорить, чтобы он тебя спас?

– Элементарно, то же самое сканирование мозговой деятельности, – пожал плечами спасенный телепат. – Уже ни на что не надеясь, я прошупывал пространство на предмет, не видит ли кто меня, помимо моих конвоиров. И мне повезло.

– И мозги пулеметчикам тоже ты взорвал? – на всякий случай уточнил Данила.

– Поверьте, это было намного легче, чем послать вам мою просьбу. И огромное спасибо, что вы на нее откликнулись, – сказал мутант, умудрившись на ходу поклониться чуть не до полу. – У них мозгов было чуток совсем, причем взорванных еще до меня. Я лишь легким ментальным посылом завершил процесс.

– Да уж, – фыркнул Данила, уже немного жалея, что не согласился поменять пулемет на «калашников». Темп спутники взяли неслабый, чуть не бегом бежали, и поспевать за

ними с крупнокалиберным пулеметом наперевес уже было несколько сложновато. – Звать-то тебя как?

– Кандоронгарофыф, к вашим услугам, – еще раз поклонился мутант. – Вы спасли мою жизнь, и по законам моего племени я перед вами в долгу до тех пор, пока не расплачусь с вами той же монетой.

– Да ладно, заканчивай, – отмахнулся Снайпер. – Где-то я уже это слышал, причем недавно. И закончилось все печально. Так что давай без долгов. К тому же мы не только тебя вытаскивать шли. Нам по-любому надо было как-то с тем процессором договариваться, ну и тебя заодно прихватили.

Он подмигнул мутанту на ходу. Тот как-то беспомощно улыбнулся в ответ, растянув ротовое отверстие чуть на до затылка.

– Слушай, Кандо... – начал Данила – и осекся, припоминая окончание имени.

– Можно просто Фыф, – вздохнул мутант. – Никто запомнить не может, даже мама путалась, когда была жива.

– А кто ж тебя так? – поинтересовался Снайпер.

– Отец, – снова вздохнул Фыф. – Поклялся, что первое слово, произнесенное им после моего рождения, будет моим именем. Долго придумывал, чтобы было покрасивее, с радости и для стимуляции мозговой деятельности употребляя при этом изрядное количество мухоморовой настойки. А клятвы, как и ритуалы, в нашем племени священны.

– И вот это выговорилось после рождения?

– Оно самое, – кивнул мутант. – Но я привык. Вы что-то хотели спросить?

– Интересно, все мутанты-телепаты изъясняются высоким штилем или это совпадение? – опередил Данилу Снайпер.

– Не знаю, о каком совпадении вы говорите, но любое мыслящее существо с развитой мозговой деятельностью просто обязано соблюдать культуру речи. Во всяком случае, так принято в моем племени.

– Уел, – коротко бросил Снайпер. – Больше вопросов не имею.

– А я имею, – выдохнул Данила. – Долго еще? Я имею в виду, после выхода наружу.

Опустевшую зеленую ногу, когда-то служившую опорой пулемету Данилы, они миновали только что. Дальше был подъем по лестнице в вентиляционную камеру – и толстенная дверь, открывающаяся «в режиме 2», который, видимо, раз и навсегда наступил в Зоне двести лет назад.

– Ближе, чем вы думаете, – сказал Фыф, ловко взлетев по перилам лестницы вверх, почти не касаясь лапами ступеней. Похоже, все четыре его на удивление гибкие конечности были равно приспособлены как для работы, так и для передвижения – хочешь по-человечьи на двух ногах, а хочешь, как сейчас, перебирая всеми четырьмя с поразительной скоростью. Удивительно, как такое юркое существо смогли отловить не особо поворотливые собакоголовые.

– В ловушку угодил, – с досадой произнес Фыф с послед-

ней ступеньки. – Как последний идиот. Слабость у меня – люблю вкусно поесть, хорошие напитки и... и женщин. Ой, извините, я обещал не сканировать ваши мысли! Все-все, больше не буду.

– Не у тебя одного такая слабость, – хмыкнул Снайпер, толкая тяжеленную дверь. – Хотелось бы узнать, у кого ее нет. Так, ладно. Фыф, ты замыкающим. Я первым выхожу, Данила сразу за мной...

– Впереди метров на сто вокруг никого нет, – сказал мутант, собрав на лбу гармошку морщин. – Дальше имеется десяток-другой объектов. И, судя по уровню их мозговой деятельности, скорее всего, это гуманоидные биотехи.

– А крысособаки это не гуманоидные? – уточнил Данила.

– Условно можно и так, – кивнул Фыф. – Тварям, которые более-менее не подходят по параметрам под размеры корректирующих автоклавов, здесь, в Зоне, просто вживляется в мозг электронный управляющий командный центр. Но предпочтение все-таки отдается гуманоидным формам жизни, так как их мозг лучше поддается программированию.

– Понятно, – сказал Снайпер, проходя мимо трупов охранников, так никем и не убранных с пола венткамеры. – Теперь гуманоидные собакоголовые будут пасти нас до победного конца.

– До какого конца? – не понял Данила.

– До их логического конца. Или до нашего. Это уж как получится, – пояснил Снайпер, поднимаясь по ступеням, по-

крытым черно-бурыми пятнами, и проникающим пинком открывая последнюю дверь.

* * *

...Над Зоной занимался кровавый рассвет. Именно так, иначе не скажешь. Когда сквозь сплошную пелену свинцовых облаков просвечивает восходящее солнце, его лучи больше всего напоминают потеки подсохшей крови на плохо освещенной подвальной лестнице, по которой спутники только что поднимались наверх. Особенно колоритно смотрелся на фоне рассвета древний деревянный грузовик на мраморном постаменте, который ранее в ночной темноте Данила просто не заметил. Но сейчас было не до любований старинными памятниками, неизвестно как сохранившимися за две сотни послевоенных лет.

– Похоже, наш процессор передумал, – сказал Снайпер.

За сто метров от двери и вправду никого не было. А дальше стояла сплошная стена из воткнутых в землю больших прозрачных бронешитов, напоминавших формой средневековые павезы, за которой укрывались собакоголовые. Видать, на этот раз мутанты-охранники решили обойтись без потерь. Такие же ряды справа и слева перекрывали возможное отступление непрошенных гостей. Позади ровно загудел скрытый механизм, и с мягким щелчком захлопнулась стальная дверь, отрезая последний возможный путь к отступле-

нию.

– А крайних-то я не уловил, здание экранировало, – угроженно сказал Фыф.

– Как будто это что-то меняет, – проворчал Снайпер. – А Данилу через монитор как уловил?

– На адреналине, – вздохнул мутант. – Страшно было.

– Сейчас не страшно? – поинтересовался Данила.

– Сейчас не особенно, – признался Фыф. – Это в автоклаве умирать жутко, больно и долго. А здесь и не заметишь, как в дуршлаг превратишься...

Под пыльник Снайпера кто-то запел душевно под гитару: «Но ты не вернешься в край, где ты не был...»

– Ага, вот и процессор активизировался. Пораскинул своим кристаллом и небось решил отжать для себя новые условия, – сказал Снайпер, доставая КПК и нажимая на кнопку.

– Я жду коды, – сказал вслух наладонник. Не иначе его хозяин включил громкую связь.

– Только когда мы покинем Зону, – отрезал Снайпер. – Мы же договорились.

– Я не договариваюсь с биоматериалом, – ровно произнес динамик. – Ты просчитался, хитрый хомо. Пульт у меня, робот под моим контролем, активирован, прибыл на мою подземную базу, и сейчас я уже изучаю его логические схемы, ты под прицелом моих солдат... И к тому же я тебе не верю. Исходя из этих данных, я решил изменить условия. Ты передаешь мне коды, сдаешь оружие, после чего я разрешу тебе

и твоему другу покинуть Зону. Шаман останется здесь.

– Дело в том, что я тебе тоже не верю, – произнес Снайпер. – Что мешает тебе уничтожить нас после получения кодов?

– Ничего, – ответил КПК. – Но условия здесь ставлю я по праву сильного. У тебя две минуты для того, чтобы принять решение.

– Ну что ж, уломал, чертяка языкастый, – сказал Снайпер, усаживаясь на землю и кладя рядом с собой автомат и наладонник. После чего согнул ногу в колене, положил ее себе на бедро, достал нож и принялся аккуратно отрывать подошву у правого ботинка. Причем выполнял он эту процедуру не в пример осторожнее, чем до этого с левым.

Данила недоуменно смотрел на напарника. Интересная картина – сидит мужик на земле под прицелом полусотни стволов и, слегка насвистывая, уродует свою обувь. Фыф тоже усиленно морщил лоб и немного растерянно переводил взгляд с Данилы на Снайпера и обратно, ничего не понимая.

«Чисто дите напуганное, – подумал разведчик. – Довели зверюшку собакомордые. Как его паук железный назвал? Шаман? Интересно будет, если он действительно и есть один из тех легендарных шамов, которых никто никогда не видел».

Тем временем Снайпер выковырял из углубления каблука такой же по размеру прямоугольник, какой он отдал разумному механизму, только не черный, а серебристый.

– Итак, твое решение? – спросил КПК.

– У меня есть выбор? – вопросом на вопрос ответил Снайпер, приколавывая каблук обратно. Потом поднес ладонь с серебристым прямоугольником ко рту и отдельно произнес. – *Ex malis eligere minima.*

– Похвально, хомо, что из двух зол ты выбрал меньшее, – донеслось из наладонника. – Выбор есть всегда. Правда, не в твоём случае.

– Что ж, передаю коды.

Под пальцами Снайпера тоненько запищали кнопки КПК. Перед этим он небрежно сунул прямоугольник в карман – как вещь, выполнившую свою функцию и уже не особо нужную.

– Сколько нам нужно времени? – прошептал Фыф. Похоже, он догадался о чем-то, что пока было загадкой для Данилы, и сейчас это уже не было растерянное существо, готовое безропотно принять смерть от рук палачей. В единственном глазу мутанта блеснул азарт охотника, почуявшего добычу.

– Десять минут. Максимум, – негромко отозвался Снайпер, продолжая работать на карманном компьютере.

– Что-то долго, – проворчал динамик. – Неужели нельзя сбросить все одним файлом?

– Ну уж извините, – сказал Снайпер. – Всю необходимую информацию я держу в голове и в цифровом виде передавать ее пока не научился.

– Если ты меня обманул, реконструкция в автоклаве по-

кажется тебе подарком, – пообещал КПК.

– Можешь попробовать управлять своей новой игрушкой при помощи тех кодов, что я уже тебе скинул, – произнес Снайпер. – Еще минут пять, осталось не так много. Машина умная и все расчеты производит сама, поэтому набор команд небольшой. Сейчас все будет.

И закусил губу. Видно было, что он всеми силами пытается тянуть время, но, видать, и вправду создатели вложили в Mountain A-14 слишком много электронных мозгов и от человека-оператора требовалось не так уж и много – обозначить задачу и ждать, пока машина ее выполнит. А какая задача может быть у боевого робота? Включился-выключился, нападение-защита, ну, может, еще режим самообслуживания какой-нибудь... И режим самоуничтожения.

Данила аж зажмурился. Не есть ли команда, произнесенная Снайпером на непонятном языке, включением того самого режима? И если да, то не додумается ли до этого раньше процессор на паучьих ножках?

Говорят, что мысль материальна. И по тому, как неуверенно начали поднимать стволы автоматов собакоголовые, процессор додумался. Похоже, сейчас он лихорадочно искал способы предотвратить катастрофу, но при этом не забывал и о тех, кто стал ее причиной.

– Ты обманул меня, хомо!!! – взревел динамик.

– Один-один, механическая сука, – криво усмехнулся Снайпер, бросая в карман ненужный уже КПК и хватаясь за

автомат. При этом он тоже наверняка понимал, что задумка не получилась и теперь это бесполезно; просто, как и Данила, решил подороже продать свою жизнь.

«Это правильно», – пронеслось в голове разведчика. Он уже падал на землю, одновременно в полете расщелкивая сошки пулемета. По крайней мере на щиты слева ленты точно хватит. Если, конечно, он успеет ее всю отстрелять до того, как его тело прошьют свинцом из-за двух других укрытий...

Но нажать на спуск он не успел.

Внезапно прямо с земли вверх ударила стена дыма... или пара. На глазах Данилы полудохлая трава с небольшого участка под его носом моментально превратилась в труху – из нее просто разом ушла вся влага. Секунды не прошло, как между ним и мутантами выросла стена плотного, почти осязаемого тумана.

– Быстрее! – раздалось над головой.

Данила вскочил на ноги. На расстоянии вытянутой руки ничего не было видно, лишь по смутным очертаниям, напоминающим силуэт ребенка, можно было догадаться, что рядом стоит Фыф.

– А Снайпер?

– Здесь я.

Из тумана вынырнул второй силуэт с контурами, смазанными пыльником, отчего Снайпер сильно походил на шатун-привидение, которые частенько шастают по подвалам

Кремля, до икоты пугая баб, спускающихся туда за картошкой.

– Как ты говорил, один-один? – хмыкнул Фыф. – Похоже, мне удалось быстро вернуть долг жизни, хоть ты и не хотел его признавать.

– Давай сначала свалим отсюда, а потом посчитаемся, – сказал Снайпер.

– За мной, – коротко бросил Фыф и скрылся в тумане. Для этого ему не потребовалось больших усилий – один шаг, и гибкая фигурка мутанта пропала из вида, словно утонула в густом молоке.

Данила бежал, на слух ловя шуршание ног Фыфа, – иначе никак, зрение в такой насыщенной, неестественной для природы среде помогало мало. Это было легко, поскольку в туманную погоду звук разносится лучше из-за однородности воздуха. Снайпер бежал рядом, но его шагов практически не было слышно, хотя весил он как минимум раза в два больше, чем одноглазый проводник. Данила уже перестал удивляться умениям напарника. Возможно, он тоже бежал бы бесшумно, в Кремле разведку учили беззвучному шагу, но с тяжелым пулеметом наперевес это было затруднительно.

Возможно, что именно его шаги и услышали собакоголовые, пришедшие в себя от удивления и осознавшие, что обреченные на отстрел смертники самым наглým образом уходят в туман. Слева грохнул выстрел. Неприцельный, конечно, но лиха беда начало. Если перепахать туман очередями

с трех точек, глядишь, пуля-дура и зацепит цель. А то и не одна, смотря как перепахивать.

Очереди справа и сзади раздались одновременно. Одинокiй трассер огненным росчерком вынырнул из серой взвеси и пронесся перед лицом Данилы.

– Не получилось, – ровным голосом произнес Фыф. Видимо, бег в удушливом киселе никоим образом не сказывался на его дыхалке. – А что в своих же могут попасть, им наплевать.

– Ну это мы еще посмотрим, может, что и получится, – отозвался Снайпер. Эхом его слов где-то в складках пылиника тоненько пискнул КПК.

И тут почва под ногами беглецов вздрогнула, словно живой зверь, получивший пулю в сердце.

Данила чудом удержался на ногах – настолько сильным был подземный взрыв, потрясший Зону. Вряд ли Mountain A-14 нес на себе заряд такой силы. Не иначе подземная империя разумного процессора была набита боеприпасами, сдетонировавшими при взрыве.

– Не отставай! – выкрикнул Фыф. – Туман рассеивается, и один я не смогу его долго удерживать!

Туман и вправду понемногу начал распадаться на отдельные клочья, напоминающие висащие в воздухе большие куски грязной ваты. В одном из разрывов Данила мельком увидел собакоголового. Тот, опустив автомат, растерянно топтался на месте, как крысособака, потерявшая след.

– Это ненадолго, – на бегу бросил через плечо создатель тумана. – Зона – это гигантский отказоустойчивый кластер, сейчас система перезагрузит управление сектором и будет погоня. Поднажмите, здесь меньше километра осталось!

«Насчет поднажать это он сильно сказал», – пронеслось в голове Данилы. Если пространство возле выхода из подземелья было более-менее свободным от обломков, то дальше пошли сплошные развалины. Создавалось впечатление, что кто-то специально рушил заводские помещения так, чтобы к сердцу Зоны ЗИЛ не смогли пробраться ни танки, ни тяжелые боевые роботы.

Остатки туманной завесы остались позади, но о спасении говорить было пока еще рано. Если б не Фыф, через это нагромождение рельсов, арматуры, обломков кирпичных стен, бетонных завалов и гор разнородного мусора пробраться было бы просто нереально. Но, похоже, мутант знал здесь каждый разбитый унитаз и каждую перевернутую вагонетку. Невидимыми извилистыми тропками он пробежал там, где на первый взгляд дороги быть не могло в принципе.

Справа в просвете между огромной кучей мусора и остатками стены цеха промелькнули стальные конструкции моста. Но Фыф продолжал бежать прямо.

– Мост там, – на бегу коротко бросил Снайпер. Похоже, и ему было не особенно легко с такой скоростью носиться по развалинам в пыльнике, разгрузке и с двумя автоматами.

– Не пройдем, – буркнул Фыф, похоже, немного обижен-

ный недоверием как специалист, которого попытались уличить в некомпетентности. – Там другой сектор со своим управляющим процессором, и, чтоб его пройти, еще один Mountain понадобится.

– И куда?.. – выдохнул Данила.

– Туда, – не особо вежливо бросил мутант, огибая мусорный Монблан по одному ему ведомой тропке. – Скоро развалины кончаются, поднажмите!

Не факт, конечно, что шамам, о которых вообще никто ничего не знал, свойственно чувство благодарности. Но других вариантов, кроме как довериться странному и, признаться, страшноватому с виду существу, которому они спасли жизнь, просто не было. И Снайпер с Данилой без раздумий бежали за Фыфом, стараясь попадать след в след. Потому как если иначе, то имелась большая вероятность навернуться в канализационную дыру, споткнуться о торчащую из земли железяку, словно специально загнутую так, чтобы за нее зацепился носок ботинка, или еще каким-нибудь простым и доступным способом свернуть себе шею, благо на пути их встречалось великое множество.

Конечно, километр по пересеченной местности – это не бог весть что для тренированного бойца. Но когда тот боец хочет есть и спать, как вечно голодная и насмерть загнанная отроками приبلудная крысособака, да плюс железа на нем навешано около трех пудов, то под конец того километра хочешь не хочешь, а ноги будут заплетаться, того и гляди на

ровном месте об собственную ногу споткнешься и с разбегу носом в щепень зароешься.

А место и вправду стало поровнее. Развалины остались за спиной, в лицо пахнуло сыростью. Вот и разрушенная набережная Москвы-реки, изогнутой в этом месте широкой петлей. На другой стороне – густолесье лысых мертвых деревьев, намертво сцепившихся ветвями и за счет этого ставших единой непроходимой стеной. Отсюда видать – даже если и переплывешь двести метров зараженной воды, что без водолазного костюма уже нереально, то через деревянную стену, подступающую к самой воде, не проберешься никакими силами. То ли сами они под воздействием Полей Смерти стали такой вот единой сплошной массой, то ли чей-то изощренный могущественный разум специально сделал берег неприступным. Сейчас Данила мог поверить даже в то, что кто-то в этих местах научился повелевать деревьями. Уж если куча железа на ножках ведет себя как истеричная дамочка преклонного возраста, то что стоит местным шаманам выстроить себе эдакую вот деревянную крепость.

Но это все так, мысли, после пробежки скачущие как блохи по спине фенакодуса. И куда теперь? Утопиться с горя, благо с такой горой железа на себе это проще простого? Интересно, сколько времени понадобится собакоголовым, чтобы прийти в себя после потери хозяина и пуститься в погоню?

– Наши строили по найму, – кивнул на стену деревьев

Фыф. – На свою голову. Наши старшие на все готовы, лишь бы заработать. Хотя тогда мы с Зоной не воевали...

Данила со Снайпером выжидательно смотрели на мутанта – сейчас их меньше всего интересовала история финансовых взаимоотношений родичей Фыфа и строителей Зоны. А тот повел себя странным образом. Подошел к берегу, опустился на колени и принялся натуральным образом молиться на неспешно вылезавшее из-за горизонта багровое солнце. Протянул к нему ладошки – и замер, медленно покачиваясь из стороны в сторону.

– Ну все, добегались, – тихо произнес Снайпер. – Похоже, наш Сусанин соскочил с катушек.

Он огляделся и покачал головой:

– Хреново. Думаю, через пару минут собакоголовые будут здесь и перешелкают нас из развалин на раз-два-три. Позицию здесь не оборудуешь, берег ровный, как назло, и мы на нем как на разделочной доске...

Закончить мысль он не успел. Внезапно вода под самым берегом забурлила, и из глубины Москвы-реки медленно поднялась металлическая штуковина, по форме похожая на патрон «Корда», только сильно утолщенный. Длиной тот «патрон» был метров пять, шириной полтора-два. Фыф медленно свел руки – и передняя часть верхней половины «патрона» отъехала назад.

– Верю, – сказал Снайпер. – А под водой твой катер тоже может плавать?

Мутант покачал головой:

– Нет. Эта конструкция специально придумана для того, чтобы приплыть куда надо и замаскировать судно самым лучшим образом из возможных. То есть утопить, заполнив трюм водой. При желании, конечно, можно было бы спроектировать его, чтобы оно и под водой плавало тоже, но смысла нет. Река мелкая, и напоротся днищем на какую-нибудь габаритную железяку, которых на дне навалом, – раз плюнуть.

Снайпер заглянул внутрь лодки.

– А связанный собакоголовый что там делает?

– Лежит, – буркнул Фыф. – Мы грузиться будем или его товарищей подождем?

– Грузиться будем, – выбрал из предложенных вариантов Снайпер. – Данила, давай ты первый, тебе «Корд» размещать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.